

6.13

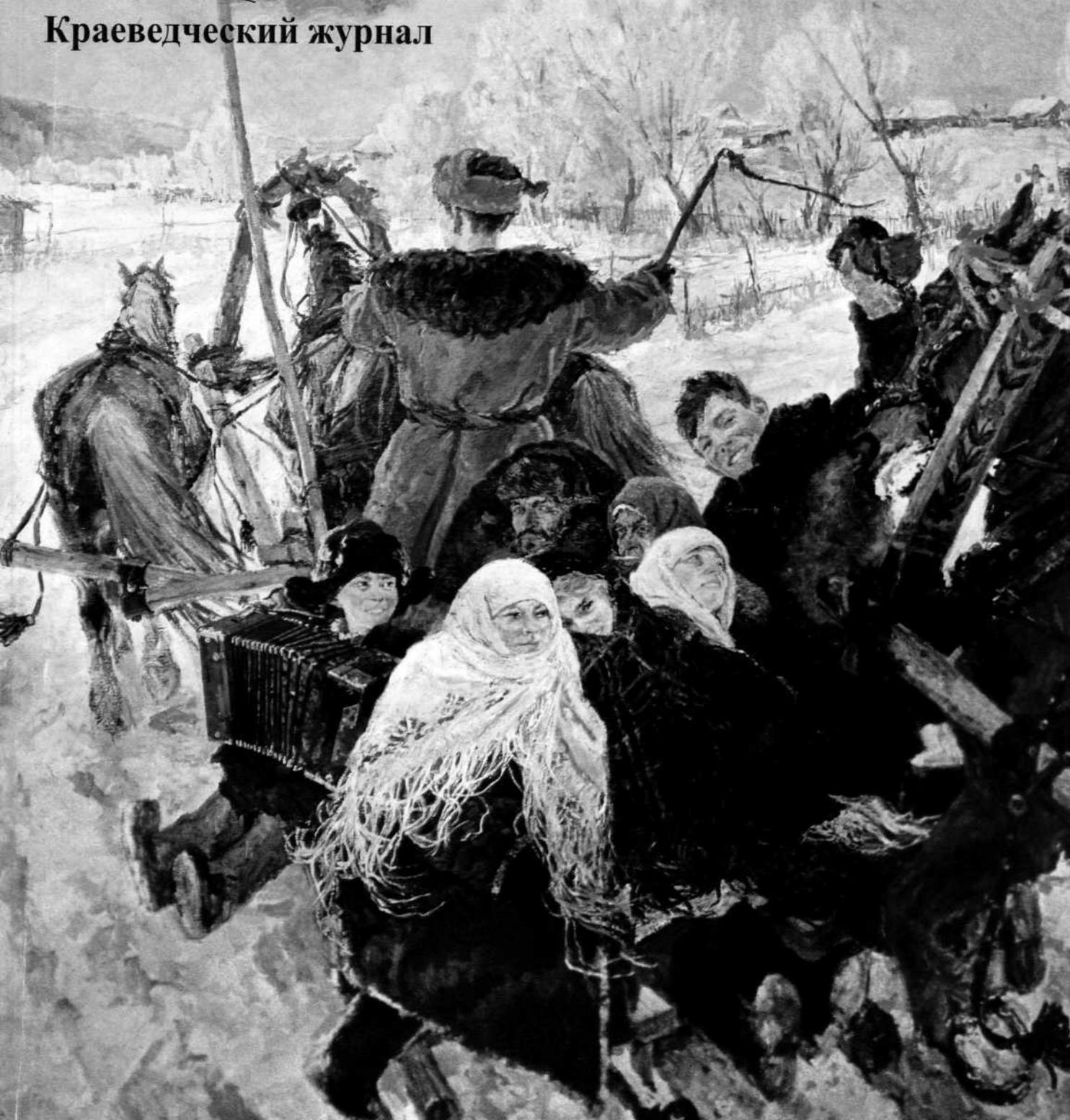

С пользою для Отечества 12+

Мономах

№ 6 (78) 2013

Краеведческий журнал

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

В.В. Матвеева

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

С.А. Ойкин

Е.Н. Сергеева

И.Э. Сиволяс

А.Ю. Шабалкин

Учредитель:

Министерство внутренней политики

Ульяновской области

Издатель: ОГБУ «МедиаЦентр»

Адрес редакции:

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Тел. (8422) 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

[e-mail: monomahh@gmail.com](mailto:monomahh@gmail.com)

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00197 от 18.07.2011 г.

Цена свободная

Подписано в печать 07.11.2013 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1200 экз. Заказ № 4146

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ООО «ДСМ»

443070, г. Самара,

ул. Верхне-Карьерная, За, оф. 1

На 1 стр. обложки –

Аркадий Пластов. Едут на выборы. 1941

На 4 стр. обложки –

Аркадий Пластов. Эту самовара. 1936

Журнал «Мономах» можно приобрести
в киосках «Дома печати»,
«Симбирскпечать», «Ульяновскпечать»,
в магазине «Ашан»,
музейном магазине Дома Гончарова,
в киосках Ленинского мемориала
и других музеях

Содержание:

Персона

И. Астраханцева.

III Международный культурный форум в Ульяновске.....2

Имя нашего края

Ю. Козлов. Пластов и фон Вики.....5

Л. Баюра. Пластовская осень, или Актуальный реализм.....8

К. Новеньков. Автограф Аркадия Пластова.....14

А. Лобкарёва. Иван Гончаров и Романовы.....16

И. Морозова. Илья Обломов заговорил по-французски.....20

Поиски и находки

В. Михайлова. Письма поручика Николая Карамзина.....21

Ж. Трофимов.

«Апологи в четверостишиях» Ивана Дмитриева.....23

Память

Т. Ильина. Семья любая знать должна, кто прадед был.....26

С уважением к прошлому

Д. Семёнов. Легенды о «статуйке».....30

Е. Беспалова.

Благотворительность масонской ложи «Ключ к Добродетели».....32

Ф. Касимов. Сейф Капделя.....35

Конкурс

Пушкин и Симбирск. Работы победителей конкурса.....36

По краю родному

Т. Громова.

Писал – как дышал. Об очерках Олега Рождественского.....42

Ю. Оситов. Каменные свидетели древней жизни.....44

На защите Отечества

Н. Марянин. Потерявшаяся слава.....47

Вот эта улица

А. Лихарев. Их имена – в названиях улиц.....50

Земляки

Н. Жиркевич-Подлесских.

«К моим сокровищам ещё придёт труженик-историк».....52

С. Петров. Неподражаемый Ромео.....56

Люди идут по свету

И. Морозова. В горы – познать себя самого.....57

На срезе времени

В. Епифанова. Пробудить силу, ведущую вверх.....60

В поисках веры

.....63

.....65

Отдел краеведческой
литературы и
библиографии

Стоимость подписки на 2 месяца – 69 рублей,
на шесть месяцев – 207 рублей.

По всем вопросам подписки на «Мономах»
можно проконсультироваться по телефону 41-04-32

Подписной индекс 73844

Темы номера:

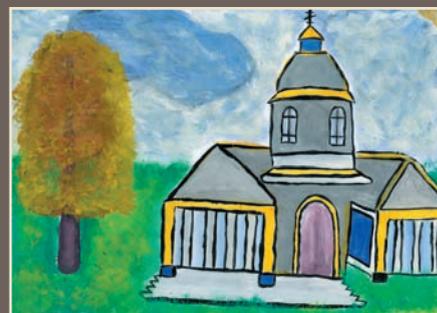

Фото Владимира Никитина

«Пластовская
осень»

120 лет со дня
рождения А.А. Пластова

Пушкин
и Симбирск

Итоги конкурса
к 180-летию приезда
Пушкина в Симбирск

Александр
Жиркевич

Сокровища ждут
своего исследователя

Ульяновск –
родина талантов

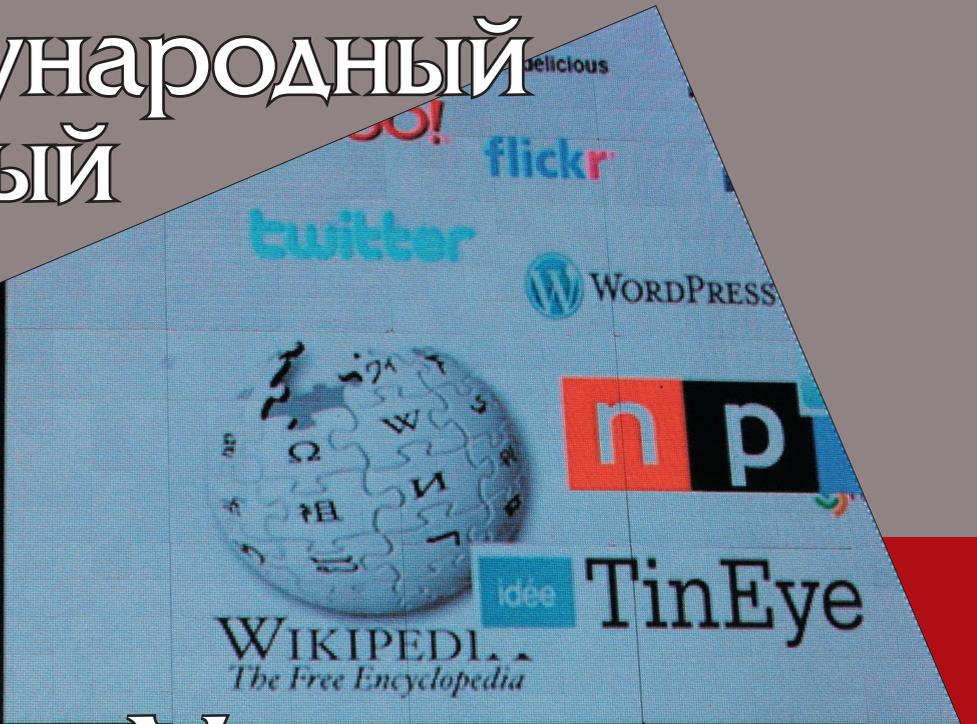
III Международный
культурный форум
в Ульяновске

III Международный культурный форум

Ирина Астраханцева:

«Ульяновский форум – это не просто череда мероприятий, а площадка, на которой поднимаются креативные, смелые и спорные вопросы»

В УЛЬЯНОВСКЕ

Ульяновск
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

Фото Сергея Ойкена

Пётр
Адамчик,
руководитель
программ
Академии
культуры Google
в юго-восточной
Европе
и странах СНГ

Сергей Морозов,
губернатор–председатель
правительства Ульяновской области

Екатерина Гениева,
генеральный директор
Всероссийской государственной
библиотеки иностранной
литературы им. М.И. Рудомино

Григорий Орджоникидзе,
ответственный секретарь Комиссии
по делам ЮНЕСКО в РФ

Павел Пожигайло,
председатель Комиссии по культуре и сохранению
историко-культурного наследия Общественной палаты РФ

Том Флеминг, директор компании
«Tom Fleming Creative Consultancy» (Великобритания)

Александра Очирова, поэт, доктор философских наук,
Посол доброй воли ЮНЕСКО

Марк Рудинштейн, создатель и продюсер кинофестиваля
«Кинотавр», лауреат премии ЮНЕСКО

Традиционно осень в Ульяновске насыщена знаковыми культурными мероприятиями. Это Международный культурный форум, «Пластовская осень», Обломовский фестиваль и другие важные проекты. Состоявшийся в сентябре нынешнего года III Международный культурный форум прошёл под патронатом ЮНЕСКО. Рассказать об итогах форума мы попросили директора Фонда «Ульяновск – культурная столица» Ирину Владимировну Астраханцеву.

– **Ирина Владимировна, поясните, пожалуйста, что значит «под патронатом ЮНЕСКО»? Что это даёт Ульяновску?**

– Весной этого года состоялась встреча руководства нашей области с представителями ЮНЕСКО в Российской Федерации, где была представлена презентация Международного культурного форума в Ульяновске. Наш проект их заинтересовал, после чего мы подали заявку на получение форумом эгиды ЮНЕСКО, и летом получили письмо от Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой, в котором она отметила, что приоритетные темы форума совпадают с направлениями деятельности Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Мы поняли, что занимаемся одним общим делом – сохранением культурного наследия, укреплением культурных связей, приобщением людей к культуре. Кроме того, получение Международным культурным форумом патроната ЮНЕСКО – это не единственное, чего мы достигли в наших партнёрских отношениях с этой международной организацией. Конференция «Сохранение, развитие и управление нематериальным культурным наследием стран СНГ и Балтии», которая проходила в рамках форума, получила поддержку Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. А ещё сейчас ведутся переговоры по поводу выездной сессии ЮНЕСКО в следующем году в Ульяновске.

– **Как Вы считаете, какие события программы нынешнего форума для нас особенно важны? Назовите самые, на Ваш взгляд, яркие.**

– Одно из центральных событий – это представление на форуме Национального доклада по культурной политике России международным экспертом Кириллом Эмильевичем Разлоговым и директором консалтингового агентства Cultural Futures LLP

Терри Санделом. Ульяновская область вошла в срез региональной культурной политики, описанный и проанализированный российскими и международными экспертами.

Очень актуальной для нашей области сейчас является туристическая тема. Планируется, что Ульяновск войдёт в два туристических маршрута – Красный маршрут, который связан с советской историей, и «Великая Волга». Данная тема, безусловно, будет продолжена в следующем году, а нашими стратегическими партнёрами в этой сфере станут Ростуризм и Росотрудничество.

Гости фестиваля в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова

Новой темой для Международного культурного форума в Ульяновске в этом году стали общественные инициативы. Эта тема была отражена на дискуссионной площадке под названием «Роль Общественных палат в формировании культурной политики регионов», которую провёл председатель Комиссии по культуре и сохранению историко-культурного наследия Общественной палаты РФ Павел Пожигайло. В Ульяновск приехали представители общественных палат из разных регионов России.

Самым ярким мероприятием в контексте названия форума «Культура нового поколения» стал «круглый стол» «Молодёжные субкультуры: почему молодое поколение выбирает свою культуру?». Все участники отметили, что такое явление существует, и об этом нужно говорить, потому что к молодёжным субкультурам присоединяются ярчайшие представители разных профессий.

Мы продолжаем сотрудничать с Британским советом, и в этом году с их помощью мы подняли на форуме тему культурного кластера и креативных индустрий, что в современном мире является одним из важнейших

направлений развития экономики. Для наших творческих предпринимателей и деятелей культуры проходил семинар «Ульяновск – творческий город».

Среди специальных мероприятий – форум региональных кинопроизводителей, на котором появилась очень интересная идея создания кинобиржи, Ассамблея искусств «Пластовская осень». Все эти мероприятия будут проходить и в следующем году.

– **Форум «Культура нового поколения» собрал много интересных людей. Расскажите немного об участниках.**

– Во-первых, мы очень рады, что в форуме приняло участие более 1500 человек. Среди участников – представители 65 регионов России и 18 зарубежных государств. К нам приехали и те, кого обычно пригласить в регионы очень трудно, и это значит, происходящее в Ульяновске им действительно интересно. Среди дорогих гостей – ответственный секретарь Комиссии по делам ЮНЕСКО в РФ Григорий Орджоникидзе, Посол доброй воли ЮНЕСКО Александра Очирова, председатель Комиссии по культуре и сохранению историко-культурного наследия Общественной палаты РФ Павел Пожигайло, руководитель программ Академии культуры Google в юго-восточной Европе и странах СНГ Пётр Адамчик, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино Екатерина Генеева, директор компании «Tom Fleming Creative Consultancy» Том Флеминг и многие другие.

Отрадно получать отзывы от экспертов и модераторов со словами благодарности. Они отмечают, что наш форум – это не просто череда мероприятий, а площадка, на которой поднимаются креативные, смелые и спорные вопросы.

– **Участники форума высоко отзывались об организации и говорили о том, что нынешний форум значительно вырос по сравнению с двумя предыдущими. В чём это проявилось?**

– В первую очередь, в содержании и в привлечении большого количества участников. Все темы были раскрыты очень широко, были использованы нестандартные подходы. Выводы и предложения вошли в Резолюцию форума, которая обязательно будет использоваться в дальнейшей работе.

Фото Алексея Жданова

Мероприятия
в рамках III Международного культурного форума в Ульяновске

Фото Владимира Никитина

– С 14 по 18 октября работала «прямая линия» на тему III Международного культурного форума «Культура нового поколения». Что дала «прямая линия», какие выводы Вы сделали?

– Все отмечают, что интерес к культурным мероприятиям у жителей нашего региона по сравнению с прошлыми годами вырос. Это является частью показателя культурной привлекательности региона. Кроме того, люди говорят, что два дня недостаточно для глубокого обсуждения тем и что форум должен проходить в три-четыре дня. Сейчас этот вопрос находится на стадии обсуждения.

– Представители ульяновской общественности предлагали растянуть очень насыщенную программу культурного месячника на более длительный срок, чтобы не пропустить ни одного важного мероприятия. Как Вы относитесь к подобным предложениям?

– В прошлом году программа проходила на протяжении двух недель, и жители нашего города просили её расширить, что мы и сделали в 2013 году. Но сентябрём культурная жизнь Ульяновска не ограничивается – в течение года мы также проводим очень интересные и не менее значимые мероприятия.

К центральным и наиболее важным культурным событиям Международного форума можно отнести следующие: всероссийский театральный фестиваль «Золотая маска в Ульяновске»; выставка «Метаморфозы творчества:

графика нидерландского художника Маурица Корнелиса Эшера»; совместный джазовый концерт «Осенний блюз» (исполнители: «Blues Company» из Германии и джазовый ансамбль «Academic Band», г. Ульяновск); концерт органной музыки в Ульяновской областной филармонии (солист Йоанн Вексо, ведущий органист собора Нотр-Дам де Пари из Франции); концерт народного артиста России Дмитрия Хворостовского; X «Обломовский фестиваль»; пленэр «Ульяновск – родина талантов»; выставка американского художника Роквелла Кента (1882–1971) из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина; выставка Ф. Гойя «Сумерки и свет» из фондов Государственного центрального музея современной истории (г. Москва); творческий вечер Александры Очировой – поэта, философа, Посла доброй воли ЮНЕСКО; всероссийская премьера фильма «Сердце моё – Астана» режиссёра Е. Кончаловского и другие.

Главный критерий успешности проведения культурной программы форума – полные залы на всех культурных событиях. Этому результату способствовало наличие двух факторов – тщательно продуманная политика по подбору участников программы и низкая цена билетов (благодаря грамотной ценовой политике и финансовой бюджетной поддержке проведения мероприятий со стороны организаторов Международного форума).

– На днях в пресс-центре «Ульяновск – культурная столица» состоялась дискуссия на тему «Программа IV Международного культурного форума 2014 года». Уже есть какие-то конкретные предложения?

– Да, конкретные предложения есть. Следующий форум должен рассмотреть возможности нового формата и новой площадки. Уже есть предложения по специальным мероприятиям – при участии Литературного музея, Британского совета и других организаций. Также было предложено подробно рассмотреть тему взаимодействия культурного сообщества и специалистов в сфере информационных технологий: IT в культуре или IT как инструмент культуры. Но самое главное, что мы вынесли из дискуссии, – это то, что форум должен прийти в муниципальные образования Ульяновской области.

Алексей Николаевич фон Вик
с дочерью Натальей.
1916

Пластов и фон Вики

Двадцать лет назад к 100-летию юбилею Аркадия Александровича Пластова впервые увидел свет документальный очерк ульяновских краеведов Ю.В. Козлова и А.М. Авдонина «Жизнь и судьба Аркадия Пластова». За прошедшие годы ушёл из жизни А.М. Авдонин, а книга обрела популярность и стала библиографической редкостью. В ближайшие дни издательство «Корпорация технологий продвижения» выпустит упомянутую книгу в существенно обновлённом виде, с использованием новых документальных материалов. Второе, переработанное и дополненное Ю.В. Козловым издание снабжено множеством фотоиллюстраций и репродукций известных полотен Мастера. Фрагмент упомянутого очерка предлагаем вниманию читателей журнала «Мономах».

На Покров, 1 октября 1925 года, состоялось венчание Аркадия Александровича Пластова, 32 лет, и Натальи Алексеевны фон Вик, 22 лет, оба православного вероисповедания. 14 октября их брак был зарегистрирован в Ульяновском городском ЗАГСе в присутствии свидетелей Е. Бажановой и Н. Хворова. В книге записей браков отмечено, что род занятий жениха – художник, а невесты – домохозяйка. С той поры Наталья Алексеевна почти безвыездно проживала в Прислонихе, сохраняя православный уклад семьи Пластовых, с редкими праздниками и нелёгким повседневным трудом. Чтобы сгладить родителям жены горечь разлуки с дочерью, Пластов на следующий год написал для них её портрет.

Кем же была его невеста, из какого рода-племени?

Прадед девушки, Эрнест Христианович Вик, происходил из обрусевших голландцев, каких немало было в России ещё со времён Петра Первого. Он дослужился до генеральского чина

и «приобрёл дворянство военною службою». В сентябре 1848 года по постановлению Симбирского дворянского собрания фамилия генерал-майора Эрнеста Христиановича Вика, его жены Варвары Алексеевны и их детей перенесена была из 3-й во 2-ю часть дворянской родословной книги.

Старший сын по примеру отца тоже избрал военную стезю, служил в лейб-гвардии кирасирском Его Величества полку. 23 апреля 1863 года «у ротмистра Николая Эрнестовича фон Вика и законной жены Олимпиады Алексеевны родился сын Алексей». В августе того же года гвардейский офицер вышел в отставку и поселился с семьёй в селе Карцовка Симбирского уезда и губернии (сейчас Майнский район Ульяновской области), где его супруга унаследовала «от отца своего генерал-майора Алексея Петровича Иванова 1330 десятин земли с поселёнными на ней 75 душами временно обязанных крестьян». Помимо упомянутого имения, у Виков имелось поместье в соседней Пензенской губернии.

Алексей Николаевич фон Вик окончил Николаевское кавалерийское училище и служил в пограничной страже на Украине. Волынская губерния с центром в городе Житомир граничила на западе с Царством Польским и Галицией. Так, в 1883 году здесь было задержано 1587 контрабандистов, всего больше – со спиртными напитками. В октябре 1888 года в Александро-Невской церкви одного из местечек Кременецкого уезда Волынской губернии обвенчались «жених суболтер-офицер Волынской бригады пограничной стражи, корнет Алексей Николаевич фон Вик 25 лет, невеста дочь командира Волынской бригады пограничной стражи, полковника Софья Васильевна Власова 17 лет, оба православного исповедания». Спустя два года Алексей Николаевич вышел в отставку и привёз молодую жену в своё симбирское имение.

Вскоре он занял должность земского начальника 7-го участка Карсунского уезда Симбирской губернии и переехал на жительство в село Сосновка того же уезда. Должности земских начальников

были введены в 1889 году с целью контроля над жизнью крестьян и деятельностью органов волостного и сельского управления. В состав возглавляемого Виком земского участка входили Сосновская, Горинская и Бело-Ключевская волости.

В апреле 1896 года потомственный дворянин Алексей Николаевич фон Вик обратился в Симбирское губернское присутствие «на предмет переименования меня из военного в гражданский чин». В 1912 году он уже имел гражданский чин статского советника, который даже был выше чина полковника военной службы. К тому времени его брат Сергей Николаевич стал известен как путешественник и литератор, автор нескольких популярных книг. Накануне войны увидели свет его «Путевые заметки при зоологических экспедициях на северо-восток Индии и на Голубой Нил в 1912–1913 годах».

В метрической книге Михайло-Архангельской церкви с. Сосновка сохранились записи о рождении у Виков сыновей: 3 марта 1891 года – Николая и 5 марта 1893 года – Петра. В марте 1901 года Алексей Николаевич запросил в Симбирском дворянском депутатском собрании «документ, коим удостоверить права моего сына Николая на дворянство». Упомянутое свидетельство было необходимо «для предоставления г. Директору Симбирского кадетского корпуса на предмет допущения к приёмным экзаменам».

Старший сын успешно сдал экзамены и был принят в кадетский корпус. А отец обратился к предводителю дворянства В.Н. Поливанову с просьбой о назначении Николаю стипендии.

В мае 1902 года его уведомили «о назначении... Николая в текущем году стипендиатом дворянства в Симбирском кадетском корпусе на одну из вакансий».

15 октября 1903 года в семье Виков появилась первая дочь Наталья, а 1 августа 1906 года вторая – Нина. В метрической книге за 1903 год местный священник записал: «Наталья родилась пятнадцатого (15) числа Октября, а крещена девятого (9) Ноября. Родители ея: потомственный дворянин Алексей Николаевич фон Вик и законная жена его София Васильева, оба православные. Восприемники: гвардии поручик Николай Александров Родионов и статского советника Георгия Фёдоровы Бажанова жена Елизавета Алексеева».

В сентябре 1906 года Алексей Николаевич обратился в Симбирское дворянское депутатское собрание с прошением занести в родословную дворянскую книгу «двух дочерей моих Наталию и Нину», и через три месяца

канцелярия дворянского собрания проводила ему «два свидетельства о дворянстве» дочерей.

В упомянутой Сосновке Алексей Николаевич фон Вик приобрёл большой деревянный дом с хозяйственными постройками и землёй. В доме было более десятка комнат, одну из которых занимала библиотека. Вход в библиотеку сделали обособленный, с улицы, её услугами могли пользоваться как жители Сосновки, так и окрестных сёл. Сосновская народная бесплатная библиотека славилась не только в уезде, но и в губернии.

Сосновка располагалась на речке Букаве среди хвойных лесов и с середины XIX века принадлежала дворянам Родионовым. В начале XX века Родионовы построили в здешнем поместье двухэтажный каменный дом, который окружал огромный парк со статуями и фонтанами. К 1913 году в селе было 398 дворов и 3103 жителя, имелись церковь, школа, волостное правление, приёмный покой, две общественных мельницы и действовал базар по воскресеньям.

Вик был одним из немногих в начале XX века фотографов-любителей Симбирской губернии, имел собственную фотокамеру немецкого производства и освоил процесс создания фотографий. Благодаря указанному увлечению, или, по-нынешнему, хобби Алексея Николаевича до наших дней сохранилось более дюжины чёрно-белых фотографий членов его семьи в домашней обстановке.

Дети у Виков получали домашнее образование, затем сыновья обучались в Симбирском кадетском корпусе, а старшая дочь – в гимназии. Младшая дочь умерла в трёхлетнем возрасте. У Натальи няней была Вера Константиновка Пахомова из Сосновки, а домашней учительницей – Валентина Адольфовна Бирнбаум, приглашённая из Симбирска. В 1913 году Наташа поступила в первый класс Кашкадамовской женской гимназии в Симбирске.

В марте семнадцатого года, после отречения императора Николая II, газета «Симбирянин» сообщила читателям: «В Карсунском уезде арестованы земские начальники В.П. Рютчи и А.Н. фон Вик. Тот и другой препровождены в распоряжение губернского комиссара Временного правительства». Вскоре Алексей Николаевич был освобождён из-под стражи, но уволен с должности. Он продал в Сосновке дом лесничему Завьялову и вместе с семьёй перебрался в Симбирск.

После Октябрьского переворота, когда власть захватили большевики, Алексей Николаевич пытался служить

Пётр Алексеевич фон Вик после окончания Николаевского кавалерийского училища. 1913

в самых разных учреждениях. Место работы ему приходилось часто менять из-за дворянского происхождения и ранее занимаемой должности, семья жила в большой нужде. Лишенцы, как их называли в то лихое время, потеряли не только своё состояние и гражданские права, но и остались без работы. Так, подыскивая средства к существованию, он стал продавцом-разносчиком газет и журналов. Дочь его Наталья – большая рукодельница – занималась вышивкой, шила куклы, стегала одеяла на продажу, чтобы как-то помочь семье свести концы с концами.

Неподалёку от домика Виков под № 11 в Германовском переулке (ныне пер. Гоголя) возвышался трёхпрестольный храм с многоярусной колокольней из фигурного красного кирпича и вставками из белого камня. В Воскресенской (Германовской) церкви Пластов первый раз увидел Наташу, которая прислуживала там и вскоре собиралась уйти в монастырь. Художник был сражён обаянием девушки, несколько раз сватался и получал отказ. Её отец и слышать не хотел о замужестве дочери, да и сама она побаивалась этого напористого деревенского парня. И всё-таки Аркадию удалось пойти с Натальей под венец...

Никаких сведений о судьбе старшего из сыновей Виков не сохранилось, видимо, сложил голову в Первую мировую или Гражданскую войну. О непростой жизни второго из их сыновей кое-что удалось узнать.

После Симбирского кадетского училища Пётр стал, по примеру отца, юнкером Николаевского кавалерийского

училища и окончил его перед самой войной. Молодой офицер вскоре оказался на фронте и воевал в составе гвардейского кирасирского Его Величества полка. За успешные боевые действия эскадрона кирасир под его командой ротмистр Вик был награждён орденом Георгия Победоносца. Георгиевский кавалер был дважды ранен, после госпиталя долечивался в Сосновке у родителей. Октябрьский переворот 1917 года он не принял, оказался в рядах Добровольческой армии, выступившей в феврале 1918 года из Ростова-на-Дону в 80-дневный Кубанский поход, позже названный «Ледяным». Из 3700 бойцов-добровольцев, находившихся поначалу под командованием генерала Л.Г. Корнилова, 2350 были офицерами и среди них – Пётр Алексеевич фон Вик. В боях с большевиками он проявил недюжинный военный талант, был произведён в полковники, командовал дивизионом возрождённого кирасирского полка Белой армии. Однако братоубийственная война закончилась победой Красной армии, имевшей значительный перевес в людях и вооружении. В ноябре 1920 года белый Крым покинули более 145 тысяч человек, из которых около 70 тысяч составляли военные, в том числе полковник Вик...

В марте 1929 года в Казани открылась первая персональная выставка Пластова, на которой около двух месяцев экспонировались 70 его работ, выполненных в разной технике. К тому времени Аркадий Александрович много работал по заказам московских издательств. Ему приходилось содержать не только свою семью в Прислонихе, но также помогать материально тестю и теще в Ульяновске (так был переименован Симбирск в 1924 году после смерти В.И. Ульянова-Ленина). Это подтверждает заявление художника в Ульяновский горкоммуналдел, заверенное подписью представителя Государственного издательства изобразительных искусств и гербовой печатью.

«Настоящим удостоверяю, что гр. гр. Алексей Н[иколаевич] Вик и Софья Вас[ильевна] Вик, родители моей жены, в виду их безработицы и престарелости взяты мной на иждивение путём выдачи им ежемесячно от 30-40 руб. приблизительно с мая 30 г. по настоящее время 2/IV – 31 г. Почтовые расписки могу представить в удостоверение, в чём и подписуюсь».

5 августа 1933 года Алексей Николаевич скончался в возрасте семидесяти лет. В справке о смерти тестя Пластова, выданной Ульяновским городским отделом ЗАГСа, были указаны в графе «профессия или другие источники существования – иждивенец-служащий»,

а в графе «причина смерти» – «от старческой дряхлости».

Незадолго до кончины Викустаршему передали две записки из далёкой Франции. В роли письмоносца выступил один из родственников Бажановых, вернувшийся из эмиграции. Это, наконец, подал о себе весточку родителям Пётр Алексеевич, волей судьбы оказавшийся на чужбине.

В конце 1920 года корабли Черноморского флота с эвакуированными войсками и беженцами из большевистской России прибыли на рейд турецкой столицы. Вскоре военные начали высадку на Галлилейском полуострове, где был разбит громадный палаточный лагерь. Там сведённые в полки бывшие части белой армии пытались сохранить боеспособность, регулярно проводились смотры в присутствии последнего главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля. В тяжёлых условиях, когда армейская казна оказалась практически пустой, барон Врангель вёл переговоры с балканскими государствами о предоставлении убежища русским частям. Таким образом полковник Вик оказался сначала в Сербии, а затем в Чехии, где женился и служил воспитателем в школе-интернате для детей русских эмигрантов. В начале тридцатых годов Пётр Алексеевич обосновался во Франции, вторично женился на эмигрантке из России, воспитывал дочь с русским именем Елена. Небольшой фотопортрет девочки он приложил к одному из упомянутых писем, чтобы её могли видеть дедушка и бабушка. Умер Пётр Алексеевич в мае 1955 года

и был похоронен на русском кладбище под Парижем. Вероятно, на французской земле живут его наследники, дети и внуки Елены Петровны...

Спустя два-три месяца после кончины супруга Софья Васильевна переехала с помощью А.А. Пластова из города в Прислониху. В старенькой избе, перевезённой из соседнего села Подлесное и поставленной на месте сгоревшего дома, обитали тогда её семидесятилетняя сваха, зять, дочь и трёхлетний внук, наречённый Колей.

«У Пластовых в Прислонихе всегда был сад, где росли яблони, вишни, заросли сирени и цветы, – отметит Т.Ю. Пластова во вступительной статье к каталогу выставки, посвящённой именно цветам в работах Аркадия Александровича. – Сад как чеховский символ прошлой русской жизни – среди нищих и безрадостных уже в 30-е годы сельских дворов. Ирисы, лилии, астры, розы, цинии, душистый табак... За ними ухаживала мать жены художника – Софья Васильевна фон Вик, сумевшая привнести в скудный деревенский быт семьи красоту и поэзию дворянской усадьбы. Он писал её портреты со старинными фотографиями, за пасьянсом, со старыми книгами и, непременно, – цветами».

До тридцать девятого года Пластовы жили впятером в упомянутой избе, служившей им и кухней, и столовой, и спальней. А летом из-за тесноты разобрали бревенчатые сени и сложили вновь на мох, превратив их таким образом в тёплую кухню, куда перенесли русскую печь. Теперь появился свой угол у самого младшего в семье – Николая, который учился в местной школе. Нашлось место и для книг, которых собралось к тому времени в доме довольно изрядно. Пластов-старший привозил из Москвы в основном книги по искусству – европейское искусство, искусство Востока, народное искусство, иконопись. Покупались произведения русских и зарубежных классиков – Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Мельникова-Печерского, Чехова, Флобера, Золя. Высоко ценилась в семье и мемуарная литература.

В феврале 1947 года в возрасте семидесяти пяти лет умерла Софья Васильевна Вик. Похоронили её на сельском кладбище, рядом со сватьей Ольгой Ивановной Пластовой. Среди имущества покойной самой ценной и крупной вещью был самовар с дарственной надписью-гравировкой, преподнесённый крестьянами в начале века её супругу – земскому начальнику. Этот предмет домашнего обихода (на фото) до сих пор бережно хранится в семье художника.

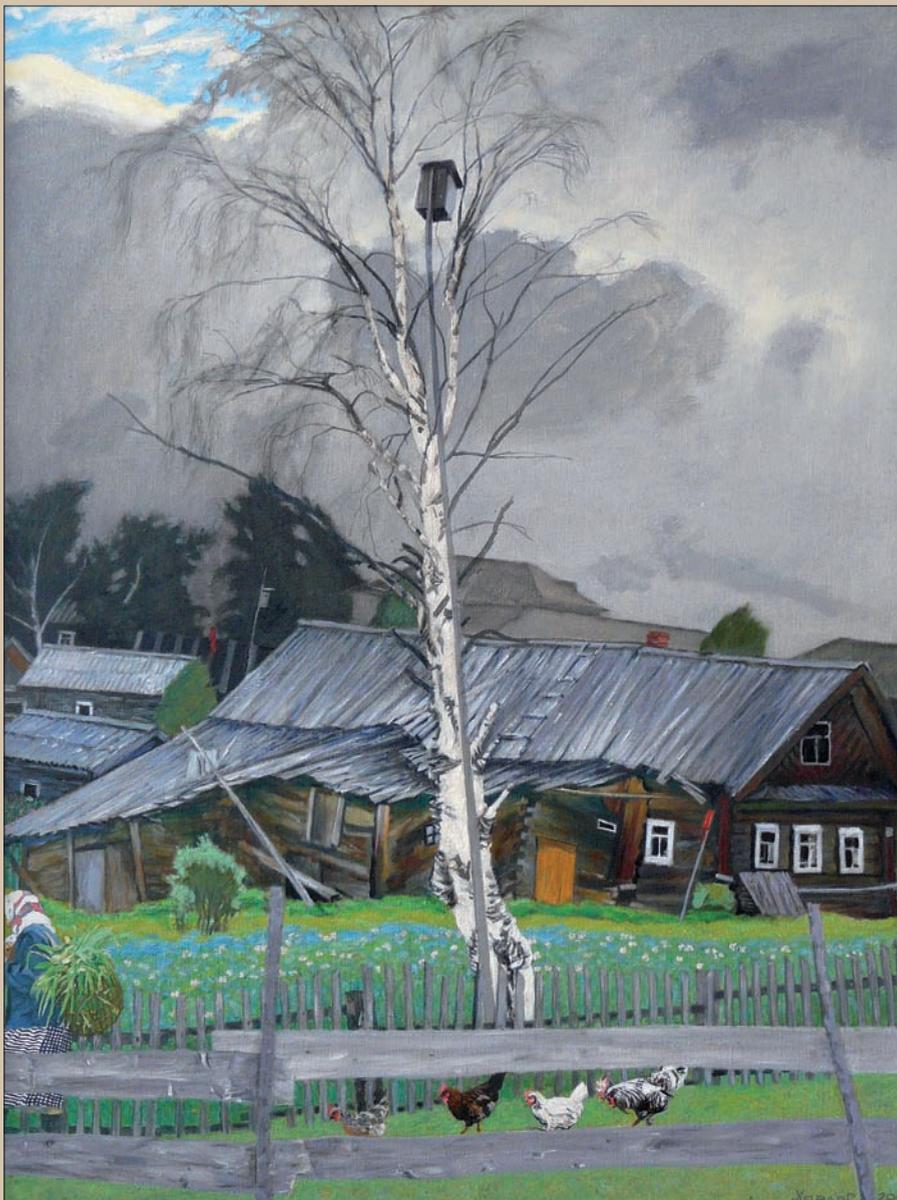
Юрий Козлов

Надпись на самоваре:

«От магометанского населения дер. Ногаевой и Уразовки в знак памяти и любви нашему глубокоуважаемому земск. нач. 7 уч. Карсун. уез. А.Н. Фон-Вик по приговору волостн. схода 8 июля 1907 г. № 2»

Фото Игоря Романова

В.Г. Харлов. Дом Марии Костиной. 2009

Пластовская осень, или Актуальный реализм

Ежегодные выставки российских и зарубежных художников «Пластовская осень», собирающие мастеров, выдвинутых на соискание международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова, вызывают неподдельный интерес у сторонников и противников этой яркой и масштабной культурной акции. Инициатором премии является правительство Ульяновской области. Пластовская премия ныне широко известна не только за пределами нашей области, но и за рубежом. Несмотря на то, что очередная церемония вручения премии состоится на следующий год, выставка, посвящённая 120-летию со дня рождения Аркадия Александровича Пластова, была организована с юбилейным размахом.

Великолепные экспозиции выставок «Пластовская осень» 2011–2013 годов представили блестящую плеяду художников, работающих в традициях реалистического искусства. Многие из них следуют по пути, проложенному А.А. Пластовым, посвятив себя служению фундаментальным ценностям народного «жизня-бытья». В образах, созданных мастерами-реалистами различных поколений и творческих устремлений, возникает современная действительность, исполненная трагических противоречий, но не утрачившая красоты и очарования.

Истекшее столетие внесло существенные изменения в теорию и практику изобразительного искусства. Само понятие «реализм» в современной эстетике подвергается обструкции, радикально настроенные авторы предлагают полностью отказаться от этого термина и оставить его в истории искусства для обозначения явлений середины и второй половины XIX века (Вадим Руднев).

XX век принёс глубокие изменения в социально-психологическую, политическую сферы существования человека, изменилась в субъективном понимании картина мира. Но реальность, пусть даже претерпевшая кардинальные изменения, остаётся земной и вечной средой обитания человека. Можно этот мир трактовать в духе модернизма или постмодернизма, однако зритель будет настойчиво искать изоморфные формы (подобие реальности) или пытаться соотнести абстрактные иероглифы с собственными представлениями о многообразии Вселенной. Как утверждают специалисты, стремление к подражанию реальности – генетическое свойство человека, остающееся основным принципом его художественной деятельности (Виктор Бычков).

Окружающий нас мир, данный нам природой или божественным провидением, по-прежнему богат, бесконечно разнообразен. Произведения, выполненные в духе реализма или, иными словами, в стиле классического современного искусства, сохраняют своё место в эстетическом опыте человека. Очень трудно предсказать будущее «актуальному искусству», оперирующему преимущественно «высказываниями», нередко лишёнными главного – субстрата искусства, его плоти, без чего предмет остаётся лишь вербальным актом, далёким от сущности визуального искусства.

Пластовская премия в области изобразительного искусства, собирающая под своё крыло выдающихся современных мастеров, дорожащих традициями

Е.И. Зверков.
Травы цветут. 1971

В.Н. Телин.
ЦУМ, ГУМ, Детский мир. 1979

С.П. Ткачѳв, А.П. Ткачѳв.
Новая лодка. 1998

искусства Веласкеса, Рембрандта, Тициана, Рубенса, Репина, Сурикова, кажется сегодня, как никогда, явлением современным, абсолютно необходимым и действительно актуальным. Лауреатами Пластовской премии 2011 и 2012 годов стали художники, каждый из которых представляет подлинно уникальное явление в отечественном и мировом искусстве: народные художники СССР З.К. Церетели, Т.Т. Салахов, народный художник Таджикистана и СССР С.У. Курбанов. Среди лауреатов известный ульяновский живописец, народный художник России В.А. Сафронов, молодая художница, недавняя выпускница МГАХИ им. В.И. Сурикова А. Радевич.

Попробуем сосредоточить внимание на произведениях нескольких художников – участников выставок «Пластовская осень», искусство которых обращено к реалиям народной жизни, миру русской провинции. Возьмѳм в качестве эпиграфа тезис С.А. Гавриляченко, автора глубоких исследований современного искусства: «Творческое наследие А.А. Пластова – камертон, по которому неизбежно будет настраиваться, мобилизоваться самодостаточная почвенная традиция в русской жизни и искусстве».

В 2011 году Пластовской премией были награждены корифеи отечественного искусства народные художники России Е.И. Зверков и В.Н. Телин, мастера с ярко выраженной традицией, где «дышит почва и судьба».

Ефрем Иванович Зверков (1921–2012) – вице-президент Российской академии художеств – считал А.А. Пластова своим учителем. Пластова и Зверкова роднит глубокая сыновняя любовь

к Отчизне, к её заповедным местам, где мастера работали на пленэре, постигая тонкое своеобразие и красоту средне-русской природы. Пейзажи Зверкова с их широким панорамным охватом пространства исполнены в ритмах протяжной русской песни («Травы цветут», 1971). Сложная, изысканная палитра, тончайшая светоцветовая партитура свидетельствуют о глубоком погружении художника в особенности импрессионистического письма. Е.И. Зверков претворяет пленѳрные открытия в светлое, исполненное поэтичности, порой тихой грусти искусство, которое сближает мастера с великими русскими пейзажистами XIX века.

Владимир Никитович Телин (1941–2012) – коренной москвич. Однако русская деревня, Москва с её окраинами середины XX века становятся той средой, где живут герои Телина. В их неспешном, мирном существовании в ладу с природой есть щемящая печаль о безвозвратном погружении в прошлое этих островков народной жизни, где сохранились старые бревенчатые дома с искусной резьбой, деревянные мостки над речкой, старомосковские дворцы-терема («Дом опустел», 1987, «Купальщицы», 2010, «Мать и дочь», 1985, «ГУМ, ЦУМ, Детский мир», 1979). Телин – удивительный мастер, он одушевляет сельскую природу (равно как

и городской пейзаж): деревья, травы, неширокие речки создают камерно-домашнюю среду, волшебно преобразаясь и принимая в свои объятия и городских, и деревенских жителей, и вовсе сказочных персонажей, которых немало в картинах Телина. Плотная, сложно разработанная живописно-пластическая структура в совокупности с житейными сюжетами придают тот

особый фольклорно-притчевый характер его небольшим картинам, которые пленяют зрителя с первого взгляда.

Примечательно, что одновременно с Телиным лауреатом Пластовской премии в номинации «Молодое искусство» стала его ученица Е. Степура. Хочется верить, что после смерти В.Н. Телина, ушедшего из жизни в 2012 году, искусство, исполненное в традициях на-

циональной культуры, явится в новом, юном облике.

В 2012 году Пластовской премии в номинации «За выдающийся вклад в развитие изобразительного искусства» были удостоены народные художники СССР Алексей и Сергей Ткачёвы. Они давно зарекомендовали себя как последовательные продолжатели демократических традиций русского искусства. С наследием А.А. Пластова художников объединяет чувство глубокой причастности к народной жизни. Хрестоматийно известными являются картины «Мать с ребёнком» (1967), «Свет» (1975), «Косцы» (2000). Сложная по композиции картина «Прости-прощай, родимый дом» (1984–1988) отсылает зрителя к Венецианову с его перетекающими пространствами. В привычный обжитой уют деревенского дома сквозь распахнутые двери и окна врывается война. Грозная действительность военного времени властно проводит границу, за которой остаётся отчий дом и его обитатели.

Н.И. Боровской.
Борисоглебский монастырь.
На родине Сергия Радонежского.
2000

Н.И. Боровской.
Крым. Лошадки. 2012

Д.В. Журавлёв.
Закат на Валдае. 2008

Д.В. Журавлёв.
Золотой вечер августа. 2008.

Воля к обновлению палитры, к вечному движению проявилась в картине «Новая лодка» (1998). Традиции русского импрессионизма, которые были воплощены в творчестве русских художников начала XX века, получили блестящее продолжение в искусстве А.А. Пластова, в новых вариациях проявляются у Ткачёвых. Художники нашли свой путь: живописная свобода, не знающая неуверенности дерзкая кисть рождает образы, исполненные жизнеутверждающей силы и широты звучания. Контрастные сопоставления сияющей новизной жёлтой лодки и синих теней, властно и сильно выраженное богатство фактуры первого плана вдруг утихают в дальнем пространстве, цвет приобретает акварельную мягкость и умиротворённость.

Надолго останавливает подле себя исполненный психологической глубины «Автопортрет» (2005), не случайно самое название работы, оно утверждает единственность и единичность великого мастера под именем «Братья Ткачёвы».

Выставка номинантов Второй международной Пластовской премии 2012 года проявила устойчивую приверженность отечественных живописцев к образам и темам российской провинции, столь близким гению А.А. Пластова. Она является нам в пейзажах и портретах народного художника России Н.И. Боровского. В 1969 году он окончил мастерскую А.А. Дейнеки в Московском художественном институте им. Сурикова. Ныне Н.И. Боровской – профессор

этого академического института. Несмотря на то, что А.А. Дейнека последние годы своей жизни был болен и редко посещал мастерскую (он умер в 1969 году), уроки великого мастера можно проследить в творчестве Боровского. Структурный подход к построению пространства картины «Крым. Лошадки» (2012), архитектура которой явлена в строгом чередовании планов, в тектонических разломах горных пород, рождает ощущение глубинных геологических процессов и их странного слияния с жизнью живой природы. Пласты земной коры в напряжённом взлёте вздымаются к небесам. Зооморфная масса табуна лошадей, почти неразличимых в вечернем сумраке долины, написана той же угловатой, решительной кистью. Если в крымском пейзаже, в картине «Борисоглебский монастырь...» (2000) проявила себя сезаннистская линия в развитии русского искусства, то портреты Боровского («Катя», 2001, «Портрет мужчины. Ветеран», 1988) сочетанием монументальной статики и внутреннего напряжения заставляют вспомнить произведения мастеров раннего Возрождения с их загадочной духовной энергией.

Иные варианты строения формы и пространства в противоположность конструктивной системе Н.И. Боровского захватывают воображение в живописи Д.В. Журавлёва, его картины экспонировались на выставках «Пластовская осень» 2012 и 2013 годов. Дмитрий Власович Журавлёв – народный художник РФ, известный российский живописец.

За вклад в изобразительное искусство был награждён Серебряной медалью и медалью «Достоинному» Российской академии художеств. Художник родился в Ленинграде, там же окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (мастерская И.А. Серебряного). С 1959 года живёт и работает в Великом Новгороде. Художника увлекают пластические свойства материала, самое вещество живописи. В картине «Закат на Валдае» (2008) природные формы, кажется, готовы раствориться в фактурном богатстве насыщенного, напитанного краской мазка, но строгая и уверенная линия сообщает гармонию почти необузданному богатству красочной массы, возвращая зрителя на окраину села, осенённого сиянием заката. Поверхность картины сохраняет нескрываемый энтузиазм художника, увлечённого бесконечной красочной изменчивостью этого уголка Вселенной. В сложнейших вариациях предстаёт простой деревенский мотив: от нестерпимой кобальтовой синевы реки до тяжёлых лиловоющих тонов закатного неба на горизонте. По-видимому, не случайна в творчестве Д.В. Журавлёва приверженность к обратной перспективе, воспринятой сквозь традиции новгородской школы иконописи. Натюрморт «Золотой вечер августа» (2008), раскрывает навстречу зрителю всё богатство щедрого лета. Пространство холста, почти до верхней его кромки, заполняют яблоки – на столе, словно на торжественном постаменте, в корзине,

Н.Е. Зайцев.
Мальчики на реке. 2009

на ветках яблони. Художник являет нам эти немудрёные плоды как некую священную субстанцию, исполненную сакрального значения. Нельзя не вспомнить знаменитую фразу Сезанна, который одним яблоком хотел удивить целый мир. И в этом органичном слиянии творчески воспринятых традиций отдалённых веков и живого, всё еще актуального наследия европейского модернизма и русского авангарда таится обаяние и сила таланта Д.В. Журавлёва.

Лауреатами в номинации «За выдающиеся произведения последних пяти лет» в 2012 году наряду с Н.И. Боровским стали Н.Е. Зайцев (Москва) и В.Г. Харлов (Киров).

Виктор Георгиевич Харлов стал широко известен российской публике циклом картин, посвящённых трудам и дням обитателей вятской деревни Русиново. За цикл живописных произведений «Русиновская земля» он был удостоен Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина (1988). Картины, представленные на выставке номинантов Пластовской премии 2012 года, несут в себе отсвет драмы российской деревни, которую так остро и лично пережил сам Виктор Георгиевич. «Художник не принадлежит себе, он принадлежит времени», – сказал он однажды. Время

распутицы, разочарований, время разрушения вековых устоев, подточивших деревенский мир России, исподволь звучит в работах «Дом Марии Костиной» (2009), «Белая ночь. Омшанник» (2010), «Перед распутицей» (2009). Последняя картина заставляет вспомнить «Оттепель» Фёдора Васильева. В картине знаменитого русского художника, несмотря на ярко выраженную интонацию нежной и скорбной любви к Отчизне и сострадания к «маленькому человеку», есть искра надежды в поэтическом строе пейзажа, в жесте ребёнка, открывающего неведомую страницу природы. У Виктора Харлова бредущий по тяжёлому влажному снегу старик погружён в свои беды и невзгоды. Природа в весеннем порыве к теплу и свету не вызывает у него ответного отклика.

Чувство личной причастности к деревенскому миру, боль неизбежных утрат в порядке многовекового уклада сельского человека и светлая неизбывная любовь к этому миру пронизывают одно из проникновенных произведений мастера «Утро в животновском доме» (2012). В композиционно-живописном решении – в органичном слиянии интерьера и вторгающегося сквозь окна пейзажа, в свободном и лёгком движении кисти – можно увидеть следование

традициям мастеров «Союза русских художников». Но картина внимательному взгляду раскрывает иные глубинные смыслы, заставляет задуматься, кто главный герой картины. Казалось бы, ответ очевиден – молодая женщина за утренним туалетом. Но многочисленные свидетельства профессиональных занятий обитателей дома – художников, любовно собранные предметы старинного быта предполагают наличие иной версии. Картины на стенах, где узнаётся тот же дом (или прежний, русиновский, откуда художник уехал из-за полного запустения деревни?), дают нам искомый ответ. Музейная строгость и замкнутость экспозиции, воссозданной в картинном пространстве, где авторские работы чередуются с произведениями иноземных мастеров (или копиями с оных), отсылает нас к прославленным «Менинам» Веласкеса. И, присмотревшись к этим написанным в картине картинам, в одной из которых легко угадывается тот же мотив «Утра», в других – любовно написанные вятские резные прялки и букеты засушенных трав в интерьере деревенского дома, – мы понимаем: главный герой этой картины – искусство в его разноликом явлении, как и у великого испанца. И как Веласкес, демиург и творец, предстал в окружении произведений человеческого гения, так и художники в забытой Богом российской деревне, изображённые в истовом радении за мольбертами, сберегают и творят заново этот уходящий мир.

При всей драматичности художественного высказывания Виктора Харлова его работы окрашены в тона неизменной просветлённости земного существования человека.

Иное у Николая Егоровича Зайцева, народного художника России, удостоенного этого почётного звания в 2012 году. Художник знает жизнь современной русской деревни как её коренной житель, для него, потерявшего на войне отца и росшего в мире солдатских вдов и сестёр, детство – это пора раннего взросления, тяжких трудов, время мечтаний о чём-то далёком, прекрасном, тревожащем своей несбыточностью («Мальчики на реке», 2009).

Н.Е. Зайцев сумел создать свой собственный мир, способный пробудить у каждого глубоко личный ассоциативный ряд. Герои Н.Е. Зайцева живут в деревенском доме («в три окна» или на окраине провинциального городка, где жизнь в послевоенные годы мало

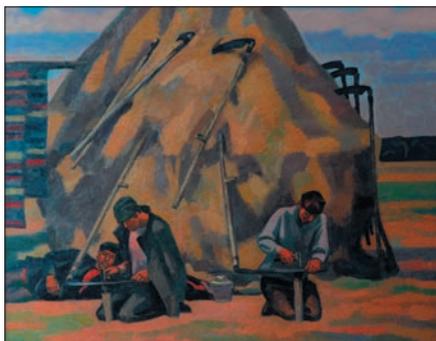
В.М. Сидоров.
Румяной зарёю. 2005

отличалась от деревенской. Глубокая слитность человека и природы, единый ритм, подчинённый неминуемой смене времён года и непреложной логике движения человеческой жизни от детства к старости, пронизывают картины художника чувством дышащего бытия. «Рождество» (2007) – это и святой праздник, приход которого возвещает перезвон колоколов виднеющейся вдали церкви, это и чудо появления на свет живого существа в тёплом деревенском хлеву. Живописная плоть картин Зайцева, созданная длинным, стремительным мазком, напоминает домотканое полотно, насыщенные по цвету нити превращаются волей мастера в струящиеся воды реки, ветви ивы, луговой ковёр разнотравья. В многодельности и тщании исполнения оживают обычаи народных мастеров.

«Пластовская осень-2013» подарила нам встречу с картинами народного художника СССР, лауреата Государственных премий, действительного члена Российской академии художеств Виктора Ивановича Иванова. Мастер с гордостью говорит о себе: «Я – крестьянский художник». Его произведения, в которых незыблемой является академическая основа рисования, выполнены

В.И. Иванов.
Ожидание гостей. 2007

В.И. Иванов.
Отбивают косы. 2008

художником, искусённым в формотворческих поисках русского авангарда. Но для В.И. Иванова главной целью в любой картине является стремление «увидеть новые грани реальности, открыть правду.., понять людей». По мнению художника, не повествование, не сюжетика способны передать идею, чувство, переживание. В.И. Иванов утверждает всем своим творчеством, что мастерски выстроенная композиция, объёмы, формы, их соотношения, цвет и тени, самое вещество живописи способны открыть глубину характера и внутреннего мира его героев («Полина Игошина», 1969; «Ожидание гостей», 2007; «Отбивают косы», 2008).

Исполнены поэзии, глубины философского размышления холсты известного российского живописца Валентина Михайловича Сидорова. Народный художник СССР, президент Международной конфедерации Союзов художников стран СНГ, он с юношеской увлечённостью пишет неспешное бытие русской деревни с вознесёнными к просторным небесам кронами деревьев, потемневшими от времени избами («Румяной зарёю», 2005; «На заливных лугах», 1982). Родной дом, родной порог – одна из постоянных тем творчества В.М. Сидорова, обращённого к национальной памяти, пронизанного чувством глубокой любви к Отчизне.

Мы вспомнили на этих страницах лишь нескольких живописцев «Пластовской осени», чья близость традициям русского искусства от Тропинина

и Венецианова до Пластова более чем очевидна. На этих примерах легко убедиться: проблема существования в современном художественном процессе реалистического искусства значительна для теоретиков, критиков, стремящихся осмыслить противоречивые процессы, происходящие в современном искусстве. Художнику, в совершенстве владеющему древним мастерством, достаточно кисти, краски и холста, и он, обладатель огромного арсенала средств (свет, цвет, пространство, фактура), готов сказать своё слово в этом затянувшемся споре, что на сей день актуально, а что – удел аутсайдеров. Подлинный мастер использует свои средства крайне индивидуально. Прилагая свой духовный опыт, он интуитивно следует аристотелевой теории мимесиса (отображения), включающей воспроизведение реальности, творческое воображение мастера, идеализацию или шаржирование действительности.

Каждое произведение большого художника-реалиста неисчерпаемо. Перед зрителями разворачивается удивительный художественный мир столь различных авторов, объединённых страстным влечением к сокровенным тайнам жизни человека и природы в лоне русской провинции. Эти мастера создали свои планеты во Вселенной Пластова.

Луиза Баюра,

зам. директора Ульяновского областного художественного музея

Автограф Аркадия Пластова

Делом своей жизни я считаю школьный музей, который начинался как краеведческий, а потом пополнился художественными экспонатами. Главным экспонатом музея всегда оставался автограф А.А. Пластова, подаренный мне художником в 1965 году в Прислонихе. На открытке обозначена дата: 48-я годовщина Октября. На обороте – надпись: «Арк. Пластов. 28.IX – 65». С этого красного листка художник вошёл в мою жизнь навсегда.

Автограф
А.А. Пластова
1965 года.
Лицо и оборот
открытки

Было это почти полвека назад. Учились мы в педагогическом институте и, как все студенты той поры, ездили на первых курсах на уборку картофеля.

Осень 1965 года на редкость была сухой, солнечной и тёплой, на картошку в том году поехал я уже второкурсником и не со своей группой, а с литераторами-первокурсницами, вчерашними школьницами, среди которых был только один парень. К уборке урожая в то время относились серьёзно и меня как бывшего солдата и члена партийного бюро факультета направили в помощь молодому преподавателю, возглавлявшему группу. В обязанности мои входил не только учёт собранного и вывезенного с поля картофеля – мне приходилось опекать вчерашних школьниц, потому как местные парни проявляли к ним повышенное внимание, да и ухаживания их не отличались изяществом. Работа заканчивалась, нас должны были уже вывезти, но что-то не заладилось у колхозного руководства с транспортом, и вся группа ещё на сутки осталась в деревне. Делать нечего, машины обещали только завтра, и местный учитель – недавний выпускник нашего института, с которым познакомились здесь же, предложил: «Пойдёмте в Прислониху, это совсем недалеко».

О Прислонихе за две недели работы в колхозе мы были наслышаны, о деревенском художнике Аркадии Пластове тоже кое-что знали, и я с радостью согласился. Пошли мы втроём через поле и небольшой лесок напрямик в соседнее село, благо за девчонками-студентками присмотреть взялась сельская библиотечка, устроившая с заведующим клубом танцы под радио.

Через сухую стерню поля и пологий суходол дошли до села часа за полтора-два. Местный учитель всю дорогу рассказывал о Пластове. Мы слушали и удивлялись: как это такой известный человек живёт в деревне (наше удивление было вполне естественно – с получением паспортов народ из деревни уходил в город)?

О Пластове мы, признаться, знали ничтожно мало. Это теперь любой школьник начальных классов расскажет о нём много чего интересного: действует музей, устраиваются выставки картин выдающегося художника, проводится ежегодный праздник «Пластовская осень», а тогда – небольшие заметки в «Ульяновской правде» или в районной газете были единственным источником информации.

Вошли в село, спрашиваем о Пластове, нам показали дорогу. Видим, у большого с резными воротами дома

стоит крепкий деревенский мужик. «Видать, местный», – подумали мы. В фуфайке полурасстёгнутой, кепчонке приплюснутой, в яловых сапогах. Мы – к нему: «Где тут Пластов живёт?». Он в ответ: «Пошли, покажу», – и открывает калитку.

Через небольшой двор (это на картинах художника да на фотографиях двор кажется большим) привёл нас в отдельную избу – она оказалась мастерской художника. И только тут мы поняли, что сопровождавший нас человек и есть тот самый знаменитый художник – Аркадий Александрович Пластов. И что удивительно, говорили мы в основном о житейском: о картошке, которая в этом году уродилась, о том, что свет в деревню провели. Рассказали ему, чем занимаемся. Чувствуем, что уходит пора, нечего докучать художнику, занятому важным делом, и мы стали прощаться.

Что запомнилось? Да ничего особенного. Простой русский человек с лёгкой улыбкой. Это уж потом пришло понимание того, что судьба подарила нам несколько минут общения с великим художником.

На прощание Аркадий Александрович подарил каждому из нас тут же подписанную им открытку с автографом, которую я бережно храню всю жизнь.

Шло время, я начал работать в сельской школе, приходилось много заниматься историей своего села, соседних сёл и деревень. Частенько пытался я поделиться с людьми своими находками. Были публикации в районных газетах, выступления перед жителями села, но всегда казалось, что я что-то недоделываю. И когда уже работал в Ульяновске, в школьную программу ввели уроки краеведения – региональный компонент. Тут-то я и развернулся! Написал свой учебник истории Ульяновской области, по которому потом работал многие годы, в начале 1990-х годов оформил кабинет исторического краеведения, а чуть позже – небольшой музей в комнате, отгороженной в школьном коридоре.

Наряду с историей я занимался в течение более чем двадцати лет школьным курсом изобразительного искусства. Постепенно мой историко-краеведческий музей превратился в музей художественный, и главным экспонатом в нём стал тот самый автограф Аркадия Александровича Пластова, полученный в далёком 1965 году. Из музея не были удалены предметы, представляющие историческую ценность, – осталось на месте всё, что говорило о сельской жизни, о крестьянском труде (все экспонаты были подлинными, собранными мною и учениками в деревнях и сёлах Кузоватовского и Майнского районов). Всё это великолепие проиллюстрировали репродукциями картин Аркадия Пластова. Появилось несколько разделов о жизни и творчестве художника, его семье.

Почти в каждой своей картине Аркадий Александрович изображал ребятишек, поэтому не случайно одной из самых востребованных экскурсий в школьном музее стала тема «Дети в творчестве Аркадия Пластова». Через картины художника мы рассказывали и о нелёгком крестьянском труде, и о сельских праздниках, и о ярмарочных и народных гуляньях – всё это ярко отразил в своём творчестве наш великий земляк.

В это время в школу пришла работать моя дочь, дипломированный учитель изобразительного искусства. Она начала разработку пластовской темы применительно к школьному курсу. Вместе мы составили программу изучения наследия Аркадия Пластова, начиная с четвёртого класса, сделали описание многих его картин, подготовили методические рекомендации для учителей. Постепенно собралась

Школьный историко-краеведческий музей. 2002

Лучшие экскурсоводы музея Ирина Парфёнова и Алина Шайхаттарова. 2002

небольшая библиотечка из книг местных авторов о А.А. Пластове, о симбирских и ульяновских художниках. На экскурсии в наш школьный музей учителя стали приводить детей из соседних школ, бывали группы учителей из института переподготовки педагогических кадров, а также «неорганизованные» посетители – люди с улицы.

Взяв за основу пластовскую тему, мы пошли дальше: начали изучать творчество симбирских художников второй половины XIX и начала XX столетий. Говорили о пейзажисте Михаиле Фёдоровиче Каврайском, об учителе Пластова – Дмитрие Ивановиче Архангельском, оставившем замечательное акварельное наследие. Темой для выступлений и экскурсий были и другие художники-симбиряне. Мы проводили беседы о поливановском музее в Акшуте, об юрловском собрании музейных ценностей в Спешневке.

С первых дней открытия музея постоянными и верными его сотруд-

никами и разработчиками бесед и экскурсий были ученики, среди которых, прежде всего, нужно назвать наиболее преданных делу девочек, работавших в музее по-настоящему, по-взрослому. Это Ирина Парфёнова и Алина Шайхаттарова. Обе они окончили школу с медалью, а педагогический университет – с красным дипломом. Мало Ирине педагогической специальности, поступила в госуниверситет. Алина же, получив специальность учителя, осталась на кафедре и пошла в науку. Сейчас они уже взрослые люди и нашли своё достойное место в жизни.

Однажды при встрече Ирина Парфёнова, вспоминая учёбу в школе и работу в музее, с улыбкой сказала: «А я до сих пор помню свою экскурсию: слово – в слово». И начала рассказывать о том, как Аркадий Александрович Пластов писал детей.

Константин Новеньков

Иван Гончаров и Романовы

Николай Дмитриев-Оренбургский.
Великий князь Сергей Александрович,
царевич Николай Александрович
и великий князь Павел Александрович
в Царском Селе

В 2012 году родной город И.А. Гончарова широко отмечал 200-летний юбилей великого писателя. В юбилейные дни в Ульяновске была открыта новая музейная экспозиция, посвящённая жизни и творчеству Гончарова. Посетители обратили внимание, что в музейных залах представлены портреты не только двух императоров – Николая I и Александра II, но и некоторых великих князей. Теме взаимоотношений И.А. Гончарова и членов царствующего Дома Романовых до последнего времени не уделялось никакого внимания. Юбилей писателя и юбилей Дома Романовых, отмечаемый в этом году, привлекли внимание исследователей к этой теме.

Владимир Боровиковский.
Портрет Александра I

В очерке «Лучше поздно, чем никогда» И.А. Гончаров писал: «Я жил в трёх эпохах, и они оттиснулись во мне и в моих сочинениях, в доступном мне быту, насколько хватило у меня сил и таланта». Если мы не будем углубляться в психологическую и духовную особенность каждой из пережитой писателем эпох, а только обратимся к датам его жизни, то осознаем,

что И.А. Гончаров жил и творил при правлении четырёх русских императоров: Александра I, Николая I, Александра II и, наконец, Александра III. Каждый из них был связан с той или иной эпохой русской жизни и оставил определённый след либо в биографии, либо в творчестве писателя.

Александр I, хотя он правил до 1825 года, когда Гончарову исполнилось уже 13 лет, на всю жизнь остался для писателя фигурой исключительно мифологической. В новелле «Превратность судьбы», которую Гончаров написал в последние годы жизни, одним из главных действующих лиц является император Александр Павлович. Герой новеллы – бывший офицер Леонтий Хабаров. Историю своей жизни Хабаров, по словам автора, сам рассказал Углицкому, а тот поведал её Гончарову. Из очерка «На родине» мы знаем, что прототипом Углицкого является бывший начальник Гончарова – симбирский губернатор Александр Михайлович Загряжский. В канцелярии симбирского губернатора писатель служил с лета 1834 года до весны 1835 года. Действие новеллы следует

отнести к 1817–1825 годам. Леонтий Хабаров имеет честный и прямой характер и из-за этого претерпевает много трудностей и лишений. Его жизнь изменяется после случайной встречи с Александром I. Узнав историю Хабарова, император решил помочь ему. Гончаров пишет: «В Москве тогда архитектор Витберг задумал смелый план построить храм на Воробьёвых горах. План этот был впоследствии оставлен, но в то время работы были в полном ходу, и Хабаров назначен был смотрителем рабочих». Таким образом, встреча с Александром I, который оценил честность и порядочность Хабарова, его жизнь изменила к лучшему.

Ещё в годы учёбы в Московском коммерческом училище будущий писатель видел императора Николая I и его мать, вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну, когда они посещали училище в 1826 году. Мария Фёдоровна была покровительницей Коммерческого училища. Гончаров на всю жизнь запомнил образ императрицы. В 1878 году, будучи уже в преклонном возрасте, он признавался в одном из писем: «Для меня идеалы величайшей в мире

Императрица Мария Фёдоровна с сыновьями Сергеем и Павлом

женщины воплощаются в лице Императрицы Марии Фёдоровны (которую я видел в детстве в Москве): она – моя настоящая героиня! Если б не старость и не лень, если б у меня было побольше таланта – и именно такого, какой нужен, – я избрал бы себе задачей быть её – не биографом (это мелко и мало для её жизни), а историографом». Гончаров основывался в своём мнении об императрице не только на своём детском впечатлении от обаяния её личности, но и на известных сведениях о её благотворительной деятельности. Мария Фёдоровна первой из русских императриц всерьёз занялась благотворительной деятельностью и возвела её даже в статус государственной работы. Специальное отделение императорской канцелярии называлось Ведомством императрицы Марии. Кстати сказать, благодаря покровительству и содействию императрицы было открыто женское учебное заведение в Симбирске.

Что касается императора Николая I, то Гончаров видел его в Коммерческом училище в первый и последний раз. Значительная часть жизни писателя прошла в Николаевскую эпоху, он соприкасался с окружением царя, вращался в кругах среднего, а порою и высшего чиновничества, был хорошо информирован о проблемах русской жизни. Более всего Гончарова волновал вопрос об атмосфере, сложившейся в обществе, о невозможности инициатив, а в итоге – о слабости России. Настроения Николаевской эпохи писатель выразил на страницах романов «Обыкновенная история» и, особенно, «Обломов». В одном из очерков Гончаров так сформулировал своё восприятие этого времени: «Снаружи казалось всё так прибрано, казисто... Но масса общества покоилась в дремоте, жила рутинной и преданиями...».

Однако личность этого императора Гончаров воспринимал неоднозначно. Он был информирован о тайных комиссиях Николая I, которые готовили реформу по отмене крепостного права. В очерке «Необыкновенная история» он писал: «Ещё император Николай Павлович, не читавший, конечно, ни Белинского, ни Герцена, ни Грановского, как слышно было, созвал некоторых предводителей дворянства и поверил им свою мысль об освобождении. Французская революция 1848 г. не дала ей распространиться...».

Орас Верне.
Портрет императора Николая I

В начале 1891 года писатель опубликовал очерк «По Восточной Сибири», который стал последним произведением Гончарова, опубликованным при его жизни. Очерк рассказывает о путешествии писателя по Восточной Сибири, где он наблюдал живую деятельность русских в новом неизведанном крае. В Сибири Гончаров приходит к мысли об ограниченности общего мнения, что бюрократизм является основой государственной деятельности и личности Николая I. По ходу повествования Гончаров неоднократно упоминает о Николае I. Так, например, чрезвычайно высоко отзываясь о мощной деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва, Гончаров пишет: «Его угадал император Николай Павлович и из гражданского губернатора Тулы призвал на пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Ни тот, ни другой не были чиновниками и поняли друг друга». Здесь же Гончаров приводит ещё одно легендарное свидетельство о Николае I: «Говорят, не знаю, правда ли, что какой-то чиновник, приехавший из Иркутска в Петербург... представляя свои донесения императору, ...между прочим, сказал, что Н.Н. Муравьёв, где встретит, очень ласково обращается с посёлёнными вне Иркутска декабристами, никакую работой их не занимает, что хотя по положению своему сам не бывает у них, но что супруга его посещает декабристов и т. д. Император будто бы выслушал чиновника и заметил: "Стало быть, Муравьёв понял, чего я хотел"».

В феврале 1855 года, через неделю после возвращения Гончарова из путешествия на фрегате «Паллада», скончался император Николай I. В России, в том числе и в жизни Гончарова, начиналась новая эпоха. Новый государь Александр Николаевич (1818–1881) пробудил в обществе дремавшие надежды на позитивные изменения.

В это время состоялось личное знакомство Гончарова с членами царской семьи. Как известно, он сопровождал адмирала Е.В. Путятина в качестве секретаря в Японию для установления торговых и дипломатических соглашений. Участие писателя в этом путешествии позволило ему познакомиться с великим князем Константином Николаевичем, младшим сыном Николая I. Великий князь был выдающейся личностью. Он управлял флотом и морским ведомством на правах министра, принимал активное участие в подготовке и проведении реформ 1860-х годов. В ноябре 1855 года великий князь высказал свои похвалы писателю за его «прекрасные статьи о Японии». Через месяц Константин Николаевич представил Гончарова к награде «вне правил чином статского советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине».

Великий князь Константин Николаевич Романов

Но и этим не ограничились проявления симпатии великого князя к Гончарову. В мае 1858 года он пожаловал писателя драгоценным перстнем.

Ни один из императоров не был так близок Гончарову по духу, как царь-освободитель. Позже в «Необыкновенной истории» он дал царствованию Александра II самые восторженные оценки: «С 1855 года начался ряд реформ – и я, конечно, рукоплескал им и теперь благословляю руку, совершившую их! <...> царствование Александра II стало вторю великою преобразовательную эпохою (после Петра). Он её творец! Это было всегда моею мыслию – и я поклонялся великой фигуре современного героя, который наполнил свой век – не военною славою, идя вслед другим, а славою мира,

на охранение которого и посвятил свою жизнь, своё царствование и все силы России! А потом – суды, свобода печати, земство! Другим стало бы этого на десять царствований! Он сделал это один – и Россия благословила его!».

Излишне говорить, что Гончаров горячо сочувствовал реформам, раскрепощавшим русскую жизнь. С молодых лет он понимал, что крепостное право – главный тормоз развития страны, главная причина того «сна», в который погружена Россия. Гончаров, несомненно, считал себя в числе людей, так или иначе подготовивших alexandrovские реформы. И не только как чиновник, служивший в цензурном ведомстве с 1856 года, но, прежде всего, как писатель: «Но как я жил в тесном кругу, обращался часто с литераторами и с одними ими, и сам принадлежал к их числу, то, конечно, мне лучше и ближе видно было то, что совершалось в литературе: как мысли о свободе проводились здесь и в Москве Белинским, Герценом, Грановским и всеми литературными силами совокупно, проникали через журналы в общество, в массу, как расходились и развивались эти добрые семена и издалика приготавливали почву для реформы, то есть как литература с своей стороны облегчила для власти совершение первой великой реформы: освобождение крестьян, приготавлив умы, пристыдив крепостников, распространив понятия о правах человека и т. п. Всё это я видел, будучи внизу, и, конечно, неоднократно выражал мысль, что литература сослужила верную службу царю и России».

В самом деле, антикрепостнический по духу роман «Обломов» не просто имел успех у читающей публики. «Обломов» утвердил писательский авторитет Гончарова настолько, что он, по сути, был признан классиком русской литературы, главой школы русского романа ещё при жизни.

Естественно, что созвучная реформам литературная деятельность Гончарова не ускользнула от внимания Александра II. Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский 25 февраля 1859 года, сразу после выхода второй части «Обломова», составляет для царя рапорт о первых двух частях романа как о произведении, выходящем «из ряда обыкновенных явлений беллетристики. Достоинства сочинения заключаются в художественном изложении и глубокой разработке подробностей, составляющих отличительную черту замечательного таланта г. Гончарова...». 27 апреля Е.П. Ковалевский пишет новый рапорт на имя Александра II с кратким изложением окончания романа «Обломов»: «Большой роман г. Гончарова кончен.

Литература наша получила в нём капитальное приобретение...».

С ростом известности Гончарова как писателя увеличивался интерес к нему при царском дворе. В декабре 1857 года состоялось назначение Гончарова преподавателем словесности наследника цесаревича Николая Александровича (1843–1865), который должен был унаследовать российский престол, но неожиданно умер в возрасте двадцати двух лет. Этот эпизод воспитания наследника пока не прописан ни биографами Гончарова, ни историками царской семьи.

Император Александр II

Александр II с детьми

Гончаров преподавал наследнику русский язык и русскую литературу. Цесаревичу занятия Гончарова полюбили до такой степени, что вместо положенных двух уроков в неделю он стал брать у него три урока. Романист вёл занятия с наследником, судя по всему, до июля 1858 года. Во всяком случае, 8 июля он писал своему брату Н.А. Гончарову в Симбирск: «Уроки мои при дворе пока кончились». Очевидно, Гончаров намеревался продолжить после летних каникул свои занятия с наследником. Однако планы

пришлось изменить. Один из первых биографов писателя известный французский славист Андре Мазон в своей монографии, посвящённой И.А. Гончарову, приводит следующий факт по поводу возобновления занятий с наследником: воспитатель великого князя Николая Александровича Август Фридрих Гримм «пригласил для переговоров И.А. Гончарова, но принял его так неучтиво (растянувшись на диване), что Гончаров решил отказаться и по возвращении домой написал Гримму письмо, что, по обязанности цензора, не имеет возможности взять на себя преподавательскую должность». Казалось бы, всё дело только в несложившихся отношениях Гримма и Гончарова. Однако это не так. Кто такой Гримм и каковы были его представления о преподавании в царском семействе, мы можем судить по изданному в 2002 году сборнику документов, относящихся к жизни великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III: «Гримм не считал вовсе нужным учить младших Великих Князей отечественной истории. В этой науке сам Гримм был не очень сведущ, и скудость своих познаний плохо прикрывал высокомерными рассуждениями о том, что история России не может служить предметом серьёзного изучения или преподавания <...> по поводу отказа Гончарова от должности преподавателя русского языка и словесности при Наследнике, Гримм уверял, что для обучения этим предметам вовсе не нужен человек одарённый знанием и талантом. Русская литература, рассуждал он, так бедна, что нетрудно передать ученикам понятие о ней». И вот этот-то человек фактически отстранил «первоклассного писателя» Гончарова от преподавания русской литературы цесаревичу Николаю Александровичу.

С 1870-х годов и до последних дней И.А. Гончаров общался с младшими сыновьями Александра II – Сергеем Александровичем и Павлом Александровичем. Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – фигура неоднозначная в царской семье. Он был московским генерал-губернатором. О личности Сергея Александровича и его деятельности на этом посту до сих пор высказываются прямо противоположные мнения. Для одних – он консерватор и тиран, допустивший ходячую трагедию, для других – почти святой патриот России. Младший брат Сергея Александровича, Павел Александрович (1860–1919), не принимал активного участия в государственной деятельности, после морганатического брака с разведённой женщиной в основном жил за границей. И.А. Гончаров

общался с этими князьями практически с их отроческих лет, он был знаком с их воспитателем адмиралом Дмитрием Сергеевичем Арсеньевым. Писатель знакомил великих князей с новостями современной литературы, давал свои оценки, к которым те прислушивались, оформил для них подписку на журнал «Нива» на 1888 год.

Определенную активность в отношении с писателем проявлял и великий князь Сергей. Племянник писателя М.В. Кирмалов вспоминал: «В последние годы жизни Ивана Александровича его приглашал к себе на вечера великий князь Сергей Александрович и был с ним очень ласков. Но Иван Александрович уклонялся от посещения, говоря: «Вы ведь здесь все молодые, полные жизни; ну что буду делать среди вас я, кривой старик?..». Комментарием к такой позиции Гончарова может служить цитата из его письма: «Боязнь моя ходить во дворцы относится не к тем или другим личностям, а к толпе, ко всей широкой обстановке, к строгой, условной и – неизбежной, конечно, представительности и обычаям места, к парадности и обрядности. Моя боязнь – стало быть – есть просто непривычка. Кто родился и прожил до старости в скромной и тесной доле, в тёмном углу, тот всегда будет неловок, смешон, и иногда «глуп», лишь очутится в толпе, на виду... И слабые глаза, привыкшие к сумеркам, начнут усиленно мигать и плакать, когда к ним вдруг подвинут лампу. Вот отчего я не старался проникать – не во дворцы – а вообще в большие дома, где есть толпа, где много лакеев, где швейцар и парадные приёмы... Скромность, простота и незначительность собственной своей особы и написанной мне на роду роли – вот внешние причины моего удаления от так называемого света».

И в общении с представителями правящей семьи Гончаров оставался верен себе, сохраняя достоинство и независимость. Только в одном случае он не смог отказаться от помощи великих князей. В 1878 году Гончаров взял на себя всю заботу о семье внезапно умершего слуги Карла-Людвига Трейгута. Известно, что с 1880-го по 1887 годы воспитанница Гончарова Саня Трейгут обучалась в Ивановском девичьем училище при Коломенской гимназии за счёт великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича.

Но, пожалуй, самые длительные и тёплые отношения связывали И.А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем, известным поэтом К.Р. Константин Константинович был сыном великого князя Константина Николаевича, в семье которого

пиетет к имени Гончарова-писателя был высоким. Личное знакомство прославленного писателя и юного Константина произошло, вероятно, осенью 1873 года, когда Гончаров был приглашён великим князем Константином Николаевичем преподавать русскую словесность его детям в Мраморный дворец. Правда, пока неясно, как долго вёл этот предмет Гончаров в семье великого князя. Зато известно, что Константин Константинович с полным доверием отнёсся к литературному опыту Гончарова и отдавал на его суд в течение многих лет свои произведения.

Великий князь
Константин Константинович Романов

Причём особенно ценил, что, в отличие от многих других его корреспондентов, Гончаров позволял себе высказывать великому князю серьёзные замечания о его произведениях. Гончаров был самым строгим и объективным не только судьёй, но и «учителем», «наставником» К.Р. в школе искусства. В дневнике великого князя можно прочесть следующие записи: «Ответ Гончарова приводит меня в уныние: 10 дней, потраченных на стихотворение “Уволен”, пропали даром». Или: «Моему авторскому самолюбию опять был нанесён удар И.А. Гончаровым. Но как не быть благодарным ему за строгое отношение к моему поэтическому росту».

С 1886 года стихи К.Р. шли к Гончарову непрерывным потоком. 10 октября 1888 года он принёс писателю, который уже давно жаловался на нездоровье, 55 стихотворений. Они должны были составить второй сборник. В ответном письме от 12 октября 1888 года Гончаров писал, что молодой талант должен развить «собственный строгий анализ». Это был последний отзыв Гончарова на стихи К.Р. Большой, слепнущий писатель просит «позволения сложить с себя щекотливую обязанность критика поэтических произведений» великого князя.

К.Р. высоко ценил личное общение с писателем, часто приглашал его к себе во дворец, сообщал новости своей

жизни. Великий князь признавал серьёзное влияние автора «Обломова» на своё мировоззрение. Насколько он ценил свои отношения с Гончаровым, показывает его запись в дневнике от 8 ноября 1891 года: «Дома вечером засел читать письма покойного Ив<ана> Алекс<андровича> Гончарова. После его смерти его душеприказчики возвратили мне все мои письма к нему, кроме тех, которые покойный сам принёс мне года 2 назад, боясь, что кто-нибудь ими завладеет». И тут же: «Когда-нибудь, не скоро, в печати эта переписка представит очень приятное чтение. Но исполню волю покойного, я, пока жив, не напечатаю её». К.Р. имел в виду очерк Гончарова «Нарушение воли», где писатель высказывал пожелание не публиковать его частную переписку. Письма романиста к Константину Константиновичу с комментарием были впервые изданы в 1993 году известным советским гончароведом О.А. Демиховской.

Последние десять лет Гончаров жил в царствование Александра III. В творчестве писателя это время не нашло отражения. Романист знал императора с его отроческих лет, встречался с ним не один раз. Царь повлиял на Гончарова, не желающего переиздавать свои произведения в последние годы жизни.

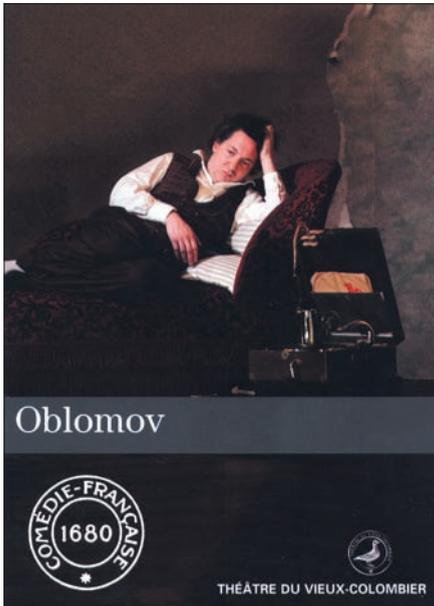

Николай Шильдер.
Портрет Александра III

Из переписки писателя с Анатолием Фёдоровичем Кони известно о встрече Гончарова с императором в октябре 1882 года, когда в ответ на вопрос царя: «Печатает ли он свои сочинения?» писатель ответил утвердительно. Через неделю Гончаров подписал договор с И.И. Глазуновым об издании собрания своих сочинений. Жена племянника Гончарова, Елизавета Александровна Гончарова, вспоминала, что на столе в его кабинете стоял письменный прибор – подарок Александра III.

Антонина Лобкарёва,

научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

Илья Обломов заговорил по-французски

Это произошло в мае нынешнего года в Париже на сцене Театра дю Вьё колонбье (Театр Старой голубятни) – филиале Комеди Франсэз, одного из старейших и престижных драматических театров мира.

Спектакль «Обломов» в инсценировке Андре Марковича был поставлен Володей Сером. Молодой французский режиссёр с русским именем известен и в России. В 2010 году в рамках Года Франции в России Володя Сер представлял в Москве свой спектакль «Три сестры» по А.П. Чехову. Интересно, что главные роли в постановке исполнили три родные сестры режиссёра, а сам он играл Андрея, их брата ещё и по пьесе.

Спектакль «Обломов» в Париже – не первая театральная версия самого известного на Западе романа великого русского писателя, нашего земляка Ивана Гончарова. С интерпретацией «Обломова» режиссёра Марселя Кювелье парижане познакомились ещё 1963 году в Театре на Елисейских полях.

Спустя полвека во французской столице вновь обратились к бессмертному и многогранному образу Ильи Ильича, одному из основных архетипов мировой литературы, по сей день живому, современному, продолжающему вызывать споры.

О парижской премьере «Обломова» в Ульяновск по электронной почте сообщили сёстры Симон, потомки семьи Гончаровых по линии Николая Александровича Гончарова, родного брата писателя. Элизабет, Клер и Мари-Элен Симоны на протяжении многих лет дружат с сотрудниками Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова, переписываются с ними и нередко бывают здесь в гостях. Они написали музейщикам, что были приглашены на первый показ «Обломова» 7 мая в качестве почётных гостей.

Спектакль имел большой успех. Были аншлаги. Главную роль исполнил Гийом Галлен. «Обломов», по словам сестёр Симон, «заставил чернила течь», то есть критики разразились рецензиями, всего вышло более 60 статей. Сюжет о спектакле показали на самом популярном французском телеканале TF1.

О том, что думают в Париже о постановке и Обломове, можно узнать

благодаря Л.Ф. Семёновой, которая сделала перевод рецензий. Вот выдержки из некоторых публикаций.

«Знаток русской литературы В. Сэр делает акцент на юморе романа И.А. Гончарова и при этом заставляет зрителя задуматься, действительно ли движение вперёд должно быть мотором нашей цивилизации? Может быть, своей мечтательностью и инертностью Обломов приглашает нас выслушать другую музыку, нежели барабаны принудительного марша прогресса?».

«Роман отражает противостояние между славянофилами и западниками в XIX веке. Сейчас мы воспринимаем роман иначе, через призму проблем нашего общества. Как создавать будущее, не поворачиваясь спиной к прошлому? Так Володя Сэр представляет нам Обломова, который плывёт по течению, но своим сомнамбулическим состоянием ему удаётся нас разбудить».

«Штольц – это система, в которой мы живём сегодня, либеральный мир. Этот мир неограниченного роста переживает сегодня глубокий кризис, ресурсы планеты ограничены. Обломов – философ уменьшения, который считает, что нужно довольствоваться малым».

«Роль Обломова исполнил Гийом Галлен. В его исполнении он умеет быть забавным. Он бурлескный, но не гротескный; патетичный, но не смешной; он человечен и универсален. «Я знаю всё, я понимаю всё, но я стыжусь жизни», – Володя Сэр видит Обломова таким, более великим, чем его обломовщина».

«Режиссёру удалось поставить прекрасную театральную пьесу по великой книге. Среди изобретательных декораций Марко Лене играется драма – глубоко человеческая, весёлая и приводящая в отчаяние. Нельзя сказать, что дано определение «русской души», но мы думаем, что к нему удалось приблизиться».

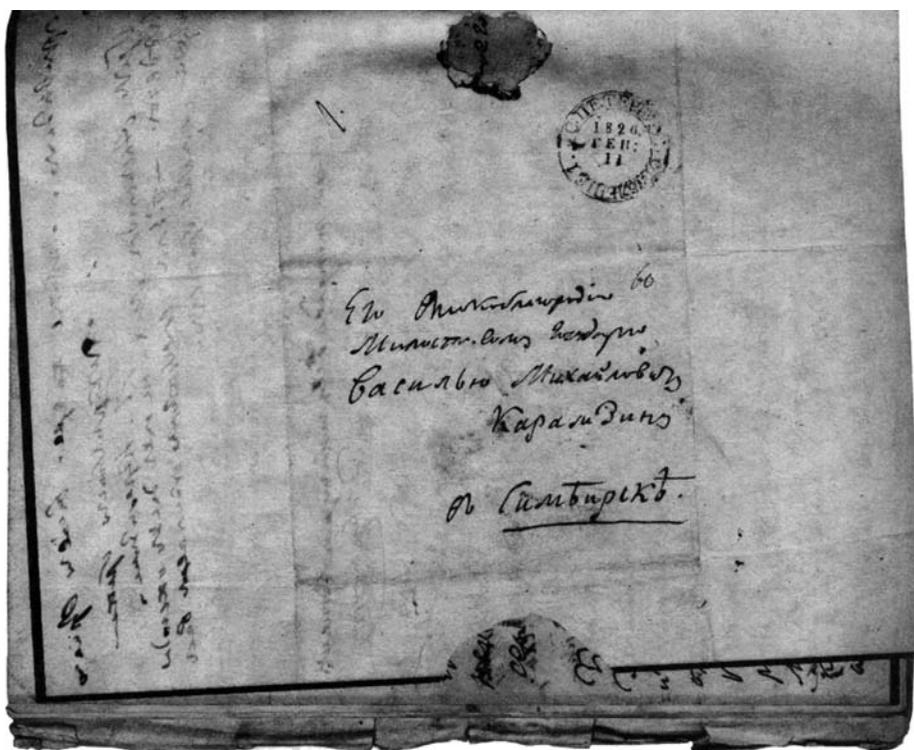
Сам Володя Сэр в своём интервью объясняет свой спектакль так: «Обломов, конечно, представляет собой праздность, на свой лад интересуется миром вокруг себя, но не может вписаться в реальность своей эпохи. Ему противостоит Штольц – символ нового деятельного человека. Обломов ищет симбиоз с природой, синтез наследия прошлого с современностью и прогрессом. Что такое жизнь, что такое счастье? Может ли прогресс быть двигателем нашей цивилизации? Эти темы находятся в центре современных дебатов. Моя постановка «Обломова» основывается, с одной стороны, на развёрнутых диалогах романа, с другой – на смещении мечты и реальности. Обломов не способен расстаться с детством и принять взрослый возраст, он замыкается в себе, ищет покоя, предпочитает страсти спокойствие любовной связи. Он бежит от жизни и погружается в сон, во внутренний мир, полный снов, фантазий, воспоминаний. Спектакль состоит из трёх фаз: «человек лежащий», «человек стоящий», «человек колеблющийся», когда реальность вторгается в его мечты».

Ирина Морозова

Ещё один шаг на пути к празднованию 250-летнего юбилея выдающегося деятеля российской истории Николая Михайловича Карамзина сделан в Ульяновской области. Издана книга его писем к братьям. Презентация объёмного тома, подготовленного ульяновским литературоведом Вячеславом Анатольевичем Сукайло, не так давно безвременно ушедшим из жизни, состоялась в торжественной обстановке в Ульяновской областной научной библиотеке 3 сентября 2013 года в присутствии всех лиц, способствовавших изданию этого труда. До того момента оригиналы писем Николая Карамзина, написанные коричневыми «орешковыми» чернилами на почтовой бумаге, могли видеть только родные Карамзина, коллекционеры автографов, а также современные исследователи в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Теперь эта переписка доступна любому желающему: 460 экземпляров книги «Н.М. Карамзин. Письма к братьям. 1786–1826» поступили в библиотеки Ульяновской области, а также в университеты Самары, Казани, Москвы.

Письма поручика Николая Карамзина

Автограф письма Н.М. Карамзина с симбирским адресом из отдела рукописей Российской национальной библиотеки

Обширное эпистолярное наследие Николая Михайловича Карамзина до сих пор полностью не опубликовано и недостаточно изучено, хотя, несомненно, оно представляет большую ценность для историков российской культуры. Родившийся в Симбирске в 1766 году в семье помещика среднего достатка, Николай Карамзин сделал блестящую карьеру на родине, много путешествовал, встречался с всемирно известными западноевропейскими философами и политиками – Гёте, Дантоном, Робеспьером, Гердером и многими другими. Интересно, что Карамзин, великолепно владея европейскими языками, для частной переписки в подавляющем большинстве случаев предпочитал русский.

Среди корреспондентов Карамзина – друзья, родные, члены царской семьи,

императрица Елизавета Алексеевна и даже собственные крепостные.

Внимание ульяновского исследователя В.А. Сукайло привлекла малоизученная так называемая симбирская переписка Николая Карамзина с братьями Василием, Фёдором и Александром. Сохранились лишь послания Николая Михайловича к ним. Что отвечали братья историографу, мы уже не узнаем – их письма безвозвратно утрачены.

Сдержанные, небольшие по объёму послания Николая Михайловича тем не менее дают полное представление об историке как о человеке и проливают свет на взаимоотношения между членами большой семьи Карамзиных.

Напомним читателям, что отец Николая Карамзина Михаил Егорович был женат дважды. От первой жены Екатерины Ивановны Пазухиной роди-

лись дочь Екатерина и три сына – Василий, Фёдор и Николай. После смерти Екатерины Ивановны М.Е. Карамзин обвенчался с Авдотьей Гавриловной Дмитриевой (родной тёткой И.И. Дмитриева), которая подарила ему сына Александра и дочь Марфу.

Разница в возрасте между детьми Михаила Егоровича была большая. Наиболее близкие отношения у Николая Михайловича сложились с братом Василием, который какое-то время был опекуном своих младших братьев. Переписывались Василий и Николай Карамзины сорок лет до самой смерти Николая Михайловича в 1826 году (сохранилось 233 письма). Писем к брату Александру значительно меньше.

Судя по письмам, Василий Михайлович Карамзин был большой хозяйственник. Известно, что он занимался

обустройством имения и успешно расширял владения. Ему принадлежали земли на территории современной Ульяновской области, барский дом в Михайловке и дом на Смоленской горе в Симбирске. Не случайно Николай Карамзин по всем финансовым вопросам обращался именно к Василию, и в свою очередь постоянно проявлял заботу о старшем брате: присылал ему из столицы лучшее «аглицкое» пиво, вина, предметы мебели, книги. Между братьями царили полное взаимопонимание и безграничное доверие. Даже крепостного мальчика для обучения поварскому искусству в Петербурге для Николая Михайловича из Симбирска прислал Василий Михайлович.

Из их переписки читатель узнаёт о всех основных событиях жизни братьев: о болезнях и выздоровлениях близких, о рождении детей, заботах об их здоровье, воспитании и образовании. Корреспонденты в письмах проявляют свойственные любому человеку душевные волнения и работу духа. Для исследователей письма Карамзина являются ценным источником информации об их обширном семейном клане и круге симбирских друзей и знакомых, а простому читателю позволяют познакомиться с биографией историка и разобраться в фамильных связях. Книга хорошо иллюстрирована. Кроме автографов, составители подобрали репродукции известных портретов Карамзинных.

Над подготовкой писем Карамзина к печати вместе с Вячеславом Сукайло два года работала заведующая научно-исследовательским отделом музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Елена Беспалова, которой и выпало право представить новое издание в Ульяновске.

«Подлинные письма Карамзина были сшиты в тетрадь их прежними владельцами Ольгой Васильевной, внебрачной дочерью Василия Михайловича, и её мужем Дмитрием Михайловичем Ниротморцевыми. В таком виде они сменили несколько хозяев, пока не оказались в отделе рукописей РНБ. Одно из писем хранится в Ульяновске, в Карамзинской библиотеке, – рассказывает Елена Беспалова. – Тексты писем Карамзина к брату, публикуемые в ульяновском издании, были изучены, сверены и выправлены по подлинным письмам с включением всех пропущенных мест в более ранних публикациях XIX века. Письма Карамзина к брату Василию Михайловичу никогда не печатались полностью и не комментировались. И заслуга В.А. Сукайло состоит

в том, что он первый опубликовал их без купюр и прокомментировал их. Вячеслав Анатольевич принёс рукопись книги в издательство «Корпорация технологий продвижения» буквально где-то за месяц до своей кончины, надеясь, я думаю, в дальнейшем поправить примечания и привести их в надлежащее состояние. Однако он не успел этого сделать. Издательство, чтобы большая тяжёлая работа не пропала даром, решило выпустить книгу в том виде, в котором её принёс автор. Но, тем не менее, это не умаляет заслуг и трудов Вячеслава Анатольевича».

Аудитор Счётной палаты РФ С.Н. Рябухин (в центре) содействовал изданию нескольких книг ульяновского краеведа и исследователя В.А. Сукайло

Член правления Ульяновского землячества Сергей Николаевич Рябухин на презентации поделился со слушателями некоторыми любопытными нюансами, связанными с появлением на свет этого эпистолярного памятника (кстати, это третья книга В.А. Сукайло, изданная при финансовом содействии Счётной палаты РФ): «Дело в том, что председатель Счётной палаты РФ Сергей Владимович Степашин – уроженец Владимирской области. В той самой Владимирской губернии родился выдающийся реформатор России Михаил Михайлович Сперанский, который считается оппонентом Н.М. Карамзина. Степашин неоднозначно относился к Карамзину до тех пор, пока я не дал прочитать ему последние письма Карамзина. Известно, что Сперанский пришёл к уже смертельно больному Николаю Михайловичу и беседовал с ним около четырёх часов. После прочтения этих писем мнение С.В. Степашина резко изменилось, и он дал добро на издание книги».

Действительно, и М.М. Сперанский, и Н.М. Карамзин хотели «учредить Россию на законах непреходящих», но

осуществление своих политических идей в реалиях Российского государства предполагали разными путями. Так, Сперанский предлагал существенно изменить основные институты и учреждения власти и управления в России, а Карамзин считал, что изменением формы чиновничьих структур что-либо изменить нельзя. Встреча умирающего Карамзина и Сперанского описана и в дневнике литератора и переводчика К.С. Сербиновича:

«...Николай Михайлович, слабый, сидел в креслах, в гостиной, мы – подле него. Доложили о приезде Сперанского. После обыкновенного приветствия, он сел против его кресел и сказал: «Вы меня не видали и не получали от меня вопросов о здоровье, но во всё это время я самым верным образом следовал за ходом вашей болезни, в которой все в России принимают участие. Слава Богу, что могу теперь вас видеть». Тут начался живой разговор о работах, возложенных государем на Михаила Михайловича (Сперанского) об учреждении особого II Отделения Собственной Канцелярии Его Императорского Величества. Николай Михайлович (Карамзин) слушал его внимательно, одобрял сообщаемые им предложения и, наконец, сказал: «Вот это совершенно согласно с моими данными убеждениями. Я всегда думал: как можно составлять законы, не зная всех тех, какие уже были у нас? Надобно прежде знать всё своё, надобно собрать все без исключения законы и постановления, какия у нас состоялись, и потом уже отделить из них то, что действительно обязательно в настоящее время, тогда составится на первый раз свод существующаго»...

Письма Карамзина к братьям пронизаны важными замечаниями по поводу происходящих современных корреспондентам политических событий. За повседневными делами проскальзывают сведения о главном труде Николая Михайловича над «Историей государства Российского», прогнозы на развитие отношений двух великих стран – России и Франции. Благодаря появлению этой книги любой пылкий читатель теперь сможет самостоятельно поработать с превосходным эпистолярным и литературным памятником, не выезжая за пределы Ульяновской области, познакомиться со слогом великого историка и в конце письма прочесть неизменное «Любите всегда вашего почтеннейшего брата Николая Карамзина» или просто – «Поручик Карамзин».

Вероника Михайлова

«Апологи в четверостишиях» Ивана Дмитриева

*Что вздумалось тебе сухие апологи
Представить критикам на суд?
Ты знаешь, как они насмешливы и строги,
Тем лучшие: их прочтут.*

Этими строками, с заметным налётом грусти, Иван Иванович Дмитриев заключил свою книжечку «Апологи в четверостишиях», вышедшую в Москве в конце 1825 года. И хотя своё авторство он обозначил только литерами «И.Д.», редакция парижского энциклопедического журнала пояснила читателям, что под ними нетрудно узнать «знаменитого певца Ермака». Почему именно «Ермак» был так популярен у литературной общественности? Эта небольшая лирико-драматическая поэма была написана поэтом в Сызрани, недалеко от родимого приволжского села Богородское, любовь к которому Иван Дмитриев питал всю свою жизнь. Во время поездки в 1794 году по Поволжью, краю, определившему устремления русских за Урал, в Сибирь, и проявился особо пристальный интерес Ивана Ивановича к отечественной истории, воплотившийся в поэме.

Князь Пётр Вяземский под свежим впечатлением от прочитанного «Ермака» подчёркивал, что это творение исполнено любви к Отечеству, но не грубой, а возвышенной, облагораживающей душу читателя. Эта историко-патриотическая поэма, прославлявшая предприимчивость и военные подвиги Ермака и его казачьей дружины, других российских землепроходцев, вызвала восхищение Николая Карамзина.

Но и спустя десятилетия песни, сатиры, сказки и басни Ивана Ивановича, которыми он, по словам Василия Жуковского, совершил «переворот в поэтическом языке», обусловили уважение к нему большинства лучших художников слова, включая и руководителей «Полярной звезды». Именно в этом радикальном альманахе на 1823 год Александр Бестужев в обозрении отечественной литературы поставил Дмитриева рядом с Гавриилом Державиным и назвал его «образцовым поэтом». Неудивительно, что в России не только литераторы, но и вдумчивые читатели ведали, что литерами «И.Д.» обычно подписывает свои творения Иван Иванович Дмитриев, бывший министр юстиции, член Российской академии, почётный член Московского университета, попечитель петербургского «Вольного Общества любителей

русской словесности», старшина Английского клуба в Москве, обладатель чина действительного тайного советника, обязывающего всех обращаться к нему как к Высокопревосходительству.

Несколько слов о предыстории рождения книги «Апологи в четверостишиях». Ивана Ивановича современники не случайно называли «русским Лафонтеном». Он давно переводил басни этого знаменитого поэта, как, впрочем, и творения П.Ж. Беранже, Ш.-С. Тевеко и других популярных французских литераторов. В 1823 году в Париже вышла книга Шарля Мальво «Сто басен в четверостишиях». Ивану Ивановичу пришлось по душе эти творения, построенные на аллегорическом изображении животных или растений, и он охотно взялся за перевод этих замысловато придуманных нравоучений, с ясно высказанной в конце моралью.

И небезуспешно. В том же 1823 году в «Новостях литературы» А.Ф. Воейкова были напечатаны десять четверостиший Дмитриева, названных «апологами», то есть, в переводе с греческого, – рассказами, сказками или баснями. Новинку уважаемого баснописца подхватили К. Рылеев и А. Бестужев, напечатавшие в альманахе «Полярная звезда на 1826 год»

шесть его апологов. Ободрённый этим вниманием, Иван Иванович в последующие два года продолжил переводы французских четверостиший, и когда их стало больше сотни, в 1825 году подарил всю рукопись своему кредитору – московскому бумажному фабриканту Кудрявцеву, который и начал её печатать.

Следует заметить, что журнальные публикации апологов Дмитриев подписывал даже не инициалами, а тремя звёздочками. Но и этот приём скромного автора оказался безуспешным. Александр Бестужев в январе 1824 года в письме к князю Петру Вяземскому отмечал в связи с этим: «Поблагодари почтенного Ивана Ивановича за его басенки, они всем очень нравятся, и вообще они так хороши, что многим безымянность автора прозрачна...».

Сам же Дмитриев даже после выхода в свет сборника «Апологи в четверостишиях» называл это детище «безделкой», которую творил, как он выразился весной 1826 года в письме к Антону Дельвигу, «урывками, от нечего делать, не умея пользоваться бостоном (видом карточной игры. – Ж.Т.), обыкновенною игрушкой» его сверстников. На экземпляре сборника, подаренном П.П. Бекетову, он начертил: «Шестидесятипятилетний экс-поэт

посвящает любезному брату Платону Петровичу последние свои крохи».

Однако, как и каждый автор, он ждал доброго слова от близких и был рад их вниманию к подаренным «Апологам». 7 апреля 1826 года он пишет Василию Жуковскому в столицу: «Невинная игрушка моей старости доставила мне по крайней мере истинное удовольствие получить от вас несколько строк, равно для меня драгоценных и в письмах и сочинениях ваших». Доставило Ивану Ивановичу удовольствие письмо писателя и издателя Александра Измайлова, благодарившего его 15 апреля за «прекрасный подарок – «Апологи»: «По крайней мере, раз пять прочёл я их и многие знаю наизусть». Естественно, была приятна благодарность Дмитрия Дашкова – одного из основателей литературного общества «Арзамас», выраженная им в письме от 13 апреля: «Пусть насмешливые или лучше сказать смешные критики разбирают ваши «Апологи» и судят важно, баснями ль их назвать, или нравоучительными четверостишиями, а мы с истинным удовольствием вкушаем сей плод прекрасной осени, по всему достойный прекрасного лета».

Дмитриев знал, что самый дорогой для него человек Николай Карамзин смертельно болен и, посылая ему в Петербург книгу «Апологов», не надеялся получить отзыв. Но он пришёл-таки в Москву в начале апреля 1826-го. Дочь историографа государства Российского Екатерина Николаевна сообщала:

Княгиня Екатерина Николаевна Мешерская, урождённая Карамзина

«...получила и прочла с живейшим чувством признательности и удовольствия, почтеннейший Иван Иванович, милые ваши Апологи: в некоторых я нашла любезных старых приятелей, а с другими с радостью познакомилась... Сестра моя (Софья. – Ж.Т.) препоручает мне изъяснить вам признательность за прекрасный ваш подарок: чрез несколько дней будет её очередь писать к вам». А в конце этого письма – драгоценная приписка самого Николая Карамзина: «Я опять немного свихнулся в здоровье; но хочу непременно сказать тебе, милый друг, что я прочитал все твои прелестные Апологи без остановки, несмотря на мою слабость. Обнимаю тебя нежно».

Подборку одобрительных высказываний о дмитриевских апологах литераторов старшего поколения 1820-х годов можно было бы продолжить. Что касается молодых поэтов пушкинского круга, то кое-кто относился к ним не без иронии. А Дмитрий Веневитинов в 1827 году сочинил такую эпиграмму:

*Я слышал, Камени тебя воспитали.
Дитя, засыпал ты под басенки их.
Бессмертный дар свой тебе передали,
И мы засыпаем на баснях твоих.*

Что касается отношения Пушкина и его «родни по вдохновенью» к апологам Дмитриева, то исследователи имеют возможность использовать только один достоверный факт – письмо Николая Языкова к Александру Сергеевичу от 16 августа 1826 года, после возвращения из Тригорского-Михайловского в Дерпт, в котором есть следующие строки:

«Аполог: *Удел гения*
*Змея увидела подснежник,
ранний цвет,
И ядом облила прелестное растение.
Так гений,
наглости завистника предмет,
Страдает без вины
и терпит угнетенье.*
Хорош ли? Прощайте покуда».

Неизвестно, ответил ли сразу опальный Пушкин на вопрос друга-студента. Но сама манера постановки вопроса «хорош ли?» позволяет считать, что совсем недавно, во время шестинедельного пребывания в Тригорском-Михайловском, Языков декламировал Пушкину и другие свои апологи. Так почему же Александр

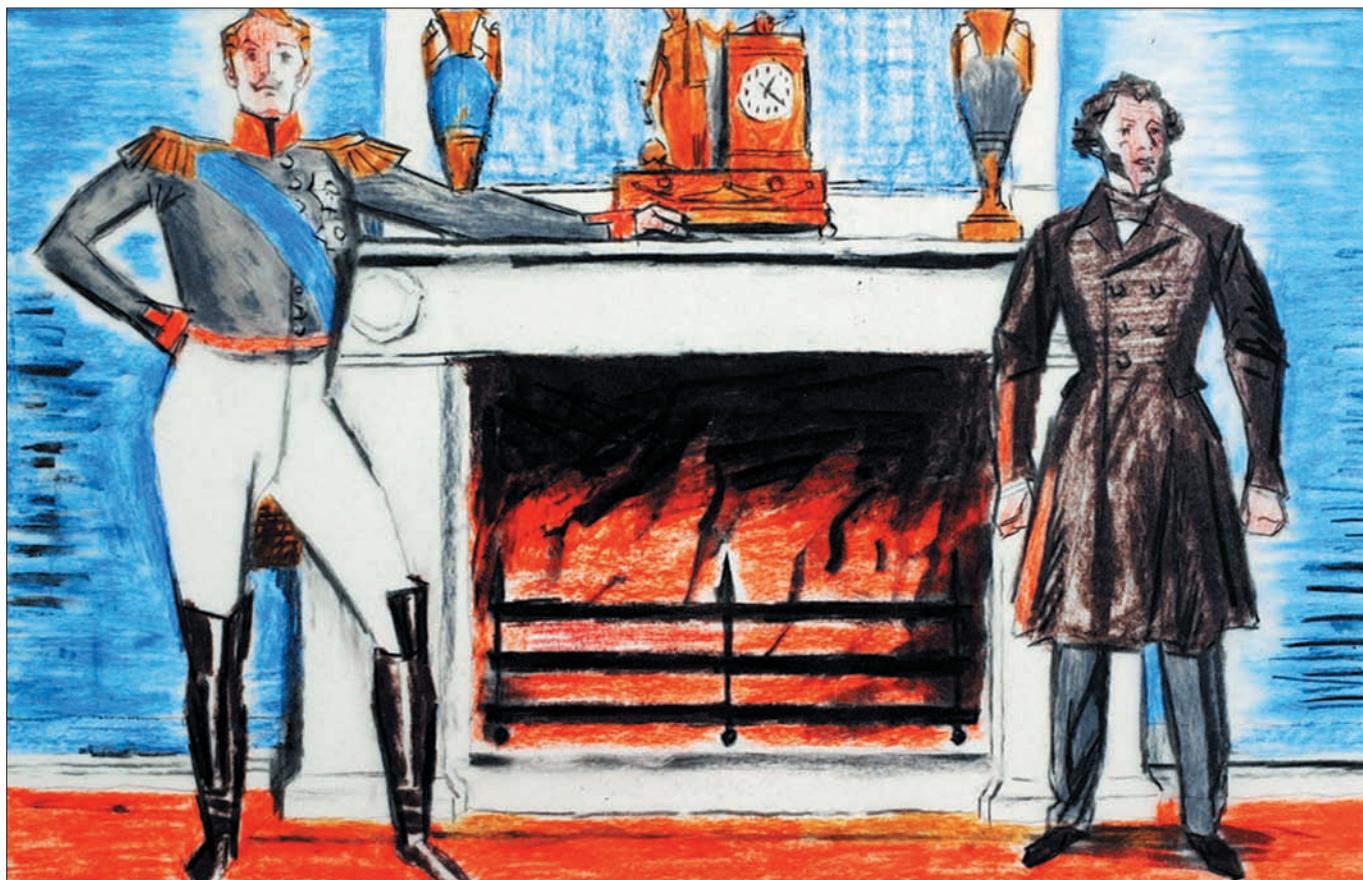
Сергеевич замедлил с ответом на вопрос Николая Языкова о присланном апологе «хорош ли?»

По всей вероятности, потому, что через несколько дней после получения языковского послания, в ночь с 3 на 4 сентября, в Михайловское прискакал фельдъегерь с приказанием Пушкину следовать Москву, где в связи с коронацией находился Николай I. А после исторической встречи Пушкина с монархом, объявившим себя его личным цензором, Александр Сергеевич оказался втянутым в литературную жизнь обеих столиц, и вопрос Языкова об апологе отошёл на задний план.

Но в ноябре, уже формально свободным человеком, Пушкин снова оказался в Михайловском, и в письме от 9 числа горячо благодарил Языкова за создание поэмы «Тригорское» и выразил уверенность, что он напишет ещё «много лучшего». Примечательно и его дружеское пожелание дерптскому студенту: «Дай Бог Вам здоровья, осторожности (курсив мой. – Ж.Т.), благоденствия и мирного житья». Пожелание «осторожности» имело особый смысл. Ибо Языков сотрудничал в «Полярной звезде» и в товарищеской среде выражал своё возмущение и казнью Рылеева, и правительственной расправой со многими инакомыслящими, даже не причастными к восстанию декабристов.

Думается, что Пушкин не зря желал «мирного житья» другу-поэту, не побоявшемуся прислать ему «Удел гения» – прозрачный намёк на его опальную судьбу. Ведь при пересылке (даже с верной оказией), а тем более на Псковщине, где «охранителей» хватало, этот аполог мог быть расценен не как безобидная басенка, а как гневное осуждение правительственного произвола, из-за которого гениальный поэт «страдает без вины и терпит угнетенье». Своеобразным откликом на пушкинский совет о соблюдении «осторожности» стали строки письма Николая Языкова брату Петру в Симбирск от 2 сентября: «У меня завелась переписка с Пушкиным – дело очень любопытное. Дай Бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась». Что касается языковского вопроса об апологе «хорош ли?», то Александр Сергеевич наверняка ответил (вслух или в душе) одобрительно.

Между тем Николай Языков, по традиции, отсылал свои творения в Петербург брату Александру Михайловичу, а тот, по своему усмотрению, отдавал отобранное для публикации

Анатолий Зыков. Аудитория в Чудовом дворце. 1996

знакомым издателям. Так осенью 1826 года «Удел гения» вместе с восемью другими апологами Николая Михайловича оказался в руках издателя популярного «Невского альманаха» Егора Аладьина, страстного его поклонника. И в альманахе на следующий год все девять были опубликованы под названием «нравоучительные четверостишия», без указания фамилии автора: она была заменена тремя пятиконечными звёздочками.

При такой подаче и «Удел гения» выглядел в глазах придирчивой официальной цензуры как безличностное сетование неизвестного автора на абстрактных «наглых завистников», из-за происков которых какой-то гений страдает и терпит унижение.

Эта публикация в «Невском альманахе» выглядела безобидно ещё и потому, что нравоучительные четверостишия по стилю походили на тепло принятые видными литераторами России переводные апологи И.И. Дмитриева. Что же касается языковского творения «Удел гения», то цензура наверняка заметила, что четверостишие вобрало в себя строки двух апологов знаменитого баснописца. Вчитаемся в них и мы:

Подснежник

*«Что мне зима? –
сказал Подснежник, ранний цвет, –
Пускай её страшится Розы;
Я всё превозмогу: и бури, и морозы» –
Для гения препоны нет.*

Светляк и Змея

*Со светлым червячком
встречается Змея
И ядом вмиг его
смертельным обливает.
«Убийца! – он вскричал. –
За что погибнул я?»
– «Ты светишь», – отвечает.*

Не трудно заметить, что эти переводы с французского сделаны умудрённым опытом Иваном Дмитриевым мастерски. К сожалению, даже в наше время некоторые краеведы, вслед за Алексеем Вульфом, утверждают, что языковский «Удел гения» – это, мол, «пародия (выделено мной. – Ж.Т.) на апологи Дмитриева «Светляк и Змея» и «Подснежник».

Сам Николай Языков не включал апологи в сборники своих произведений, а вот его брат Александр Михайлович в 1856 году, когда состоялась

амнистия декабристов, счёл возможным передать их профессору П.М. Перевлесскому, составителю двухтомника «Стихотворения Н.М. Языкова». Тем не менее, даже в академическое полное собрание сочинений А.С. Пушкина 1937–1949 годов (т. 13, № 275) включены «Удел гения» и ещё восемь четверостиший Николая Михайловича Языкова. И только с 1960-х годов, под названием «Нравоучительные четверостишия», они стали входить в полные собрания стихотворений поэта-симбирянина.

В заключение замечу, что языковское письмо, к которому был приложен аполог «Удел гения», пришлось по душе опальному Александру Пушкину, и, не мешкая, он набросал строки ответного:

*Языков, кто тебе внушил
Твоё посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!*

Жорес Трофимов,

почётный
гражданин Ульяновской области

Семья любая знать должна, кто прадед был...

Большая семья
Самойловых
на веранде дома

Часть II

Жизни нашей продолженье... *

Моя бабушка Ирина Владимировна Володина (урождённая Вундерлих) не стояла у станка, не трудилась в поте лица на производстве, не служила в органах государственной власти. Она служила Семье. Это, по-моему, самое великое служение Женщины.

Нас, внуков, она очень любила, хотя была строга и очень требовательна. С раннего детства приучала она нас к аккуратности, организованности, бережливости. Встав утром, мы бежали умываться, убирать кровати, никогда не разбрасывали своих вещей. Поев, не откладывая, убирали со стола и мыли посуду. Бабушкина «муштра» очень пригодилась мне во взрослой жизни, как семейной, так и производственной.

Подружки, просто одноклассницы и однокурсницы часто говорили с восхищением и ноткой зависти:

– Какая у тебя бабушка!

Они вкладывали в это «какая» значение необычности. Неординарность бабушки я поняла значительно позже, когда набралась жизненного опыта.

Бабушка была истинным интеллигентом. Её жизненное кредо – уважение

к любому Человеку. Среди её знакомых и друзей были учителя и врачи, колхозники и рабочие, уборщицы и преподаватели института, даже чиновники довольно высокого ранга.

Гордо посаженная голова, гладко зачёсанные и собранные в пучок седые волосы, про которые говорят «соль с перцем», чётко очерченный профиль (никакой пастозности) с крупным, словно вылепленным носом – всё выдавало «породу».

Совершенно необыкновенными, искрящимися были у бабушки глаза. Про цвет их она шутила: серо-бурмалиновые. Даже в старости, сквозь толстые очки, приковывал к себе внимательный, умный взгляд.

У бабушки была прекрасная речь, петербургская норма произношения. Писала бабушка абсолютно грамотно.

Тётка моя Надежда Владимировна Гончарова сохранила бабушкины письма. Я прочитала их на одном дыхании как рассказ о буднях нашей семьи. Это был не столько пересказ событий (что само по себе очень интересно), сколько оценка происходящего.

Я очень любила гулять с бабушкой, ходить с ней на концерты. Мне всегда

было с ней интересно. Она много знала, особенно музыку и литературу. Услышав по радио первые такты, она сразу называла произведение и композитора. Когда в Ульяновске образовался симфонический оркестр, мы часто бывали на его концертах.

Мой двоюродный брат Владимир Иванович Володин в детстве и отрочестве любил гостить у нас. В весёлой бабушкиной компании мы пили на кухне чай с батонном и вареньем, играли в подкидного дурака и просили бабушку рассказать о прежней жизни.

Родилась бабушка на заре XX века 30(18) августа 1902 года в Казани, была крещена в Духосошестввенской церкви при губернаторском Дворце Казанского кремля. Отец её Владимир Карлович Вундерлих умер сразу после её рождения в декабре того же года. Мать, Екатерина Владимировна, урождённая Сущинская, преподавала рукоделие в Симбирском епархиальном училище.

Лето любимица семьи Ириша проводила в имении своего прадеда Ивана Александровича, крёстной матери Марии Ивановны и дяди Сергея Ивановича Самойловых в Акнееве Алатырского уезда Симбирской губернии,

где собиралась вся большая семья. Слушая рассказ бабушки, мы представляли и деревянный двухэтажный дом, и огромный сад, и высокие качели, и кедры...

Судьбе было угодно сохранить сад. Приехав туда через десятилетия, мы сумели обойти его по периметру, ориентируясь на кусты карагача, выполнявшего в «самойловские» времена роль естественного ограждения.

Кроме бабушки, её сестры Верочки и брата Георгия там проводили лето кузина Соня Садовская (в замужестве Захарова), кузен Владимир Самойлов и другие ровесники-родственники, отдыхали весело и беззаботно. В имении была хорошая библиотека, и дети много читали. Впоследствии бабуля напутствовала нас, подростков: «Читайте сейчас, читайте больше, пока есть время». Как она была права!

О храме Христа Спасителя и его трагической судьбе мы узнали тоже от бабушки. Сегодняшний новодел соответствует её описаниям. Об одном сопадении хочется рассказать.

Сын моей двоюродной сестры Ольги Ивановны Игнатъевой-Володиной Антон окончил Московскую академию космических войск им. Петра Великого, находящуюся на улице Солянка в корпусах Воспитательного дома, где до революции располагался Сиротский институт, в котором училась бабушка.

На первом курсе Антон заболел и лежал в госпитале, и я вместе с дочкой Дашей пошла его навестить. На КПП нам выписали пропуска, и мы оказались на территории этого учебного заведения: шли по плацу мимо церкви с высоким шпилем, миновали строгие учебные корпуса и оказались в госпитале – бывших жилых помещениях воспитанниц. Поднялись по очень длинным мраморным лестницам, прошли по широким с высоченными потолками коридорам и увидели в окно панораму Москвы-реки и храм Христа Спасителя! Мы воскликнули:

– Антон! Здесь училась твоя прабабушка! Вот совпадение!

Как все дети из дворянских интеллигентных семей, первоначальное образование бабушка получила дома, затем поступила в гимназию Т.Н. Якубович в Симбирске. Это было частное учебное заведение, но подчинялось всем правительственным распоряжениям. Полный курс считался 7-летним, 8 класс – педагогическим. С 1915–1916 учебного года программа соответствовала программам мужских классических гимназий (за исключением древних

Екатерина Владимировна
и Владимир Карлович Вундерлих.
Брест-Литовск. 1896

Молодожёны
Ирина и Владимир Володины.
Симбирск. 1923

языков). Гимназия Якубович тесно связана с мужской и Мариинской гимназиями Симбирска. Уровень обучения был высокий, как и уровень преподавателей. Французский язык преподавала Варвара Мирославовна Гриневиц, прекрасный педагог, также добрая знакомая нашей семьи. Почётным попечителем была Е.М. Перси-Френч.

Несмотря на строгую дисциплину, девочки на переменах бегали, прыгали, играли в догонялки. Однажды на бегу бабушка столкнулась с другой девочкой и... О, ужас! Ударом ей выбило передний зуб. Он обломился. Пришлось на штифт насадить фарфоровый зубик. Бабушка сохранила его. Он лежит в «волшебном сундучке» с семейными реликвиями.

Окончить гимназию Якубович бабушке было не суждено: её жизнь изменилась в связи с появлением вакансии в Сиротском Николаевском институте в Москве. Здесь необходимо заметить, что отец бабушки Владимир Карлович Вундерлих служил в чине штабс-капитана при губернаторском Дворце Казанского кремля. Согласно Табели о рангах чину штабс-капитана соответствовал 9 разряд, потомственное дворянство присваивалось с 8-го. Поэтому бабушка относилась к так называемым «обер-офицерским» детям, что давало ей право на учёбу в Николаевском Сиротском институте.

Жизнь в этом учебном заведении протекала строго по режиму: подъём в 7 утра, в дортуарах температура не выше 15-16 градусов по Цельсию, умывание холодной водой, обязательно утренняя гимнастика. Этих нехитрых

правил бабушка придерживалась до конца жизни: несколько простых упражнений по утрам, умывание только холодной водой, несмотря на наличие горячей, сон при открытой форточке.

Образование давалось достаточно высокое, много внимания уделялось гуманитарным наукам, особенно языкам. Ученики Рубинштейна преподавали музыку. Внуков бабушка призвала учиться, говоря: «Лишних знаний не бывает».

В Николаевском институте проучилась бабушка недолго. В ноябре 1917 года Мария Ивановна Самойлова привезла свою крестницу Иришу в Симбирск. Произошло событие планетарного масштаба – Великая Октябрьская социалистическая революция. Из Москвы ехали почти месяц, транспорт уже не ходил. В пути натерпелись всякого. Бабушке было 15 лет.

Юная Ириша Вундерлих была хороша, только застенчива и быстро смущалась. У неё были изумительной красоты руки с тонкими пальцами правильной формы: 15-й размер обручального кольца, из-за чего его невозможно было продать или обменять на хлеб во время войны – никому не лезло.

Племяннику Александра Александровича Манчтета Саше нравилось вводить её в смущение.

– Ириша! Дайте полюбоваться вашими пальчиками!

Бабушка краснела. Саша целовал ручку, получая явное удовольствие от этой сцены. Бабушка тайно была в него влюблена, т. е. симпатизировала.

Первый раз за бабушку посватались, когда ей было 17 лет. Шла Гражданская

Слева направо: И.В. Володина, Наташа Володина, Е.В. Вундерлих, Надежда и Иван Володины, В.И. Володин. Оренбург. 1937

война. В Симбирске установилась Советская власть, поддерживали её красные латышские стрелки. Свататься пришёл один из командиров. Бабуля даже называла его имя и фамилию, но мы по незначительности факта, не имеющего к нашему рождению никакого отношения, просто их не запомнили. Он был гораздо старше, лет под 40, в Риге у него остались дом, мама и сестра, ровесница Ириши.

Мудрая Екатерина Владимировна отказала претенденту, сославшись на Гражданскую войну и юный возраст невесты.

Замуж бабушка вышла через два года после первого сватовства. Её брак с моим дедушкой Владимиром Ивановичем Володиным был счастливым. Четверо прекрасных детей тому подтверждение. Они венчались в Сенгилее 2 ноября 1922 года. Их семейная жизнь составила только 18 лет: дедушка умер совсем молодым в возрасте 41 года от неизлечимой тогда болезни – туберкулёза лёгких. Для неё Владимир Иванович никогда не умирал. До конца жизни она мысленно с ним разговаривала, делилась своими размышлениями, проблемами, радостями и переживаниями.

Когда я вышла замуж, бабушка благословила меня, сказав:

– Если даже и короткое будет счастье, то пусть оно будет настоящим.

Познакомились они в эпохальное время – Гражданскую войну. Дедушка воевал в армии М.Н. Тухачевского, был ранен, пуля «блуждала» в нём до конца жизни. После ранения он служил в штабе ЧОН (частей особого назначения),

где бабушка в то время работала делопроизводителем. Сохранились фотографии дедушки-красноармейца: одна в Курске у моей тётки Надежды Владимировны Гончаровой, другая, групповая – у моей мамы.

Дед был мещанин села Смольково Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Он был пятым ребёнком в семье. Родители Иван Петрович и Евдокия Ивановна Володины вывели детей в люди, дали образование. Дедушка окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию в 1917 году и поступил в Казанский университет на физико-математический факультет. Революция круто изменила его жизнь. В 1918 году он возвратился домой и был мобилизован Советской властью. После войны стал бухгалтером, уверенно продвигался по службе. Последняя запись в его трудовой книжке: «Заместитель главного бухгалтера Саратовской городской конторы Всесоюзного государственного объединения «Заготзерно».

Дедушка очень любил своих детей. Если бабушка жаловалась на их поведение, отвечал:

– Я и так их редко вижу, а ты хочешь, чтобы я их наказывал?

Об этой любви говорят письма, которые он присылал детям из Ливадии, где был в санатории.

С большим уважением он относился к своей тёще Екатерине Владимировне Вундерлих. Моя тётка Надежда Владимировна Гончарова вспоминает случай, характеризующий их отношения.

«Бабушка Екатерина Владимировна была глубоко верующим человеком.

В доме были иконы, горела лампадка. В годы гонений на религию бабушка заволновалась за отца: вдруг узнают, что в доме иконы, будут у Владимира Ивановича неприятности. На её волнения папа ответил: «Екатерина Владимировна, пусть иконы будут, не волнуйтесь и молитесь».

Дети росли в атмосфере любви и взаимного уважения, поэтому, став взрослыми, они перенесли родительские нравственные ценности в свои семьи.

О трудных военных и послевоенных годах бабушка не любила говорить – слишком тяжело было вспоминать. Чтобы не умереть с голода, бабушка с детьми уехала в Шанталинский район Куйбышевской области в деревню Тимяшево. Работала в совхозе на волах и лошадях, выполняла любую самую чёрную работу. За муку, ведро картошки отдавала старинное постельное бельё, золотые украшения с драгоценными камнями, продала даже пианино. Остались только вещи, с которыми невозможно было расстаться или их никто не купил – например, обручальное кольцо и камень с белыми барельефами (потенциальные покупатели, чтобы проверить, настоящая ли золото, опустили брошь в «царскую водку», краска на эмали, конечно, растворилась).

Бабушка всю еду оставляла детям, сама питалась объедками и остатками. Однажды уронила в помойное ведро лепёшки из картофельных очисток, достала, помыла и съела. Как результат – колит, гастрит, опущение желудка на 15 см и рак пищевода.

В нашем доме ничто не пропадало. Бабушка не могла выбрасывать продукты. Даже хлебные крошки она аккуратно собирала и кормила ими птичек. Остатки сметаны старательно соскребала со стенок банки и делала на основе этих «отходов» замечательное печенье под названием «пятакки»: из раскатанного теста при помощи рюмочки вырезались кружочки размером с пятак. Из чёрствого хлеба она делала вкуснейшую шарлотку с яблоками, пропитывая сухари смесью из молока, яиц и сахарного песка.

Находя во время уборки мелкие предметы: гвоздики, скрепки, шайбочки, шурупы – не выбрасывала их, а отправляла в коробочку. Если кому-нибудь из домочадцев надо было привязать, привинтить, приклеить что-либо, в «волшебной» коробочке находилось всё необходимое.

Я уверена, что бабушка умела всё. После войны, когда надеть было нечего,

она из обыкновенной байки сшила младшему сыну Георгию чудесную курточку. На многих фотографиях он запечатлён именно в ней.

Во время моего детства колготок не было. Дети носили чулочки, пристёгнутые широкой резинкой к специальному лифчику, выполнявшему двойную функцию: держать чулки и греть грудь и спинку. Так вот, эти лифчики шила для нас, конечно, бабушка.

Бывая в Москве, она покупала в Доме моды на Кузнецком мосту готовые выкройки и шила нам наряды. Прекрасно помню Иринкин комбинезон красного цвета с курточкой, а у меня были неповторимые платья цвета бордо и красного, так как эти цвета мне очень шли. До сих пор на антресолях валяются журналы детской моды, купленные бабушкой в 1960-е годы.

Про варежки и носки я даже не говорю. Сколько их перевязала бабушка! Если вдруг одна варежка была потеряна в тёмном школьном гардеробе, через несколько дней появлялась такая же взамен утраченной.

Неповторимыми были бабушкины пироги: с мясом, с капустой, с зелёным луком и яйцом, рисом и рыбой, открытые сладкие – тонкие, румяные, со светло-коричневой корочкой. Теперь, когда я сама бабушка и частенько пеку пироги, родные говорят: «Пироги, как у бабушки!». Значит, удались.

Вокруг нашего Старого Дома был садик «исключительно в пользовании Манчтет». Там росли несколько яблонь, тернослив, чуть-чуть малины, персидская и белая сирень, жёлтые розы, пионы, ирисы. Вдоль дорожки бабушка высаживала бордюрную пахучую траву с маленькими белыми цветочками. Сажала она душистый табак и любимые ею петунии. Вечером в палисаднике стоял неповторимый летний аромат.

Также бабуля умудрялась на наших тощих почвах выращивать огурцы и помидоры. С огурцами было не очень, а вот помидоры иногда удавались на славу, особенно так называемые «будённовки» – шарообразные плоды с острым кончиком. Работать на земле ей доставляло удовольствие. Если бы ей дали возможность прожить жизнь по-другому, она непременно стала бы агрономом. Впрочем, в первой четверти XX века было повальное увлечение молодёжи сельским хозяйством.

На новой и всех последующих квартирах бабушка выращивала помидоры на балконе. Иногда урожай достигал нескольких килограммов. Однажды вернулись из отпуска – бабушка встречает

нас своими выращенными на балконе помидорами. Собрала целый таз!

Меня всегда восхищал бабушкин вкус: умение одеваться скромно, но красиво, располагать вещи в комнате, накрывать на стол. Конечно, убогость социалистического быта накладывала свой отпечаток: обед на клеёнке, а не на скатерти, еда на кухне. Да и средств особых не было, чтобы жить роскошно, а главное – тотальный дефицит во всём.

Когда получили новые квартиры, бабушка старалась обставить их. Рано утром бежала в мебельный магазин, записывалась в очередь, отмечалась. Вся мебель, с которой мы прожили не одно десятилетие, выстояна ею в очереди.

И.В. Володина с внучками Ириной и Татьяной (справа) Хатанзейскими. Ульяновск

Получив свою квартиру, бабуля купила шифоньер, диван-кровать, стол, трёхрожковую немецкую люстру. По диагонали стола лежала льняная салатная дорожка с вышитыми цветочками, отделанная мережкой и бахромой. Этот элемент делал комнату не как у всех, ведь тогда в моде были голые столы. Это была первая бабушкина личная мебель: всю жизнь она прожила на остатках семейного наследства.

Вскоре в эту комнату переселилась и я со своим письменным столом и репродукцией Моны Лизы. Когда мама обзавелась современной мебелью, к нам приехал ещё и рояль. Чудесная была комната!

Бабушка никогда не ходила в халате. Я даже не помню, был ли он у неё. Сарафан, блузка – вот её домашняя одежда. На кухне – передник (фартук). Когда я родилась, бабушке было 52 года. Одевалась она соответственно своему возрасту. Синий и серый цвет преобладали в её гардеробе. Очень красивое платье, тёмно-синее, почти чёрное, она носила с манишкой. На нескольких фотографиях она именно в этом платье. Бабушкин стиль – строго, красиво, неповторимо.

Помню, однажды бабушка приехала из Москвы в элегантной зелёной

шляпке, которая ей очень шла. ... Железнодорожный вокзал. Он ещё единственный в городе и не называется «Старый». Встречаем бабушку. Она едет из Москвы, и вещей у неё гораздо больше, чем рук. В Москве её провожали все родственники: Манчтеты, Захаровы – и каждый из них нёс багаж.

Чтобы выйти на перрон, покупаем билетки. Дети – бесплатно. Ажурная решётка – как граница. Показал билетик контролёру – можешь пройти через калитку. Ждём. Наконец объявляют: «Поезд «Москва – Челябинск» вышел с соседней станции». Соседняя станция – это Киндяковка, нынешний железнодорожный вокзал. Ещё минут 5 ожидания.

Показывается паровоз, окутанный клубами пара. Он движется достаточно быстро, очень страшно пыхтит, надвигается и проплывает мимо. Пугают большие красные металлические колёса, отороченные белой полосой. Последнее «пых!». Поезд останавливается. Чинно выходят пассажиры. Начинается вынос багажа. Бабушка везёт из Москвы всё: продукты, одежду, посуду, игрушки. Однажды привезла даже четыре кухонные табуретки, которые долго служили нам.

В последние годы жизни бабушка очень любила фигурное катание. Несмотря на чёрно-белое изображение, наши комментаторы, в частности, Сергей Кононыхин, так описывали костюмы фигуристов, что зрители воспринимали картинку, как цветную. Любимыми её фигуристами были Людмила Пахомова и Александр Горшков, в мужском одиночном катании она восхищалась Толлером Кренстоном, канадским спортсменом, никогда не становившимся чемпионом, но создавшим свой стиль в современном фигурном катании.

Интересовалась бабушка и хоккеем. Болела за наших, даже иногда ночью, а дневные матчи записывала: кто забил гол, на какой минуте, чтобы вечером за ужином рассказать нам.

Бабушка умерла 10 декабря 1979 года. Хоронили её в промозглый зимний день. Шёл дождь. Когда сажались в катафалк, Юра, мой самый младший двоюродный брат, спросил маму: «Тётя Наташа, а ты всё сделала, чтобы спасти бабулю?». Другой мой брат Володя с оптимизмом заметил в ответ: «А жизнь продолжается...».

Татьяна Ильина

* Окончание. Начало в журнале «Мономах» № 5–2013

Развалины беседки в Киндяковской роше, где И.А. Гончаров писал роман «Обрыв». Открытка начала XX века

Легенды о «статуйке»

До начала 30-х годов XX века в восточной части Винновской роши, по правую сторону дороги, идущей из города Симбирска в деревню Винновку, на высоком холме, где сейчас находится футбольное поле, располагалось необычное архитектурное сооружение. Винновские жители называли его «статуйка» из-за расположенной на его куполе деревянной фигуры в рост человека в одежде, подобной хитону, кто-то видел в этом изваянии ангела с позолоченным крестом, другие – Иоанна Крестителя, третьи – Мадонну. В литературных источниках встречаются и другие названия этого строения: каменный павильон, беседка, памятник-часовня, часовня, масонский храм «Киндяковская беседка».

«Статуйка» достигала высоты 16 м, была сложена из нестандартного кирпича, скрепленного раствором на извести, и имела облик беседки, с четырёх сторон которой по углам были барельефы, символизирующие атрибуты бренности человеческой жизни: разбитая урна с текущей водой, изломанный якорь, залитая волнами ладья и человеческий череп с костями. Внутри пол над могильным склепом был выстлан чугунными плитами, стены отделаны под мрамор, на застеклённых окнах – железные решётки, у восточной стены в киоте стоял образ Спасителя с надписью «приидите ко Мне все труждающиеся и обременённые и Аз успокою вы». Постоянная, неугасимая лампада теплилась перед иконою. На полу в середине здания была чугунная плита, под которой простукивалась пустота, местные ребятишки развлекались тем, что бросали в неё камни и слушали исходящий гул.

Существует две основные версии сооружения этого необычного памятника в Винновской роше.

По версии краеведа А.Н. Блохинцева, «статуйка» – масонский храм, построенный в конце 80-х – начале 90-х

годов XVIII века для заседания членов Симбирской масонской ложи. Такой вывод он сделал на основании того, что изваяние, украшающее купол здания, изображало фигуру Иоанна Крестителя – покровителя масонов. Аналогичной версии придерживались и некоторые жители города Симбирска.

Вторая версия связана с тем, что «статуйка» – это часовня, установленная над захоронением одного из членов дворянской семьи Киндяковых, скорее всего, барыни, которая, возможно, была захоронена вместе со своей собачкой.

Много разных легенд «гуляло» среди винновских жителей о том, кто и при каких обстоятельствах похоронен под «статуйкой». Одна из них записана и опубликована в конце XIX века в «Симбирских губернских ведомостях»: «... рассказ старика-пчельника, который в молодости служил на барском дворе ключником; дед и прадед его тоже были при барском дворе, в числе дворовых людей. По словам этого старика, легенда о памятнике-часовне передаёт следующую печальную историю. В начале нынешнего столетия в семействе Киндяковых была дочь-девица, просватанная за офицера конногвардейца,

человека очень богатого. Однажды летом жених с невестой гуляли в роше и, переходя с места на место, вышли на возвышенный холм. Дикое местоположение, тишина и прохлада вечера, прелестный вид на протекающую вдали Волгу – всё это до того восторженно подействовало на девушку, что она сказала своему жениху: «Как здесь хорошо! Если я умру, то завещаю похоронить меня на этом месте!..». Была ли это одна шутка или тайное предчувствие запало в её сердце, но только эти мимолётные, простые слова, сказанные под впечатлением чарующей природы, очень скоро сбылись на самом деле. Невеста внезапно заболела, умерла и похоронена на указанном холме, согласно её желанию. Отпевание происходило в Троицкой церкви г. Симбирска, на Большой Саратовской улице, так как дом Киндяковых исстари принадлежал к приходу той церкви. О причине её смерти рассказывают, что будто её отравила горничная по наущению другого, отверженного ею жениха. Над могилой безвременно погибшей невесты и поставлен памятник-часовня; но судьба преследовала несчастную девушку и после её смерти. По этому

поводу существует такая легенда. Однажды в киндяковском доме у владельца собралось много гостей по случаю семейного праздника. Ночь была тёмная, осенняя; время зашло уже за полночь. Во время разгара вечера человек докладывает барину, что его спрашивает какая-то незнакомая дама по весьма экстренному делу, не желая при этом сказать кто она. Хозяин поспешил к незнакомке и увидел перед собой даму, одетую в белое платье, с лицом, скрытым под густою вуалью. На вопрос, что ей угодно, она ответила, что она его родственница, схороненная в роще, что в эту ночь её вырыли из могилы и ограбили. Сказав это, она мгновенно исчезла, оставив после себя таинственный запах. Такое таинственное явление, конечно, сильно взволновало общество гостей и самого хозяина, так что всё веселье расстроилось. Не зная, чем объяснить это странное явление, хозяин, после разных предположений и догадок, отправился с гостями и прислугой к памятнику, и там они действительно нашли труп девушки, вынутый из могилы и ограбленный. После описанного случая Киндяковы долго не жили в своем загородном доме.

Недалеко от барского дома в Киндяковской роще, между редкими кустарниками, спускающимися вниз по обрыву,

есть одинокая забытая могила – простой дикий камень покрывает её, надпись на камне от времени сгладилась. По рассказам старожилов из крестьян деревни Винновки (Киндяковки), здесь зарыт самоубийца. Вот что гласит легенда. Вскоре после смерти девицы-невесты Киндяковой в одну лунную ночь в роще раздался выстрел. Караульщик отправился по направлению услышанного им выстрела и недалеко от дома наткнулся на труп молодого человека, известного богатого симбирского помещика, первого жениха покойной барышни Киндяковой. После надлежащего полицейского расследования труп самоубийцы был тут же, на месте, предан земле. По народному преданию, это самоубийство имеет связь со смертью девицы-невесты. Наконец, рассказывали ещё, что долгое время после смерти барышни Киндяковой по роще ходила какая-то белая женщина и плакала навзрыд, и будто многие видели, как она сидела на крыльце памятника.

Легенда свидетельствует, что «статуйка» была желанным объектом кладоискателей. Внутри помещения была яма в полу, вырытая в результате поисков клада. По некоторым данным, крестьяне деревни Винновки действительно находили под ней драгоценности.

У жителей города Симбирска «статуйка»

пользовалась большой популярностью, «...первым долгом направлялись к беседке, снимались у неё», многие посетители оставляли на её стенах надписи, самые ранние датировались сороковыми годами XIX века. Текст одной представлял собой цитату из стихотворения В.А. Жуковского «Голос с того света»:

*Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг! Я всё земное совершила;
Я на земле любила и жила!*

Интересно, что В.А. Жуковский 25 июля 1837 года проезжал мимо Винновской рощи и видел «статуйку», о которой записал в дневнике: «Кладбище с часовнею в роще».

Вероятнее всего, И.А. Гончаров также посещал «статуйку», однако этому нет документальных свидетельств. Есть мнение, что она стала прототипом часовни в романе И.А. Гончарова «Обрыв», а на одной симбирской дореволюционной почтовой открытке написано, что именно в этом сооружении он писал свой роман, аналогичного мнения придерживались и ульяновский краевед А.И. Титовский.

Архитектурная и историческая ценность «статуйки» была признана ещё в начале XX века членами Симбирской губернской учёной архивной комиссии. Этот факт подкрепляется тем, что единственная фотография от Симбирской губернии, направленная в г. Санкт-Петербург на выставку художественно-архитектурных фотографий, отображала «статуйку». Кроме того, изображения этого строения неоднократно тиражировались на дореволюционных почтовых открытках.

После бегства последней владелицы Винновской рощи Екатерины Максимилиановны Перси-Френч за границу оставшаяся без хозяйского присмотра «статуйка» начала разрушаться, в 1922 году был разобран один из четырёх портиков, деревянная фигура на куполе практически исчезла. В 1927 году «статуйка» была уже полуразрушена, а в начале 30-х годов XX века – полностью разобрана винновскими мужиками на кирпичи для печей, возможно, некоторые из этих печей сохранились до настоящего времени. По свидетельству очевидцев, когда «статуйку» ломали, она «дымилась» белой пылью – пылью веков и легенд.

Дмитрий Семёнов,
методист

по эколого-краеведческому образованию
Центра детского творчества № 6

Грот в имени М.П. Баратаева,
с. Баратаевка Симбирского уезда.
Здесь проводились
масонские собрания
ложи «Ключ к Добродетели».
Фото конца XIX в.

Благотворительность масонской ложи «Ключ к Добродетели»

Благотворительность – одна из семи добродетелей, которые всякий масон, или Вольный Каменщик, должен был неукоснительно воспитывать в себе. Без исполнения их он «подобно слепцу будет блуждать среди освещающего других света, не пользуясь оного благотворением, и не постигая оного». Это слова из речи, текст которой сохранился в масонском архиве ложи «Ключ к Добродетели» и в настоящее время находится в Государственном архиве Российской Федерации. Её автор – один из чрезвычайно деятельных представителей российского масонства Александровского времени и в то же время симбирский губернский предводитель дворянства князь Михаил Петрович Баратаев (1784–1856), организатор симбирской ложи, возглавлявший её с 1817 по 1822 годы, до времени официального запрещения масонства. Эту речь, посвящённую семи добродетелям, Великий Мастер князь Баратаев произнёс 22 мая 1818 года на заседании так называемой ученической, или поучительной, ложи.

Масонский герб
князя М.П. Баратаева

Обращаясь к братьям с речью, Михаил Петрович просил «вникнуть в четвертую истинно священную обязанность любви к ближнему». «Но что есть любовь сия? – задавал князь вопрос и сам же отвечал на него. – Она есть высшая нравственная способность души и состоит в том расположении к ближнему,

которое выражается действиями, печениями и заботами об усовершеннии участи подобных нам человек. Она заставляет нас не только не делать ничего вредного другому; но и забывать себялюбие и своекорыстие; и побуждает к тем деяниям в пользу ближнего, кои необходимо сопряжены бывают с большим или менее значущими

ущербами для собственного нашего благополучия; следственно: рождает в нас способность к пожертвованию собственными нашими выгодами для счастья ближнего». В свою очередь, эта добродетель открывает путь к пятой обязанности – благотворительности, которая «есть стяжание облегчить участь угнетённого жребием.

Она повелевает нам успокоить страждущего, подать помощь терзаемому недугами, уделить часть избытка своего неимущему».

Для оказания помощи неимущим на каждом заседании ложи производились сборы пожертвований на бедных. По законам Великой ложи «Астреи» (к Союзу её принадлежала симбирская ложа) даже не пришедшие на заседание члены обязаны были прислать подаяние в пользу бедных. Туда же шли денежные штрафы с провинившихся против правил братьев. «Кружка для бедных принесла...» – такой формулировкой заканчиваются практически все имеющиеся в архиве протоколы работ ложи. Обычно собиралось от 30 до 100 рублей и более в зависимости от количества присутствовавших на её заседаниях членов.

Кому же конкретно оказывалась помощь? Например, на заседании, проходившем 13 февраля 1818 года, Великий Мастер князь Баратаев предложил братьям оказать помощь бедному дворянину Романову, не имеющему никакого состояния и вступающему на военную службу в Казанский учебный батальон. Братья изъявили своё согласие, и собранные в этот день 69 руб. 60 коп. были отданы этому молодому дворянину. Видимо, этих денег не хватило, поэтому на заседании 6 мая братья решили дополнительно выдать ему из кассы бедных ещё 200 рублей.

На заседании ученической ложи 29 октября 1818 года было оглашено прошение, доставленное из Казани через Карла Ивановича Якоби: «В 1788 году

на Востоке Ревеля в ложе *Надежды и Невинности* был членом любезный брат Иван Конради. По смерти своей оставил он жену в самом беднейшем положении, питающуюся теперь с помощью чувствительных душ». В подтверждение масонского прошлого И. Конради был приложен его сертификат на принадлежность к ревельской ложе, полученный от «несчастной вдовы Екатерины Конради». Заканчивалось письмо просьбой «помочь ей!». С согласия братьев из суммы благотворительности для просительницы было выделено и передано брату И.К. Якоби 50 рублей.

В 1819 году на заседании ложи рассматривалось письмо, полученное назначаем И.Ф. Лазаревичем от Давида Михайловича Давыдова из Казани, в котором тот просил об оказании помощи «проезжавшим в своё Отечество из Сибири бывшему Сичнахскому Маршалу князю Андронникову и девяти его товарищам Грузинским и Кахетинским Князьям».

Однажды князь Баратаев получил письмо от молодого дворянина Ставропольского уезда Платона Евдокимовича Селифановского, в котором говорилось: «Наслышан будучи, что Ваше Сиятельство наполнены добродушием к пособию бедным. Я, имея желание вступить на службу Его Императорского Величества по армии; но состояние моё от сего удерживает как на обмундировку, равно и отъезда к ближайшему полку. А потому ласкаю себя надеждою, что Ваше Сиятельство не оставит меня без способа на сей предмет вашей расположенности». Откликом на письмо явилось

пособие от ложи в размере 75 руб., выданное ему 21 января 1819 года.

Из этих примеров видно, что география благотворительной помощи симбирской ложи была довольно обширной. Это – Казань, Пенза, Уфа и даже Петербург и Москва. Ведь ложа «Ключ к Добродетели» была широко известна и пользовалась хорошей репутацией далеко за пределами Симбирской губернии.

Протоколы ложи пестрят фамилиями тех, кому была оказана материальная помощь. Так, члены ложи помогли полковнику Копылову, выдав ему 25 руб.; бедному офицеру Сахарову, которому через брата Руднева доставлено 15 руб.; назначено «вспоменение лишённому зрения флота капитану 2 ранга Батурину 100 руб., изувеченному 14 класса Щелкунову 50 руб. и солдатке (фамилия не указана – Е.Б.) для записания сына в школу 10 рублей»; по указанию Наместного Мастера Петра Никифоровича Ивашева «одной бедной роженицы, которая находится в жалком положении», назначено 30 рублей.

Замечательный по своей необычности случай произошёл на заседании ложи 28 января 1819 года, когда в конце собрания слово взял почётный член ложи Пётр Петрович Тургенев (родной брат И.П. Тургенева – основателя в Симбирске в 1784 году масонской ложи «Златой Венец») и поздравил с прошедшим (25 января) днём рождения М.П. Баратаева. Затем братья предложили собранные на этот раз в кассу бедных деньги в размере 54 руб. 40 коп. предоставить в собственное распоряжение

Грамота от Комитета по учёной части Императорского человеколюбивого общества на признание М.П. Баратаева членом-корреспондентом. 22 сентября 1819 года. ГАУО

именинника. Князь Баратаев, выразив «свое восхищение за такое лестное к нему доверие», тем не менее отказался принять этот подарок, а решил добавить его к сумме, собранной для помощи французскому полковнику Фёдору фон Брунни для возвращения на родину. В результате полковнику Брунни были переданы 200 руб.

Кроме материальной помощи взрослым неимущим лицам, большая часть собранных средств расходовалась на то, чтобы дать приличное воспитание и образование детям. Как и в других российских ложах, симбирских масонов очень интересовали вопросы воспитания подрастающего поколения. Но в отличие от них, при симбирской ложе была создана особая структура, получившая название Комитет воспитания. Его создание во многом определялось интересами Управляющего Мастера М.П. Баратаева, который пользовался безграничным уважением среди братьев ложи. Причины образования Комитета воспитания во многом связаны с учреждением в Симбирске Благородного пансиона, о чём ранее мы рассказывали на страницах журнала «Мономах» (№ 1–2013). Для воплощения в жизнь предложения о создании в губернском городе пансиона для детей беднейших дворян М.П. Баратаеву пришлось действовать, используя и масонские средства.

Чтобы приблизить время получения приличного образования детьми бедных родителей, а особенно сиротами, оставшимися вовсе без попечения взрослых, на заседании ложи 25 февраля 1819 года князь Баратаев предложил учредить особый орган, который помог бы реализовать замыслы дворянства. В архиве ложи находится конспект речи Баратаева. Следует особо отметить, что на том заседании (как, впрочем, и на других) наряду с членами ложи присутствовали и посторонние посетители – «профаны», то есть лица, не принадлежавшие к ордену Вольных Каменщиков. Обращаясь к присутствующим, князь Баратаев охарактеризовал их «всегда одушевлёнными священным чувствованием сих добродетелей, всегда находясь в живейшей готовности, по первому мановению, лететь на помощь страждущему человечеству». Далее он напомнил о том искреннем желании «единодушно содействовать посильным денежным пособием доставлению приличного воспитания сыновьям неимущим Дворян Симбирской Губернии», которое было высказано во время столовой ложи, проходившей незадолго до этого, 13 февраля, в имени

Ивана Степановича Кроткова в селе Поливное. «Но дело толикой важности, – продолжал князь Баратаев, – требует прочного основания, и неослабной деятельности. Для сего нужно будет совещательно Собранию составить из среды Братий Воспитательный Комитет» и объявить подписку на сбор «произвольных посильных денежных пожертвований». Замечательно то, что в этот Комитет при ложе могли направлять свои приношения и так называемые «профаны».

Мнение князя Баратаева о создании Комитета воспитания братья ложи приняли единодушно «с истинною радостью».

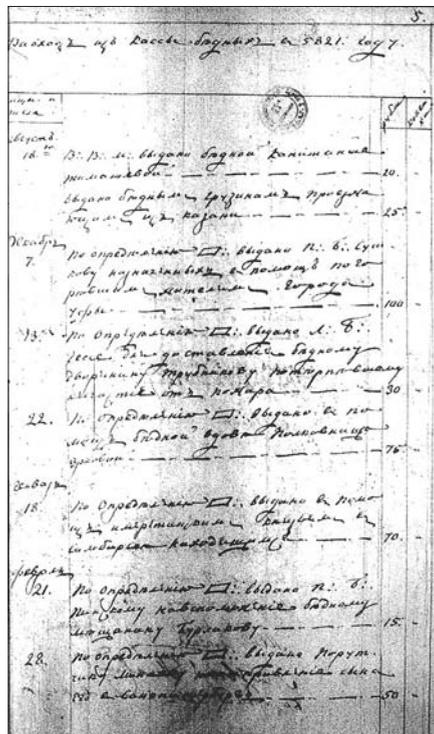
Одним из первых, кто откликнулся на призыв жертвовать на создание пансиона для беднейших дворянских детей, можно считать неизвестного, скрывавшего свою фамилию. Он взял на себя обязательство давать ежегодно по 500 рублей на это богоугодное дело.

Почти одновременно с утверждением Комитета воспитания члены ложи с подачи Баратаева решили ещё до создания пансиона при гимназии отправить несколько детей из бедных дворянских семей для обучения в Казанской гимназии в качестве пансионеров,

назначив для этого сумму до 1400 рублей ежегодно. Следовательно, в Казанской гимназии на средства членов ложи «Ключ к Добродетели» и некоторых её посетителей обучалось четверо детей самых бедных дворян Симбирской губернии с оплатой за каждого пансионера по 400 рублей. Кроме них, в Симбирском уездном училище на пожертвования членов ложи в том же году воспитывались трое детей неимущих дворян. В бумагах архива имеется расписка от 24 декабря 1819 года в получении директором Симбирских училищ Александром Ивановичем Гапоновым от губернского предводителя дворянства Баратаева 600 рублей «на содержание порученных [ему] благородных троих детей и присмотре за оными за полгода».

Князь Баратаев в одной из своих речей с благодарностью отозвался о всех, кто пожертвовал средства на воспитание сирот и детей бедных родителей: «Вашим благодеянием обязаны будут за воспитание и за образование юноши, принятие под эгиду вашей благотворительности. – И добродетельные сердца ваши получают достойную плату в успехах и возвышении тех, которые без помощи вашей пребыли бы отчуждёнными от общества и может быть, вместо истинных сынов отечества, без вас, были бы Оного бесполезными гражданами».

Таким образом, Комитет воспитания при ложе «Ключ к Добродетели» изначально был создан в целях сбора денежных средств, предназначавшихся на обеспечение достойного образования и воспитания в различных учебных заведениях детей беднейших дворян и сирот. А его капитал составлялся из пожертвований как членов ложи «Ключ к Добродетели», так и «благотворительных профанов», то есть не масонов. И всё это свидетельствует о том, насколько близки были взаимоотношения членов масонской ложи с симбирским обществом в целом. Общее участие в делах на благо неимущих соединяло всех: и «профанов», и тех, кто состоял в масонском ордене. Они решали одни и те же задачи: содействовали в оказании помощи детям, сиротам, вдовам, неимущим.

Книга расходов из кассы бедных и приходе суммы, поступившей в кассу от членов ложи «Ключ к Добродетели», с указанием тех, кому была оказана материальная помощь в 1821 году. ГАРФ

Елена Беспалова,

зав. научно-исследовательским отделом музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 12-11-73002

Сейф Каппеля

В журнале «Мономах» № 2–2011 была опубликована статья Ю. Козлова «Лучше поздно, чем никогда», посвящённая Владимиру Каппелю, который во время Гражданской войны возглавлял боевой отряд Добровольческой армии. Рассказывая об отступлении белогвардейцев, автор статьи упоминает о боях в районе станции Бряндино, когда Каппель едва не попал в плен. В фондах Димитровградского краеведческого музея хранятся воспоминания одного из офицеров Добровольческой армии, проливающие свет на трагические события, происходившие в заволжских лесах осенью 1918 года, а главное, напоминают нам о сейфе, закопанном около Старого Ерёмкина: уникальные документы почти целый век ждут своих исследователей.

Владимир
Оскарлович
Каппель

После поражения под Симбирском белогвардейцы были отброшены на левый берег Волги и, ожесточённо сопротивляясь, стали отступать по направлению к Мелекесу. В районе станции Бряндино к ним присоединились отряды, отступавшие от Казани. Вот как описывает эти события штаб-ротмистр В.П. Самойлов, служивший в охране Каппеля.

«На станции стекаются разбитые части. Первые прибыли остатки первого Белочешского полка и первого Самарского полка. К полудню появились отдельные группы от 5-го Сызранского полка и 9-го Ставропольского полка. Многие были без оружия. Утром наш дозор подстрелил конного разведчика красных. От него узнали, что в нашу сторону от Старой Майны движется кавалерийская бригада из наёмников-иностранцев под началом поляка Боревича, посланная самим Троцким с особым заданием: окружить и уничтожить нас, а В.О. Каппеля взять живым в плен. Было решено задержать красных на станции насколько возможно, чтобы дать возможность нашим частям, отступившим из-под Казани, выйти к железной дороге. Наша группа отступила раньше, так как мы шли на помощь осаждённому Симбирскому гарнизону, но опоздали. Между тем времени на всё оставалось мало. Дело осложнилось тем, что наш единственный бронепоезд был захвачен 26 сентября красными у станции Чердаклы. И со стороны ж/дороги мы были не прикрыты. Это давало возможность красным подойти к нам с трёх сторон, с двух флангов и в центре по ж/дороге. 27-го вечером они вплотную подступили к станции».

В такой сложной обстановке белогвардейцы разделились. Основная часть группировки, отражая атаки красноармейцев, двинулась вдоль железной

дороги к Мелекесу, а небольшой отряд (около 50-ти человек), охранявший Каппеля и его штаб, скрытно пошёл лесными тропами в сторону деревни Ерёмкино (ныне село Старое Ерёмкино). Это было сделано для того, чтобы любым способом сохранить самого Каппеля, который, обладая огромным авторитетом, мог бы в дальнейшем вновь собрать разрозненные силы белых в боеспособную армию и продолжить борьбу с большевиками.

Подойдя к деревне, отступавшие белогвардейцы встретились с местными жителями и узнали, что в окрестностях действуют несколько конных разъездов красных. Чтобы не быть обнаруженным, отряду пришлось отойти в глубину леса и затаиться в глухом овраге. Самого Каппеля, по предложению крестьян, решили спрятать отдельно. Опытные мужики, сочувствующие белому движению, нашли для него весьма необычное убежище. В верхних ветвях огромного дуба, росшего недалеко от деревни, был сделан дощатый настил, на который по лестнице поднялся Каппель. Красные несколько раз проезжали мимо, но не заметили затаившегося полковника. Эти события происходили 28 сентября. Весь день белогвардейцы оставались в овраге, а поздно ночью к ним вернулся Каппель. За оказанную помощь ерёмкинским мужикам подарили винтовки и патроны. Дружески простившись с ними, каппелевцы ранним осенним утром продолжили свой опасный поход. Лошадей в отряде уже не было, поэтому перед отходом в лесном овраге пришлось закопать, как пишет Самойлов, «тяжёлый железный ящик со штабными документами».

Преследование отступавшего противника началось только через три дня. В начале октября 5-й отдельный Курский полк, входивший в состав

Железной дивизии, получил приказ двигаться от станции Бряндино в сторону Ерыклинска. Необходимо было выбить белогвардейцев из окрестных сёл, в одном из которых мог, как предполагали красные, скрываться отряд Каппеля. 2 октября красноармейцы походным маршем вышли к деревне Ерёмкино, а на следующий день с боем заняли не существующую ныне деревню Степановку. О проходивших в этом районе жестоких сражениях свидетельствуют многочисленные находки отстрелянных гильз. 4 октября Курский полк приблизился к Ерыклинску и уничтожил засевших там белогвардейцев. Между тем отряд Каппеля двигался совсем в другом направлении и, пройдя глухими лесами, 29 октября вышел к Мелекесу, соединившись с основной группировкой. Пробыв здесь одну неделю, белогвардейцы без боя покинули город. Отступая, они взорвали железнодорожный мост через Черемшан. Один из мостовых пролётов упал на правом берегу и серьёзно не пострадал, у другого, расположенного над рекой, был подорван нижний пояс конструкции. В дальнейшем все повреждения были устранены, и движение по мосту вскоре возобновилось. Также не удалось уничтожить деревянный мост для гужевого транспорта. Чтобы его разрушить, на помост положили и подожгли два стога сена, привезённых из ближайшей деревни. Однако в глубине сено было ещё сырым, и это спасло переправу.

А где же «железный ящик со штабными документами», который был закопан в лесу? О нём нет никакой достоверной информации. Возможно, он всё ещё лежит в глухом лесном овраге, в окрестностях Старого Ерёмкина.

Феликс Касимов,
г. Димитровград

Пушкин и Симбирск

В сентябре 2013 года завершился областной краеведческий конкурс «Пушкин и Симбирск», объявленный редакцией журнала «Мономах» и литературным музеем «Дом Языковых», посвящённый 180-летию приезда А.С. Пушкина в Симбирскую губернию. На конкурс поступили заявки из многих районов Ульяновской области. Жюри подвело итоги, и 24 сентября в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова состоялся праздник, на который съехались лауреаты и дипломанты конкурса. Ребята посмотрели документальный фильм, подготовленный литературным музеем «Дом Языковых» и посвящённый пребыванию в 1833 году А.С. Пушкина в Симбирске и в губернии, послушали замечательный концерт классической музыки и получили заслуженные награды за участие в краеведческом конкурсе.

Фото Сергея Ойкина

Лауреаты и дипломанты областного конкурса «Пушкин и Симбирск»

В номинации «Край прелестный»

Лауреаты

Инжуватова Людмила, МОУ Славкинская СОШ, Николаевский район
Мартынов Денис, МБУ «Многопрофильный лицей», г. Димитровград
Нарышкина Кристина, МОУ СОШ с. Астрадамовка, Сурский район

Дипломанты:

Акимова Полина, МОУ Канадейская СОШ, Николаевский район
Гогиева Хяда, МБОУ Карсунская СОШ
Егорова Алсу, МОУ Выровская СОШ, Майнский район
Егорова Ангелина, МОУ Выровская СОШ, Майнский район
Застылова Надежда, МКОУ Базарносызганская СОШ № 2
Зинчевский Демид, СКО «Школа-интернат № 2», г. Ульяновск
Красильников Никита, МКОУ Большепоселковская ООШ, Карсунский район
Лаптева Дарья, литературный клуб «Живой родник», р.п. Павловка
Логинова Александра, Павловская СОШ № 1, р.п. Павловка
Мадифурова Лилия, литературный клуб «Живой родник», р.п. Павловка
Мошина Анастасия, МКОУ Большепоселковская ООШ, Карсунский район
Тымбур Галина, МКОУ Большепоселковская ООШ, Карсунский район

В номинации «Мечта о будущем Языковской усадьбы»

Лауреаты:

Татьяна Большакова, гимназия № 1, г. Ульяновск
Иевлева Анастасия, г. Ульяновск
Кузнецова Валерия, МБОУ Карсунская СОШ, р.п. Карсун

В номинации «Родня по вдохновению»

Лауреаты:

Антипова Каролина, МБОУ СОШ № 28, г. Ульяновск
Валеева Регина, МКОУ ДОД «Языковская ДШИ»
Преснякова Татьяна, МБОУ Карсунская СОШ, р.п. Карсун

Дипломанты

Васюкова Анна, СКО «Школа-интернат № 2», г. Ульяновск
Красильников Никита, МКОУ Большепоселковская ООШ, Карсунский район
Лямаев Николай, СКО «Школа-интернат № 2», г. Ульяновск
Низовцева Светлана, СКО «Школа-интернат № 2», г. Ульяновск
Сайбулина Ирина, СКО «Школа-интернат № 2», г. Ульяновск

Предлагаем читателям отрывки из работ победителей конкурса.

**«Верстовой столб»
на берегу Трёхсосенского пруда**

В сентябре 2013 года исполняется 180 лет путешествию великого русского поэта А.С. Пушкина в Оренбургский край для сбора материалов об истории Пугачёвского бунта. Маршрут его путешествия проходил по тем местам, которые были связаны с Е.И. Пугачёвым и его соратниками, а значит, и через Симбирск, в котором дважды видели Пугачёва.

Симбирск привлекал А.С. Пушкина не только темой путешествия, но и родственными связями супруги Натальи Николаевны Гончаровой с губернатором Симбирской губернии А.М. Загряжским. Город Симбирск является родиной друга А.С. Пушкина – русского поэта Николая Михайловича Языкова. В Симбирской губернии в селе Языково находилось родовое дворянское гнездо братьев Языковых.

Географически город Димитровград-Мелекесс далёк от пушкинских мест, связанных с жизнью и творчеством поэта, но это один из многих населённых пунктов, через которые осенью 1833 года проехал Александр Сергеевич во время своего путешествия в Оренбургский край. Не в каждом из этих населённых пунктов установлен памятник, напоминающий жителям о таком важном историческом событии, а в Димитровграде такой памятный знак есть.

В 2002 году глава города Сергей Иванович Морозов (сегодня он – губернатор Ульяновской области) и городская дума Димитровграда приняли решение установить памятный знак, напоминающий об этом путешествии поэта. Памятный знак установлен на берегу Трёхсосенского пруда в исторической части города Димитровграда-Мелекесса. Это полосатый чёрно-белый верстовой столб, стилизованный под XIX век. Сверху на столбе установлен керосиновый фонарь, под которым сделана надпись «До города Самары 157 верст». У подножия верстового столба – мемориальная доска с надписью: «Установлен в память о том, что в сентябре 1833 года через Мелекесс проезжал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, следовавший из Москвы в Оренбург для сбора материала о крестьянском восстании под предводительством Пугачёва».

Место для установки памятного знака было выбрано не случайно. Памятный знак «Верстовой столб» находится вблизи главной улицы – Куйбышева. До 1935 года улица называлась Старозаводская, в память о старейшем в Поволжье Мелекесском казённом винокуренном заводе. Она образовалась в конце XVIII века и была частью почтового этапного тракта, соединявшего города Казань и Оренбург. Тракт назывался Оренбургский и был продолжением Московского тракта. Он проходил по левому берегу Волги через Чердаклы, Бряндино, Русский Мелекесс и Мелекесский завод, через Новую Майну и Мусорку и был почтовым, торговым и этапным. По преданиям, А.С. Пушкин останавливался в селе Мусорка на ночлег в одном из домов в мордовской части села.

Сегодня символом Димитровграда-Мелекесса, его городским гербом являются «Три сосны». На самой старой из известных карт поселения Мелекесский завод, составленной в 1801 году, отмечены три огромные сосны, которые росли на берегу Верхнего Трёхсосенского пруда. Видимо, они были так велики и красивы, что составитель плана Мелекесского заводского поселения специально их отметил. Они росли в то время на берегу Верхнего пруда. Отсюда появилось второе название пруда – Трёхсосенский, сохранившееся до наших дней. Думаю, что по своей красоте, величию и размерам эти три сосны не уступали пушкинской ели, что растёт в селе Языково Симбирского-Ульяновского края.

До наших дней эти три сосны не дожили, они были значительно старше пушкинской ели, но навсегда сохранились в гербе нашего города, в названии пруда, на берегу которого установлен Пушкинский памятный знак.

Сегодня город Мелекесс-Димитровград, как и 180 лет назад, плотным кольцом окружён хвойным и смешанным лесом. Украшают его сосны, ели, берёзы, липы, дубы. Под любой городской елью или сосной мы можем удобно устроиться, чтобы поразмышлять и нарисовать в своём воображении картины прошлого, представить, как А.С. Пушкин на почтовой тройке проезжал через Мелекесс, что он видел перед собой.

Как выглядел в то далёкое время Мелекесс, обратил ли на него внимание поэт? В записях А.С. Пушкина упоминаний о Мелекессе нет, как нет и стихотворных строк, посвящённых путешествию, за исключением следующих:

Верстовой столб, установленный в Димитровграде в 2002 году

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б, – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал.*

В рукописи помечено: «1833, дорога, сентябрь». Размышления об истории Мелекесса и путешествии А.С. Пушкина возвращают нас на берега речки Мелекески. По её левому берегу в конце XVIII века проходила почтовая дорога, по которой Александр Сергеевич ехал через поселение Мелекесский завод, через село Мусорка, мимо Самары в Оренбургский край. Проезжая через Мелекесс в сентябре 1833 года, Пушкин видел справа от дороги мелекесские пруды, плотины на речке Мелекеске, водяные мельницы и винокуренные заводы при них. Производственные помещения винокуренных заводов находились на правом берегу речки.

По левую сторону от тракта Пушкин видел на левом берегу Мелекески заводской посёлок и первые его улицы, базарную площадь. В посёлке проживало около 3000 человек. Вокруг посёлка стоял густой смешанный лес. Протяжённость реки была невелика, всего 15 километров. Вода в ней была кристальной чистоты – речку питали подземные ключи.

На карте Российской империи наш будущий город можно было найти под названием селение Мелекесский завод.

В четырёх местах речка Мелекеска была перегорожена плотинами, на которых работали четыре водяные мельницы. Построены они были симбирскими купцами в середине XVIII века. При каждой водяной мельнице работали винокуренные заводы. Их также было четыре. К началу Пугачёвского бунта частные купеческие винокуренные заводы были переданы в государственную собственность. В 1767 году они подчинялись министерству финансов. В структуру входили четыре завода: «Нижний», стоящий на Нижнем пруду, «Главный» на Среднем пруду, а также «Новый» на Трёхсосенском пруду и «Верхний» Масленниковский. Последний находился в пяти километрах от Мелекесса, в верховьях речки Мелекески. При каждом заводе были водяные мельницы, амбары, ветряки, пакгаузы, была общая солодовня, кузница, винный склад. При Мелекесском заводе имелась воинская команда численностью 50 человек, на всех дорогах, ведущих к заводскому поселению, стояли караульные заставы.

Каждый раз, когда я проезжаю или прохожу мимо памятного знака «Вер-

стовой столб» на берегу Верхнего Трёхсосенского пруда Центрального района нашего города, я невольно возвращаюсь к мысли о том, что, поэт, проделавший огромный путь по российским почтовым трактам первой половины XIX века, совершил гражданский подвиг. И это не громкие слова. Во-первых, он собрал уникальный исторический материал от очевидцев событий, в то время уже весьма преклонного возраста; во-вторых, он своими глазами увидел те места, где проходили драматические события крестьянской войны, и отразил свои впечатления в историческом труде; в-третьих, путешествие его было опасным, и поэт рисковал своей жизнью и здоровьем.

В своих разговорах с друзьями Пушкин поминал «о голодной тоске, когда путник вынужден соблюдать пост, о возможной смерти в пути от чумы, мороза, злодейского ножа и другой напасти». Однажды он написал дорожные жалобы: «Долго ль мне гулять на свете/ То в коляске, то верхом,/ То в кибитке, то в карете,/ То в телеге, то пешком». И всё же поэт любил путешествовать, несмотря на дорожные трудности.

Пушкин был чиновником 10-го класса. По «Правилам для проезжающих

на почтах», изданным по Высочайшему повелению 6 июня 1808 года, он мог рассчитывать на трёх лошадей. В тот сухой сентябрь 1833 года мимо коляски, в которой ехал Пушкин, мелькали полосатые верстовые столбы, шлагбаумы и будки с солдатами инвалидных команд при въезде в города, гремели под колёсами деревянные настилы мостов. «Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади», – писал Н.В. Гоголь, спустя 3-4 года после того пушкинского путешествия.

В пути Пушкина сопровождал слуга Гаврила. Он худо исполнял свои обязанности, врал, поворовывал провизию, за что Пушкин оставил его посреди дороги идти пешком и укатил в своей коляске. Гаврила догонял Пушкина с попутными экипажами.

Несмотря на все тяготы путешествия, Пушкин совершил далёкий путь из Петербурга в Оренбург и благополучно вернулся домой. 1 октября он приехал в Болдино и взялся за написание исторического труда, после чего была издана «История Пугачёвского бунта». Сегодня у нас есть возможность познакомиться с историческим трудом великого поэта и оценить его гражданский подвиг.

Фото Сергея Ойкина

7 июня 1880 года на пушкинских торжествах русский драматург А.Н. Островский сказал: «Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть». А это значит, что все мы и сегодня умнеем от того, что читаем бессмертные произведения Александра Пушкина.

Памятный знак «Верстовой столб» на берегу Трёхсосенского пруда рядом с бывшим почтовым Оренбургским трактом является для нас постоянным напоминанием об А.С. Пушкине, о его путешествии в Оренбургский край, о его гражданском и писательском подвиге. Памятный знак наполняет душу гордостью за то, что наш географически далёкий от пушкинских мест город всё-таки имеет отношение к Поэту и Человеку.

Денис Мартьянов,
МБУ «Многопрофильный лицей»,
г. Димитровград

Размышления под пушкинской елью

Родной край... Какой чудесный смысл заложен в этих словах! Это крохотный уголок земного шара, но очень близкий и дорогой человеческому сердцу. Нежно и преданно я люблю свой чудесный край. Мне хочется знать его настоящее и будущее, его прошлое – многообразное, трудное, героическое. Мы уже никак не можем повлиять на прошлое, но будущее стоит за нами. И тем важнее быть подлинным знатоком истории, культуры родного края.

Мне очень хотелось узнать, какую роль сыграл Симбирск в литературной судьбе А.С. Пушкина, как повлияла поездка по местам Пугачёвского восстания на творчество поэта.

Приезд Пушкина явился крупным событием в культурной жизни края. Жива память о Пушкине в народе: это пушкинская ель в Языкове, сказы о пребывании поэта в Сенгилее. И он сам, и его современники, и история Симбирска ярче встают передо мной, когда я вижу пушкинскую ель, которую бережно хранили для нас предки и современники. Памятники истории и культуры – это живой источник нравственности, к которому мы припадаем в любом возрасте.

Я живу в селе Канадей, привольно раскинувшись среди лесов, по берегам двух рек: Сызранки и Канадейки. Все мои предки – сельчане. И прадеды,

и деды жили в деревне. Я и мои родители тоже очень любим своё село. В центре села – моя любимая школа под сенью берёз и рябин, которые сажали ребята. Я горжусь историей моего села, людьми, которые здесь живут. Всё мне здесь мило.

С древних времён Поволжье, в том числе и наш край, – страна зодчих, художников, людей неутомимого творческого труда. Это они около 400 лет тому назад воздвигли на нашей земле Канадейской сторожевую башню. Нелёгкая историческая судьба досталась Канадею. Это был город-воин, вставший, как крепость, на пути завоевателя. Вся башня – как драгоценный камень в огранке. Она имеет три яруса, и каждый – со своим фасонам. Первый ярус – по периметру квадрат со стороной 8,5 метра, высота стен – шесть метров. Второй ярус – восьмиугольная правильная призма высотой около четырёх метров. Верхний ярус – многогранная пирамида около десяти метров высотой. Ни одного более древнего сооружения на территории Ульяновской области нет! Я очень горжусь, что в моём родном Канадее есть такой памятник истории!

Но башня катастрофически разрушается. Урон приносит ей северные ветра и дожди. Но она стоит, как и подбаивает верному присяге солдату, напоминая нам, потомкам российского воинства, что Родине служить нужно. В этом и заключается простое чудо памятника. А упадёт – что с нашей памятью станет? И мы должны делать всё возможное, чтобы память жила, земля наша процветала.

Полина Акимова,
МОУ Канадейская СОШ,
Николаевский район

Живая история

В России много мест, где жили и создавали свои шедевры поэты и писатели нашей родины. Одно из таких мест – имение Языковых, которое находится в посёлке Языково Карсунского района Ульяновской области.

Имение было известно как «прибежище поэзии». К поэту Николаю Языкову и его братьям Петру и Александру приезжали поэт Денис Давыдов, собиратель народных песен Пётр Киреевский, поэт Александр Хомяков, декабрист Василий Петрович Ивашев и многие другие. Именно в этом доме

Фото Сергея Ойкина

дважды побывал Александр Сергеевич Пушкин. В первый раз проездом в Оренбург 11 сентября 1833 года. Второй раз Александр Сергеевич был в имении 29 сентября, возвращаясь из Оренбурга в Болдино.

Сегодня Языково – памятник культуры и литературы. Мне кажется, что каждый камушек, каждая книга в усадьбе видела Языкова и Пушкина, слышала их голоса и стихи. И теперь вещи, оставшиеся после них, безмолвно напоминают нам об их жизни, раскрывают их секреты, словно прося хранить память о талантливых русских поэтах.

В селе сохранился старинный парк с заросшими аллеями. Гуляя по парку, я много раз пыталась оживить историю в своём воображении, представить, как по этим аллеям гулял А.С. Пушкин, как рождались будущие образы «Капитанской дочки».

Я бываю в этом селе во время ежегодных языковских праздников. Здесь, как и в старые времена, звучит музыка духового оркестра, которая передаёт дух прошедших эпох. В 1993 году в одной из деревянных хозяйственных построек, оставшихся от усадьбы, был открыт музей «Усадьба Языковых».

С радостью я узнала, что в 2003 году на территории усадьбы были отреставрированы некрополь представителей рода Языковых, подпорная стена, фонтан парка Языковых, кирпичной кладкой обозначен фундамент господского дома. Также была произведена очистка всех парковых прудов,

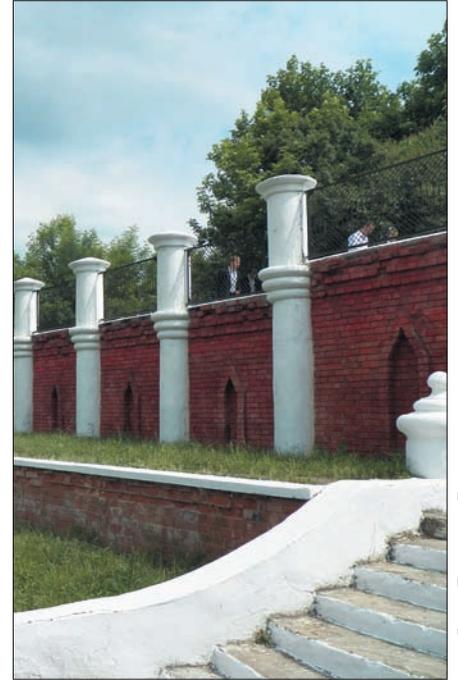

Фото Василия Янушевского

санитарная вырубка старых деревьев и посадка молодняка. Но, конечно, это не всё, что можно сделать в усадьбе.

Лицом каждой усадьбы является дом, где жили его хозяева, куда приезжали их знаменитые гости. В доме Языкова была особая комната, где жил Пушкин. Как бы хотелось, чтобы она была восстановлена!

Среди нас найдутся и любители природы, которых не оставит равнодушными парк, его пруды, беседки и фонтаны, а также главная достопримечательность парка – пушкинская ель. Ради этого можно приехать в усадьбу, чтобы насмотреться на удивительную природу. Всё это стоит сберечь для следующих поколений. Я мечтаю о том, чтобы в селе Языково было восстановлено всё, что связано с именами выдающихся русских поэтов, чтобы и сегодня это красивое село стало приютом муз и вдохновения, чтобы всегда звучала прекрасная музыка, рождая поэтические образы.

Я буду счастлива, если смогу что-то сделать для этого.

Татьяна Большакова,
МБОУ Гимназия № 1,
г. Ульяновск

Мечты о будущем усадьбы

Языково – небольшой населённый пункт, которого нет даже на самой большой карте России. Но для нашего

Карсунского района – это центр культуры и искусства, магнит, притягивающий талантливых и ярких людей своего времени.

Ежегодно в начале июня я приезжаю сюда с родителями, а теперь и с младшим братом, на музыкально-поэтические праздники. Я брожу по аллеям старинного парка, люблю удивительным фонтаном, слушаю стихи рядом с пушкинской елью, спускаюсь к мостику на остров посреди пруда. Устав, присаживаюсь отдохнуть на красивые скамейки под раскидистыми кустами сирени. Здесь невозможно заблудиться, кажется, что ты здесь прожил всю жизнь. Все приветливы и здороваются, словно старые знакомые. Улыбнувшись кому-то, ты обязательно получишь в ответ улыбку.

Парком усадьбы Языковых можно замороженно любоваться часами. Наверное, ни один истинный художник не сможет пройти мимо такой красоты! Даже у меня, не художника, возникает желание взять кисть в руки, холст и начать творить. Но, к сожалению, в руках лишь фотоаппарат – веяние нашего времени.

Со сцены читают стихи, на дорожках аллеи разместились художники, и я понимаю, это – благодатная земля, на которой нельзя не творить. Здесь забываешь о повседневности, не нужен телевизор, компьютер, а можно смотреть вдаль, наслаждаясь тишиной, покоем, чувствуя умиротворение. Этим чувством хочется поделиться со всеми, хочется, чтобы и другие знали,

что есть такой уголок в России, где можно остановиться, услышать самого себя в нашем вечно спешащем мире.

Идёшь по аллее, и кажется, что вот-вот появятся дамы в шляпках и галантные кавалеры. Так и есть: вот прекрасная дама угощает всех виноградом. А вот по дорожке неспешно идёт сам А.С. Пушкин. Остановился, задумался. Может быть, в его голове родились строчки новых стихов? Как знать... Вот к парку подъехала бричка – из неё неожиданно выскочила ватага ребятишек. Ах, да, ведь сейчас 2013 год!

Жаль, что об этом удивительном месте вспоминают в дни празднеств, иногда приезжают молодожёны для выездной регистрации или просто пофотографироваться.

Я тоже представляю свою свадьбу именно здесь: в белом воздушном платье с зонтиком в руках, а вокруг – беседки, фонтан, скамейки, раскидистые деревья, пруд...

Мне хочется приехать сюда лет через 15-20 уже со своими детьми и увидеть обновлённый парк. Усадьбу 1827 года, воссозданную по сохранившимся фотографиям и проекту, стилизованные под XIX век скамейки вдоль тропинок, красивые беседки в глубине парка.

Я поведу своих ребятишек к прудам. Мы будем смотреть, как плещутся рыбки в чистой воде. Через резные мостики пройдем к маленькому островку в середине пруда. Там должна быть беседка, откуда в окружении водной глади можно вечером

посмотреть на звёзды и помечтать. Обязательно должен быть оборудован лодочный причал. Помню, маленькую, в дни пушкинского праздника меня и других детей катали на лодках. Незабываемые ощущения!

Было бы замечательно восстановить бывший конный завод семьи Языковых по разведению рысистых лошадей. К сожалению, дети всё чаще лошадей видят на картинках школьного учебника, а не в жизни. Как важно ощутить единение с живой природой, потрепать лошадь за гриву, погладить по холке, проехать верхом. Почему бы не создать здесь юношескую конную школу, возрождая традиции верховой езды?

Был здесь когда-то на территории парка и храм. Люди шли к Богу, верили, а значит, были чище, мудрее, терпимее. Хотелось бы, чтобы колокольный звон вновь разносился в Языкове на всю округу, собирая на службу. Чтобы люди думали не только о хлебе насущном, но и о ближних своих: почитали старших, дружили с соседями; помнили о заповедях Божьих.

Богата талантами Карсунская земля! Сколько и сегодня художников и поэтов творит на этой земле. Мне хотелось бы, чтобы для продолжения традиций на Языковской земле была открыта школа искусств, где одарённые дети могли раскрыть свой талант в области искусства, литературы, театра.

Приезжая на праздники в Языково, с интересом смотрю на театрализованные представления с участием А.С. Пушкина, Н.М. Языкова и других героев, погружаюсь в реалистичные картины быта прошлого. Было бы замечательно иметь здесь детскую театральную студию.

Прошлое и настоящее усадьбы я представила в виде фотографий из семейного альбома. Усадьба меняется: пруды стали чище, скамеек больше, упавшие деревья убрали, разбили цветники, изменился облик парка. И всё это – трудами жителей, волонтеров и, несомненно, неравнодушных представителей власти. Хочется верить, что это только начало, и у Языковской усадьбы будет светлое будущее. Ведь возрождая, преображая что-то, мы оставляем добрый след на этой земле. А мы, молодёжь, обязательно поможем и поддержим все хорошие начинания!

Валерия Кузнецова,
МБОУ Карсунская СОШ

Татьяна Преснякова, МБОУ Карсунская СОШ

Регина Валева, МКОУ ДОД «Языковская ДШИ»

Каролина Антипова, МБОУ СОШ № 28, г. Ульяновск

Писал – как дышал

Давно уже нет на свете Олега Вячеславовича Рождественского, а в Ульяновский краеведческий музей всё ещё приходят уже немолодые люди и заводят речь о нём, о его незабываемых, на всю жизнь запавших в душу экскурсиях, о талантливо написанных им газетных миниатюрах из цикла «Заметки натуралиста».

Рождественский родился 13 января 1915 года в Симбирске в семье педагогов. До революции его отец преподавал литературу и русскую словесность в симбирских женских гимназиях. А после революции и до своей смерти в 1922 году служил в аппарате Губернского народного образования и попутно давал уроки во 2-й опытно-показательной школе. Мама Олега Вячеславовича, тоже педагог по образованию, с рождением сына стала домохозяйкой, но после ухода мужа из жизни вернулась к работе. В детстве Олег Вячеславович много болел,

оставался один дома, и книги были его лучшими друзьями.

В 1931 году он окончил восемь классов и поступил на энтомологическое отделение сельскохозяйственного техникума, который размещался в здании бывшего интерната при чувашском училище. Прочувшись в нём четыре года и ещё год на подготовительных курсах при педагогическом техникуме, он в 1937 году сдал экзамены в Ульяновский педагогический институт. Но окончить его не успел. За месяц до начала Великой Отечественной войны у него умерла мама, и он вынужден был,

О.В. Рождественский. 1967

оставив учёбу, поступить на работу в краеведческий музей научным сотрудником отдела природы.

Выбор места работы не был случайным. Ещё во время учёбы в сельскохозяйственном техникуме он в летние каникулы подрабатывал экскурсоводом в музее, куда был рекомендован преподавателем и руководителем краеведческого кружка Владимиром Ивановичем Апраксиным.

С организацией в Ульяновске в 1932 году педагогического института сюда приехало много научных работников из разных городов. Заведовать кафедрой зоологии был приглашён Г.Г. Штехер из Башкирского университета. Он, разумеется, совершенно не знал местности, и Апраксин посоветовал ему отправиться на изучение биоценозов в компании любознательного подростка. «В этой роли гида-биолога я и «проработал» до Великой Отечественной войны, – писал в автобиографии Олег Вячеславович, – мы ходили с ним еженедельно в воскресенье по окрестностям города. Он досконально знал природу средней полосы, и наши совместные экскурсии и выходы на охоту дали мне исключительно много – это были мои университеты в самом буквальном смысле слова. Я получил от него громадные знания и к тому же обзавёлся его богатой библиотекой, всё это и заменило мне институтское образование. Значительную часть своей библиотеки он передал мне безвозмездно в 1942 году, когда с семьёй выехал в Уфу».

После отъезда любимого преподавателя Олег Вячеславович отправлялся на экскурсии по ульяновским садам

Сотрудники краеведческого музея (второй слева – Олег Рождественский). 1938

и паркам, окружающим город лесам, озёрам и болотистым лугам один или вместе с группой школьников, для которых теперь уже он был Царь и Бог. Неутомимый исследователь родной природы, он делился с ребятами всем, что узнал сам.

Будучи ещё студентом Ульяновского педагогического института, по совету всё того же Апраксина Олег Вячеславович попробовал поделиться своими впечатлениями от общения с природой со страниц ульяновской газеты «Пролетарский путь». В марте и апреле 1936 года появились его первые заметки «В Винновской роще» и «Весна в лесу». Но прошло ещё двадцать лет, прежде чем окреп его литературный талант, подпитанный личными наблюдениями.

В 1960-е годы его заметки натуралиста в местной газете печатались почти в каждом номере, их ждали читатели, и неудивительно. Он писал как дышал. Легко, изящно, свободно, почти с кинематографической образностью. Каждая его миниатюра дышит неподдельной любовью к природе, её тайнам. Даже несколько небольших отрывков из них позволяют увидеть всю красоту и наблюдательность неутомимого натуралиста.

«Время «белых ночей»

«Отцветает сирень у меня под окном, осыпаются кисти душистые... Вот и лето прошло! Время полного отцветания сирени считается у фенологов началом лета. Это поистине время «белых ночей», когда зорька сходится с зарёй, – нет совсем и ночи!...» (Ульяновская правда. 2.06.1963).

«В болотной тишине»

«...Есть, конечно, много мест гораздо красивее, но нет более интимных, чем те уголки озёр, прудов, рек и речек, что поросли камышом, тростником и рогозами, и таят внутри густых зарослей то снежно-белые цветы кувшинок, то золотисто-жёлтые – кубышек, звёздочки водокрасов или лютиков, или просто зелёный бисер рясок...» (Ульяновская правда. 7.08.1960).

«В Заволжском парке»

«В воскресный день лучше встать пораньше и в парк приехать первым катером или первым автобусом. Тогда вы застанете летнее утро... Невозмутим неподвижный воздух среди зелёных красавиц сосен. Ни одна ветка не шелохнётся, не качнётся... Но что это? Тяжёлый топот... Лося! Огромный

О.В. Рождественский ведёт экскурсию для цементников Новоульяновска. 1968

старый самец со своими широкими зубчатыми рогами, а с ним четверо молодых... И лесам нравится новый заволжский парк!». (Ульяновская правда. 21.08.1960).

«Певец старого бора»

«Кончается март – первый весенний месяц, но погода пока нас не балует. Ночью мороз настойчиво напоминает нам, что старуха-зима отчаянно борется с весной. И всё-таки: «как бы март не хмурился – всё весной пахнет!».

Это станет особенно понятно, если мы не поленившись встанем задолго до рассвета и отправимся в самую глушь старого соснового бора с величественными колоннами столетних сосен. Там сейчас разгорается глухариный ток...

Токуют глухари всегда на деревьях, прилетая к «токовищам» ещё с вечера. Токовать глухари начинают под утро, задолго до рассвета. В ночной тиши доносится отдалённое тихое стрекотание, немного напоминающее заглушённое стрекотание сороки. Охотники говорят, что глухарь щёлкает и «скиркает» или «точит». Он «поёт», вытянув шею и закинув вверх голову. Щёлканье обычно продолжается несколько секунд, а точнее, всего 2-3 секунды, и повторяется много раз. В это время пернатый исполин совершенно глхнет – отсюда и его название...» (Ульяновская правда. 23.03.1963).

«Леший»

«Вечереет... Длинные синие тени лежат на мартовском насте, и оранжевый диск солнца медленно опускается за горизонт – сразу становится холодно, колючий северный ветер заставляет поднять воротник. Март на исходе,

а в лесу ещё зима-зимой... Тихо, тихо, но вот «заплакала» ушастая сова, задрезжал сыч, а где-то в лесной глуши кто-то завопил диким голосом, захохотал безумным смехом. Эхо разносит этот безумный хохот по всему лесу. И невольно начинает казаться, что весь лес населён какими-то отвратительными чудовищами, которые прячутся в ночной тьме и хохочут на все голоса. Страшно!...» (Ульяновская правда. 30.03.1963).

Сколько таких «Заметок натуралиста» написано – не счесть. Сам Олег Вячеславович в автобиографии, написанной в конце 1970-х годов, упоминает: «К настоящему времени опубликовано около 400 моих заметок, и много заметок прошло по радио, где я бессменно веду фенологическую страничку в радиожурнале «Родная природа», со дня его основания и по сей день. Одно время несколько лет подряд я активно сотрудничал с телевидением, где и сейчас даю 6-8 заметок о природе в год».

В 1976 году газетные миниатюры Олега Вячеславовича Рождественского Приволжское книжное издательство запланировало издать отдельной книгой, назвав её «Лесные узоры». К сожалению, по многим причинам книга автором не была подготовлена. А жаль!

Жизнь каждого человека неповторима, но не каждому удаётся занять своё место в людской памяти. Олегу Вячеславовичу Рождественскому это удалось.

Татьяна Громова,

старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея

Каменные свидетели древней жизни

Окаменевшие брюхоногие моллюски в песчанике из отложений палеогена. Павловский район Ульяновской области

На первый взгляд кажется, что в природе нашего края нет ничего примечательного. Однако если приглядеться, среди песков, глин, мела и песчаников можно обнаружить множество необычных природных объектов.

Фото Алексея Сытина

Каменные стержни и трубки

по форме. Стержни диаметром в несколько миллиметров состоят из множества песчинок, сцементированных между собой кремнезёмом.

Трудно представить, что природа смогла так хорошо «обработать» камень. Однако это так. Как же появились здесь каменные стержни?

Минеральные образования цилиндрической формы в неживой природе практически не встречаются. Видимо, поэтому большинство исследователей склонны считать, что такие образования связаны с жизнедеятельностью древних живых организмов.

Несколько миллионов лет назад, в так называемое эоценовое время, в этих краях было мелкое и тёплое море, в донном песке которого жили черви-илоеды. Передвигались они в песке, пропуская его через себя. Ил, в изобилии находившийся на дне моря, служил им пищей. А очищенный в теле

червей песок образовывал следы круглого сечения.

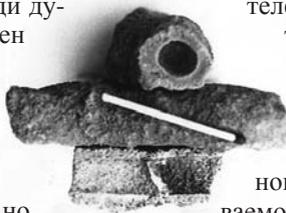
Когда море ушло, а его дно стало сушей, песок стал превращаться в камень. Однако вначале затвердел песок, переработанный червями, сохранив при этом цилиндрическую форму.

Окаменевшие короткие стержни теперь встречаются в россыпях, прилипшими к каменным глыбам или замурованными в них.

В тех же местах и в тот же геологический период, но с разницей в несколько миллионов лет, в недрах сформировались каменные трубки диаметром в несколько миллиметров. Теперь их нередко находят в Николаевском районе Ульяновской области. Эти окаменевшие объекты происхождения также «обязаны» червям. Но на этот раз окаменело вначале органическое тело червей, а уж затем песок, укрывавший умерших червей. Только вот стенки трубочек состоят из опоки чёрного цвета. И эта тайна образования трубочек ещё не разгадана.

На обрывистых склонах огромной долины, по дну которой течёт быстрая речка Канадейка, среди дубов и величественных сосен часто встречаются участки, покрытые горами камней, россыпями песка и редкой растительностью. Унылыми кажутся эти места. Однако если внимательно взглянуть в камни и песок, то можно обнаружить множество интересного. Например, каменные стержни.

Когда смотришь на них, то невольно ловишь себя на мысли, что это дело рук человека, настолько они идеальны

В музее кафедры минералогии Санкт-Петербургского университета среди великолепия топазов, алмазов, осколков метеоритов и других минералов красуется кристалл гипса. На небольшой этикетке, наклеенной на подставке, ровным, убористым

Кристаллический гипс

почерком написано: «Найдено в Симбирске. Июнь 1885 г. Ал. Ульянов».

Биографы семьи Ульянова утверждают, что этот образец Александр Ульянов доставил в музей по просьбе своего младшего брата Мити, нашедшего его на берегу Волги во время летних каникул.

Гипс – двухводный кристаллогидрат сульфата кальция. В Ульяновской области его промышленные залежи нет, но в зонах выветривания нижнемеловых глин на правом берегу Куйбышевского водохранилища очень часто встречаются «россыпи» кристаллического гипса. Кристаллы его безупречны своей огранкой, разнообразны

разны по форме и нередко абсолютно прозрачны. В основном они имеют ромбовидную форму, а размеры граней варьируются от одного сантиметра (и менее) до 10-15 см.

О нашем кристаллическом гипсе известно далеко за пределами Ульяновской области.

Благодаря усилиям и стараниям местного краеведа К.А. Кабанова образцы кристаллов ульяновского гипса имеются не только в Ульяновском областном краеведческом музее, но и в музеях многих стран мира, куда они попали через делегатов геологического конгресса, заседавшего в 1937 году в Москве.

В Тереньгульском районе нередко можно встретить непривычные для наших мест камни-дикари светлого-коричневого, тёмно-коричневого и

Ульяновские самоцветы

красного цветов. По размерам они обычно не превышают размеры куриного яйца.

На ряде образцов большая часть поверхности изрезана мелкими круглыми углублениями. По внешнему виду камешки напоминают кварцевый сливной песчаник. Но в отличие от него видимой зернистости на поверхности у них не просматривается, что заставляет предположить, что эти цветные камешки образовались при иных условиях...

Кроме разноцветных камней в этих же местах природа в изобилии захоро-

нила зелёные пески и песчаники и абсолютно бесцветные кварцевые пески, именуемые в обиходе стекольными. А вот в южной части Николаевского района, недалеко от с. Прасковьино, не очень глубоко от поверхности залегает песок почти красного цвета. Местные жители широко используют его в обычном строительном производстве, а могут, наверное, и для декоративной отделки и при изготовлении цветного силикатного кирпича. Цветные же камни можно использовать в качестве поделочного материала. Вот только они очень редко встречаются!

Онахождении в Симбирской губернии заповедного ствола древнего дерева диаметром 1,5 метра и длиной почти 5 метров известно с 1886 года. Открыл его геолог А.П. Павлов. Теперь Баевское окаменевшее дерево является ценным палеоботаническим памятником природы и охраняется государством. Учёные считают, что

Каменные щепки

это был очень высокий кипарис высотой не менее 50-60 метров, выросший на одном из островов палеоценового моря. С тех пор в нашем крае подобных находок не происходило. А вот обнаружение отдельных окаменевших частей древнейших деревьев в местах залегания кварцевых песков и песчаников палеогенового возраста не является редкостью для Предволжья.

Так, например, автор настоящей публикации находил окаменевшие щепки на берегу реки Суры в р.п. Сурское, в русле Мокрого оврага в Николаевском районе, возле Скугареевского каменного карьера в Тереньгульском районе и даже в гряде щебня, завезённого с щебёночного карьера на ремонт дороги в садоводческие общества,

расположенные в урочище Сахаровская мельница.

Как природа превращает дерево в камень?

В древесине, оказавшейся 25 миллионов лет назад в толще кварцевого песка без доступа кислорода, при разложении образовывалась химическая среда, которая способствовала замещению молекул древесины на молекулы кремнезёма, содержащегося в минеральном растворе песочной массы. Таким образом, древесина превращалась в камень.

Судя по тому, что у нас встречаются мелкие фрагменты окаменелых деревьев, то наверняка где-то «затаились» и крупные, и их ещё предстоит кому-нибудь найти.

На территории Ульяновской области изредка встречаются каменные образования округлой формы, а некоторые даже имеют форму шара.

Каменные шары

Собирая грибы в Каменном овраге недалеко от р.п. Красный Гуляй, я как-то нашёл каменный полушар размером 7х11 см. А сотруднику Казанского НИИ У.Г. Дистанову в семидесятые годы прошлого столетия возле с. Б. Станичное Карсунского района удалось найти кремниевые шары диаметром 40-50 см.

Внутри этих шаров находилась окаменелая древесина, которая будучи «центром разложения» органики (дерева) без доступа кислорода «обеспечивала» отложение кремнезёма, содержащегося в минеральных раст-

ворах кварцевой песочной толщи, настолько равномерно, что образуемые при этом конкреции приняли сферическую форму.

Вешние и дождевые воды, образовав долины и овраги, добрались до окаменелостей, и они оказались на виду. Так перед нашими взорами открылись интересные картины далёкого геологического прошлого и древней жизни на земле – картины со многими тайнами, ожидающими новые поколения исследователей, краеведов, натуралистов, геологов.

Как-то летом, находясь в окрестностях г. Сенгилея, возле каптажа, сооружённого в долине речки Тушёнки ещё в позапрошлом веке, моё внимание привлекло множество светло-серых камней с причудливыми, различной формы и размеров оплавленно-натечными наростами. Такие же камни оказались и около каптажа, сооружённого в долине речки Сенгилейки. В обоих случаях камни находились в местах выхода подземных вод на поверхность возле родников и ключей.

Известковый туф

По весу камни были лёгкие, в изломе светло-бурого цвета. Внимательно разглядывая их структуру, пористую и пузырчатую, я разглядел внутри находок окаменевшие ветки растений и раковинки наземных организмов. Бросив кусочек камешка в слабый раствор соляной кислоты, увидел бурную реакцию. Сомнений не осталось – это известняк, а точнее – известковый туф.

Известковый туф встречается крайне редко. Родники, возле которых были обнаружены его месторождения, питаются подземной водой из отложений мела и мергеля.

Дождевые и вешние воды, насыщенные углекислым газом из воздуха и почвенного слоя, проходя через огромные толщи меловых пород, в результате сложных химических реакций образуют из малорастворимых соединений кальция (мела) хорошо растворимые в воде гидрокарбонаты.

На поверхности гидрокарбонаты обычно образуют минерал кальцит, но в данном случае кальцита в виде красивых, с различными оттенками прозрачных кристалликов не образуется. В этом «повинны» невидимые человеку обитатели пресных вод – бактерии. При их участии происходит активное разложение гидрокарбоната кальция и отложение углекислого кальция в виде рыхлой массы, попеременно с порами, пустотами и посторонними включениями.

Только что образовавшаяся горная порода под воздействием внешних факторов начинает разрушаться. Так появляются на её поверхности причудливые натечные образования...

Как одна из самых молодых горных пород на планете, известковый туф представляет несомненный интерес для натуралистов и, конечно, для будущих посетителей национального парка «Сенгилеевские горы».

Белемниты – головоногие моллюски, обитавшие на мелководье тёплых морей Юрского и Мелового периодов. До наших дней дошли конусообразные

Белемниты

стержни, так называемые «чёртовы пальцы» – части тела белемнита, состоящие из кальцита. Придавая телу белемнита обтекаемую форму, эти стержни облегчали плавание животного. Выполняли они и другие жизненные функции.

Благодаря широкому распространению и обилию форм белемниты являются «руководящими ископаемыми» для определения юрских и меловых отложений, при формировании которых происходило массовое развитие белем-

нитов. Из ныне современных животных наиболее близкие к белемнитам по строению мягкого тела являются их потомки – каракатицы и кальмары.

Большую роль в изучении белемнитов сыграл выдающийся советский геолог А.П. Павлов (1854–1929).

«Чёртовы пальцы» в изобилии встречаются в северной части Ульяновской области на бечевнике западной части Куйбышевского водохранилища и в других местах, где имеются обнажения меловых пород.

Потерявшаяся слава

Полный кавалер ордена Славы
В.И. Филиппов

Известно, что полный кавалер ордена Славы, трижды получивший эту награду в годы Великой Отечественной войны, приравнивается к Герою Советского Союза. Но и почти через 70 лет после Великой Победы остаются ещё герои-орденоносцы, слава которых потерялась на пустырях нашей памяти. Один из них – Василий Иванович Филиппов, полный кавалер ордена Славы, получивший свою первую боевую награду 70 лет назад, в 1943 году. В Ульяновской области принято считать, что он родился в Чердаклах, но над его фамилией на Стеле Героев войны в местном парке даже нет портрета – лишь каска и две гвоздики. Похоронен Василий Иванович в Спасском районе Татарстана, но его бюста на Аллее Героев в городе Болгаре тоже нет. А в опубликованной биографии Филиппова много неточностей и откровенной путаницы.

Родился Василий Иванович Филиппов 15 октября 1914 года в семье рабочего. Во всех биографиях орденосца написано, что он родился в селе Чердаклы, которое в то время относилось к Ставропольскому уезду Самарской губернии. Но в наградных документах времён войны я обнаружил другое место рождения и проживания семьи В. Филиппова: село Ивановка Чердаклинского района. До 1919 года село это тоже располагалось в Ставропольском уезде, в 1919–1928 годах – в Старомайнской волости Мелекесского уезда Самарской губернии, затем вошло в только что созданный Старомайский район Средневолжской области, а в 1930-м было присоединено к Чердаклинскому району Средневолжского края. С этого времени Ивановка в течение 35 лет имела чердаклинскую «прописку», что и было зафиксировано в документах Василия Филиппова. В 1965 году село Ивановка вернули в Старомайский район, где оно и располагается до сих пор.

Известно, что Василий Филиппов получил в родном селе начальное образование, затем плотничал на железнодорожной станции Чердаклы и жил здесь же. В 1935 году Чердаклинским райвоенкоматом он был призван в Красную армию. Служил на Дальнем Востоке и с 29 июля по 11 августа 1938 года принимал участие в боях у озера Хасан. К тому времени императорская японская армия завоевала

у китайцев Маньчжурию и сделала попытку захватить спорные территории на границе с Советским Союзом, продвинувшись на шесть километров в глубь нашей страны. Красная армия отбила наступление японцев, и Филиппов в этой двухнедельной военной операции получил боевое крещение. Демобилизовался он в 1939 году и отправился на заработки в город Дзержинск Горьковской (ныне Нижегородской) области. К концу 1930-х здесь было возведено несколько заводов химической промышленности, в том числе производящих отравляющие вещества иприт и фосген. Весь город представлял из себя одну большую стройку коммунизма, и Василий Иванович два года работал здесь маляром Дзержинского стройучастка.

Когда началась Великая Отечественная война, на фронт его призвали не сразу. Только 29 ноября 1941 года Дзержинский горвоенкомат направил Филиппова в действующую армию, в формирующуюся 145-ю стрелковую Витебскую дивизию, где он в звании ефрейтора стал сапёром 2-го взвода 2-й роты 213-го отдельного сапёрного батальона. В боевых действиях впервые принял участие в марте 1942-го на Калининском фронте. Здесь, между городом Велиж и селением Слобода, 145-я дивизия в составе 43-й армии держала оборону вплоть до лета 1943 года. Затем Василий Филиппов участвовал в Смоленской наступательной

операции, 22 сентября освобождал город Демидов. Исключительную отвагу и самопожертвование он проявил в бою 16 октября на витебском направлении. В тот день группе сапёров было приказано сделать проход в проволочных заграждениях противника, к которым Василий Иванович подполз первым. Выждав, когда немецкие патрули удалятся на 10-20 метров, он подложил мощный заряд под первый ряд проволочного забора, а под второй ряд с размаха забросил 16-килограммовую упаковку взрывчатки. В результате последовавшего взрыва было уничтожено два патруля гитлеровцев, а в заграждениях образовался широкий проход для нашей наступающей пехоты. Командир батальона капитан Петров подготовил представление о награждении отличившегося сапёра орденом Красной Звезды, но вышестоящий майор Голотин 5 ноября подписал приказ о вручении В. Филиппову медали «За отвагу» – давать сразу орден было не принято.

В том же месяце Василий Иванович вновь отличился. В наступательных боях в Белоруссии, в районе деревни Гаврики Витебской области, с 8 по 20 ноября он обезвредил 70 мин разных систем. Однажды прямо на него, ползущего с одной сапёрной лопаткой, неожиданно вышел гитлеровский патруль, и Василию Ивановичу ничего не оставалось, как притвориться мёртвым. Уловка удалась: немец пнул

его что есть мочи под сердце кованым сапогом, но сапёр никак на это не отреагировал, чем и спас себе жизнь. А в ночь с 20-го на 21 ноября под сильным огнём противника около посёлка Яновичи он вновь проделал проход в препятствии из двух рядов усиленного проволочного забора, чем обеспечил оперативное продвижение вперёд стрелковых и артиллерийских подразделений наших войск. На этот раз капитан Петров представил Филиппова к ордену Славы 3-й степени, и майор Голотин с этим согласился, решение о награждении было подписано 9 декабря 1943 года. Дивизию к тому времени передали в 1-й стрелковый корпус 1-го Прибалтийского фронта.

В начале 1944-го ефрейтора Филиппова включили в состав разведгруппы по захвату «языка». От него требовалось обеспечить безопасное продвижение разведчиков через минные поля и проволочные заграждения немецкой обороны в 14 километрах восточнее Витебска. В рейде 27 января Василий Иванович обезвредил по маршруту группы 14 противопехотных мин и прорезал необходимые проходы в проволочном заборе. То же самое повторилось

и в ночь с 28 на 29 января. Сначала Филиппов снял 10 мин типа «S», затем сделал шестиметровый проход в препятствии из колючей проволоки и, подобравшись к немецким окопам, обезвредил ещё 10 мин прямо перед бруствером врага. Вместе с разведчиками он неожиданно ворвался в траншею и помог захватить в плен гитлеровского офицера. Уже на следующий день командир батальона майор Петров представил Филиппова к награждению орденом Славы 2-й степени. Командир 145-й дивизии генерал-майор Люхтиков 5 февраля утвердил этот наградной лист, а 13 марта решение подписал командующий 43-й армией генерал-лейтенант Голубев. За неделю до этого в одном из боёв под Витебском Филиппов был легко ранен. О его ратных подвигах не раз писали фронтовые газеты, уважительно называя Василия Ивановича мастером инженерной разведки. Помогала ему в боевой службе собака Стрелка, которую Филиппов сам обучил безошибочно находить замаскированные немцами мины.

Очередной геройский поступок ефрейтор совершил 21 декабря 1944 года, уже на территории Латвии. Группа

сапёров получила боевой приказ разведать подходы к реке Заня в районе населённого пункта Бруклайн, недалеко от города Салдус. Нужно было захватить мосты в полосе действия наступающей дивизии и не дать гитлеровцам взорвать их при отходе. Василий Филиппов уже привычно вырвался вперёд, первым из сапёров-разведчиков достиг реки и обнаружил мост, подготовленный немцами к подрыву. Он сумел незаметно подкрасться к блиндажу, в котором засели двое охранявших мост автоматчиков, резко открыл дверь и швырнул внутрь противотанковую гранату. Затем Филиппов оперативно обезвредил заложенную взрывчатку, снял 250 метров детонирующего шнура и сдал мост подошедшим войскам в исправном состоянии, обеспечив своевременную переправу через Заню наших передовых частей. Командиром 213-го сапёрного батальона в то время был гвардии капитан Усанов, и он уже 30 декабря представил ефрейтора Филиппова к награждению орденом Славы 1-й степени. Ходатайство об этом 6 января 1945 года подписал командир 1-го стрелкового корпуса Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Васильев,

Памятная стела с барельефами героев в посёлке Чердаклы Ульяновской области

а 28 января – командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта генерал армии И. Баграмян.

К ходатайству был приложен и второй наградной лист, подписанный двумя месяцами ранее теми же Усановым, Васильевым и Баграмяном. Здесь описаны ещё несколько случаев из боевых будней Василия Филиппова в 1944 году: 22 марта он установил на переднем крае на глазах обстреливавших его фрицев 60 рогаток и 100 противопехотных мин, прикрыв ими наши окопы; 14 сентября, невзирая на сильный огонь гитлеровцев, первым добрался до реки Лиелупе в Латвии и провёл разведку глубины в ней для предстоящей переправы наших войск; 3 и 4 октября в латвийском местечке Каршунай вместе с отделением сапёров смело выдвинулся на передний край противника и протыкал шупом всю местность вплоть до огневых точек гитлеровцев, чтобы при наступлении наши солдаты не подорвались на минах. Окончательное решение о награждении Филиппова орденом Славы 1-й степени было принято 24 марта 1945 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР. Для вручения награды Василий Иванович был вызван в Москву и получил этот орден в Георгиевском зале Кремля из рук Михаила Ивановича Калинина.

После этого герою полагался трёхнедельный отпуск на родину, но Филиппов им не воспользовался. Друзья ещё раньше сообщили в письме, что его жена сошлась с другим и сына взяла с собой. Поэтому домой Василию Ивановичу ехать не хотелось, он вернулся в свою новую часть. Дело в том, что ещё в начале марта в связи с большими потерями 145-я дивизия была расформирована в районе села Вейверы (Литва), и ефрейтора Филиппова перевели командиром отделения в 342-й сапёрный батальон 306-й стрелковой Рибшевской дивизии Ленинградского фронта. А 14 апреля он был награждён второй медалью «За отвагу», на этот раз отличился в боях на реке Виесата в Латвии.

До победы оставалось меньше месяца, конец войны застал Василия Ивановича в Восточной Пруссии. В октябре 1945-го он вернулся домой в звании старшины с ещё одной наградой – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Хотел при демобилизации забрать с собой свою помощницу собаку Стрелку, но не разрешили. А вот гармонь, на которой Василий Иванович виртуозно играл на привалах между

боями, привёз домой и берёт как дорогую память.

Поселился он после войны в селе Верхняя Терраса около Ульяновска, затем вновь в рабочем посёлке Чердаклы, на улице Северной. Деревянный домик Филипповых здесь сохранился до сих пор, Василий Иванович жил в нём со своей второй супругой Анной Семёновной. Работал начальником караула, штукатуром, маляром, строил цеха предприятий пищевой промышленности. С воспоминаниями о войне часто выступал в местной школе и на встречах ветеранов, получал письма от поисковых отрядов из разных уголков страны. А 9 мая 1965 года, в день 20-летия Победы, его пригласили в Ульяновск, где праздничные торжества проходили на центральном стадионе «Труд». В ноябре 1967 года в чердаклинской районной газете «Приволжская правда» был опубликован большой очерк о Василии Филиппове «Жизнь – подвиг», а в 1970-м в Приволжском книжном издательстве вышла книга «Подвиг солдата» с рассказом о его боевых буднях.

Затем Филипповы переехали на постоянное место жительства в деревню Ржавец Куйбышевского района Татарии: Анна Семёновна была родом из села Красная Слобода, что в нескольких километрах от Ржавца, вот и уговорила мужа поселиться в родных местах. Сама же она всю трудовую жизнь работала в колхозе трактористкой. Детей они так и не назвали. Скончался Василий Иванович Филиппов 26 октября 1981 года в возрасте 67 лет. Своего кладбища Ржавец не имел, поэтому по решению Анны Семёновны похоронили полного кавалера ордена Славы в её родном селе Красная Слобода Куйбышевского района ТАССР. Но за прошедшие 30 с лишним лет память о герое войны потускнела в сознании местных жителей. О том, где расположена на кладбище могила В. Филиппова, не смог мне сказать даже глава Краснослободского поселения. Недавно я всё же побывал здесь, и хватило 15 минут, чтобы найти надгробный памятник полного кавалера ордена Славы. Массивная мраморная плита, отчётливый портрет героя, перечисленные регалии в надписях, изображение Вечного огня, ухоженный цветник и даже привязанная к ограде Георгиевская ленточка говорят о том, что есть всё же добрые люди, до сих пор заботящиеся о могиле Василия Филиппова.

В нескольких метрах от супруга похоронена и Анна Семёновна Филиппова,

она умерла в феврале 2009 года в возрасте 88 лет. В последние годы жилось ей нелегко. Однажды из Казани в деревню Ржавец нагрянули коллекционеры, собиратели наград, и обманом уговорили старушку продать им орден Славы 1-й степени – самый ценный из трёх, изготовленный из золота. Теперь он, видимо, навсегда потерян для общества. После этого к Анне Семёновне обратились сотрудники Болгарского музея-заповедника, и она согласилась передать в его фонды на хранение оставшиеся два ордена Славы Василия Филиппова...

Куйбышевский район Татарстана давно вновь стал Спасским, а райцентр Куйбышев переименован в город Болгар, где ещё в 1990 году был открыт памятник-мемориал «Аллея Героев» и установлены бюсты восьми Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Но Василия Филиппова среди них нет, почему-то в то время местные власти посчитали его «не своим». Сейчас для восстановления справедливости администрация Спасского района рассматривает предложение установить к 70-летию Победы бюст Василия Филиппова в Аллее Героев на центральной площади города.

А вот в Чердаклах нет ни одного бюста местным героям. На памятной стене, установленной в поселковом парке, изображены их барельефы, а над фамилией Филиппова нет даже портрета – лишь каска, пулемётная лента и две гвоздики. Методист по краеведческой работе, создатель Чердаклинского историко-краеведческого музея Татьяна Бурлакова сообщила, что разговоры об установке бюста полному кавалеру ордена Славы В. Филиппову ведутся уже больше года, но до реализации этой идеи дело пока не дошло. В музее кропотливо собраны биографические материалы о Василии Филиппове, в которых, к сожалению, есть неточности. Впрочем, неточные сведения о герое-орденоносце опубликованы и в официальных изданиях: Книге Памяти Ульяновской области, Ульяновской-Симбирской энциклопедии, фотолетописи «Ульяновцы: путь к Победе».

Такие Герои, как Василий Филиппов, выиграли Великую Отечественную войну, и к 70-летию Победы его имя должно наконец-то вновь обрести потерявшуюся славу. Тем более, в Ульяновской области, на его родине.

Николай Марьянин,
член Союза писателей России

21 апреля 2013 года исполнилось 95 лет со дня образования регионального органа безопасности Ульяновской области. Немало славных боевых страниц в летопись этой спецслужбы вписали наши земляки-ульяновцы. В связи с юбилеем мне хотелось бы рассказать о тех из них, чьи имена увековечены в названиях улиц города Ульяновска и населённых пунктов области.

В дальнем Засвияжье Ульяновска есть улица, названная в честь Героя Советского Союза **старшего лейтенанта Шигаева.**

Андрей Васильевич Шигаев родился в 1907 году в селе Вышки Ульяновского района в бедной многодетной крестьянской семье, батрачил, работал пастухом. В 1929 году начал военную службу в кавалерии.

После окончания курсов красных командиров в Москве был направлен в железнодорожную охрану ОГПУ, затем работал в спецкомендатуре Ульяновского горотдела ОГПУ-НКВД. Добровольцем ушёл на фронт, был назначен командиром взвода сапёров, где познал минное дело. За храбрость, выдержку и простоту он стал любимцем среди солдат и офицеров. На хитро и умело заминированных его сапёрами участках дорог много раз подрывались наступающие танки и бронемашины врага.

В сентябре 1943 года наши войска подошли к Днепру южнее Киева к местечку Великий Букрин.

Перед первым батальоном 69-й механизированной бригады 3-й танковой армии была поставлена сложная задача: форсировать реку, захватить плацдарм на правом берегу Днепра.

Командир инженерной службы батальона Шигаев вместе со своими сапёрами сумел оперативно собрать и подготовить подручные переправочные средства. В ночь на 23 сентября он успешно организовал переправу оружия и личного состава батальона и сразу стал закрепляться на отвоеванном у немцев плацдарме на правом берегу, заминировал подходы.

И он не ошибся. Немцы несколько раз предпринимали яростные атаки, пытаясь столкнуть батальон в Днепр,

но всякий раз откатывались назад, неся большие потери. Выбрав момент, Шигаев поднял свой взвод и повёл его на врага, за ним последовали первая рота и весь батальон. Они продвинулись к господствующей высоте 210,8, заняли вражеские окопы, но взять её не смогли. Второй и третий батальоны под натиском противника вынуждены были отступить, вследствие чего батальон оказался в кольце окружения. На исходе боеприпасы. И тогда Шигаев предложил командиру пойти на рискованный ход, разрешить ему со своими сапёрами и двумя десятками солдат ночью пройти через своё же минное поле, где немцы не ожидали его, и доставить для батальона боеприпасы.

Смельчаки добрались до штаба бригады, где Шигаев доложил обстановку, указал на необходимость нанесения артудара по сильно укреплённой врагом высоте 210,8. К утру боеприпасы тем же путём были доставлены по назначению. Вскоре по высоте ударили пушки бригады, батальон пошёл в атаку, прорвал кольцо окружения и занял высоту. За этот подвиг отважный воин был удостоен звания Героя Советского Союза, так и не узнав об этом. Вскоре он погиб в одном из боёв при освобождении Житомирщины.

В северной части нашего города, в новом микрорайоне недавно появилась улица имени **генерала Журавлёва.**

Павел Матвеевич Журавлёв в истории отечественных спецслужб оставил весьма яркий след. Большую часть жизни он отдал нашей разведке, в войне умов много раз одерживал победы. Он прошёл путь от рядового разведчика до заместителя начальника советской разведки. Во время Великой

Отечественной войны добытая им информация получала высокую оценку Верховного главнокомандующего и Генерального штаба Красной армии.

Павел Матвеевич родился в старинном русском селе Красная Сосна Карсунского уезда (теперь Базарно-Сызганского района) Симбирской губернии в 1898 году в крестьянской семье. Успешно закончил гимназию и Казанский университет, владел английским, немецким, итальянским и арабским языками. Гражданская война стала для него настоящей школой мужества. Молодой красноармеец попадает в плен к колчаковцам, совершает побег, снова участвует в боях на Восточном фронте. Смекалистого и грамотного младшего командира направляют в Особый отдел ВЧК, перебрасывают на Южный фронт, откуда в Чрезвычайную комиссию Крыма, а 1924 году – начальником Севастопольского отдела ОГПУ. А через год он уже заместитель начальника Особого отдела Черноморского флота. В 1926 году Журавлёва как успешного, перспективного работника переводят в Москву в иностранный отдел ОГПУ (в разведку). Он работал в Прибалтике, на Ближнем и Среднем Востоке. Его резидентура особенно наступательно и результативно работает в Риме. С приобретением ценных источников информации в итальянской разведке и в посольстве Англии на стол резидента ложатся важные документы правительств этих стран. Москва довольна. Журавлёва отзывают в столицу с повышением, на должность начальника германского направления. Он сразу приступает к обобщению и анализу разрозненных разведанных, имеющих в НКГБ, и делает важный вывод о реальных агрессивных намерениях фашистской Германии против СССР, о быстро нарастающей военной угрозе, сроках нападения на Советский Союз, о планируемой Гитлером победоносной скоротечной войне – блицкриге.

Но Кремль оценил это слишком поздно, когда гитлеровский сапог уже топтал нашу землю.

В 1942 году полковник Журавлёв направляется в Тегеран в качестве главного резидента и одерживает победу в жестокой схватке с германской военной разведкой. Он срывает план главного диверсанта и террориста Германии Отто Скорцени по покушению на глав трёх великих держав. Теракт против Сталина, Рузвельта и Черчилля не состоялся. Разведчик не ходил в атаку с автоматом в руках, но и на этот раз в войне умов стал победителем.

С окончанием войны Павлу Матвеевичу было присвоено звание генерал-майора. Он назначается заместителем председателя вновь созданного Комитета информации, объединившего разведки Министерства обороны и МГБ СССР. За большие заслуги перед Родиной генерал был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «Знак почёта» и многими медалями.

Более полувека назад по инициативе местных краеведов одна из улиц райцентра Базарный Сызган была названа в честь легендарного чекиста, партизанского командира майора Авдеева.

Василий Дмитриевич Авдеев родился в 1898 году в семье железнодорожника. Детские и юношеские годы провёл в родном селе. До призыва на военную службу работал вместе с отцом на железнодорожной станции. В гражданскую войну служил в особом отряде по борьбе с бандами в Симбирской и Самарской губерниях. Много раз выполнял опасные задания. В 1919 году его рекомендуют в Симбирскую ЧК, а через девять лет как опытного оперработника направляют в Полномочное представительство ОГПУ в Средней Азии. В борьбе с басмачами он был семь раз ранен, за смелость и находчивость дважды награждён золотыми часами, именным оружием и знаком «Почётный чекист». Боевые подвиги продолжил в Великую Отечественную войну. В тяжёлых боях в Крыму попал в плен, сумел войти в доверие к немецкой лагерной администрации, получил право на выход в город, без особого труда установил связь с ростовскими партизанами. По заданию командира партизанского отряда он занимается формированием подпольных групп из числа военнопленных в лагере, организует

их побег. А с подходом наших войск к Ростову участвует в боевых операциях, ему поручают руководство штурмовыми группами по захвату тюрьмы и лагеря военнопленных. Авдеев успешно справляется с трудным и ответственным заданием. Штаб партизанского движения теперь поручает ему формирование разведывательно-диверсионного отряда для действий в тылу врага в Донбассе.

За три месяца отряд Авдеева (Донского) вырос до 172 человек, нанося врагу тяжёлые потери. Взорван большой склад с авиабомбами, организовано крушение четырёх грузовых поездов с боеприпасами, подорвано несколько танков, устроено 18 завалов в шахтах, пять раз выводилась из строя междугородная связь, уничтожено свыше 700 немецких солдат и офицеров, 16 раз выпускались листовки общим тиражом 4700 экземпляров. Всё это вызвало злобу у оккупантов. Ищейки, разыскивая неуловимого командира «Донского», арестовали всех с такой фамилией, но «сеть» оказалась пустой, несмотря на то, что за его голову была обещана высокая награда.

После Донбасса Авдеев (Черноморский) в январе 1944 года забрасывается в оккупированную Одессу командиром спецотряда с задачей подготовки вооружённого восстания. Он объединяет разрозненные партизанские группы в мощный кулак численностью 473 человека, вооружает их, распространяются сводки Совинформбюро и листовки. В катакомбах начинается издаваться газета «За Родину». Подготовка к восстанию идёт полным ходом, но реализовать его «Черноморский» не успел. 2 марта предатель выдал его вражеской контрразведке. При аресте отважный чекист отстреливался, последнюю пулю оставил для себя.

Одесситы чтят память о герое. Он похоронен в центральном парке культуры на Аллее Славы.

Решением Совета депутатов Димитровграда одной из улиц города присвоено название «улица майора Кузнецова».

На площади 30-летия Победы, рядом с величественной стелой и Вечным огнём, напоминающими ульяновцам о Великой Отечественной войне, о героизме советского солдата, есть скромный гранитный стенд с фа-

миллиями воинов, погибших в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе. В этом списке значится сотрудник Димитровградского отдела УФСБ России по Ульяновской области майор Кузнецов Денис Сергеевич. Он прожил короткую, но яркую и содержательную жизнь. Она оборвалась в 30 лет, в самом расцвете творческих сил.

В 2002 году майор Кузнецов как перспективный грамотный оперработник был направлен в командировку в Чеченскую Республику, неоднократно участвовал в подготовке и проведении ряда важных оперативно-боевых мероприятий в борьбе с вооружёнными бандформированиями.

14 августа 2002 года оперативная группа, в которой находился Денис, в Курчалойском районе попала в засаду, устроенную боевиками иностранного наёмника – террориста Абу Ханса. Бандиты атаковали с трёх сторон, ведя шквальный огонь из автоматического оружия и гранатомётов.

Кузнецов, будучи в кабине с водителем, первым открыл огонь по наступающим боевикам, сразил одного из них, другие отступили, продолжая стрельбу по подбитому автомобилю. В схватке погибли два товарища Дениса. Сам он был тяжело ранен в живот, обливаясь кровью, с трудом поменял позицию, но продолжал стрелять по бандитам, пока не подошла помощь. От потери крови он потерял сознание. В госпитале врачи боролись за его жизнь, но безуспешно. 21 августа офицер скончался. Майор выполнил воинский долг, бандитам не удалось захватить в плен сотрудников ФСБ.

Бой длился 20 минут. О силе огня противника можно судить по пробоинам на автомобиле: с правой стороны до 40 входных пулевых отверстий, в задней части кузова – 15, с левой стороны – 5, все скаты пробиты.

За смелость, самоотверженность и отвагу майор Кузнецов Указом Президента Российской Федерации награждён орденом Мужества (посмертно). Отважный воин навечно зачислен в списки личного состава управления ФСБ России по Ульяновской области.

Сотрудники УФСБ чтят память об этих замечательных воинах невидимого фронта, гордятся ими. Названия улиц Шигаева, Журавлёва, Авдеева и Кузнецова будут вечно напоминать о подвигах героев.

Анатолий Лихарев,

зам. председателя Совета ветеранов УФСБ России по Ульяновской области

Александр Жиркевич: К моим сокровищам ещё придёт труженик-историк

Страстный коллекционер и собиратель русской культуры Александр Владимирович Жиркевич, чья жизнь связана с Симбирским краем, оставил после себя ценнейшие материалы, которые находятся сейчас в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве. В настоящее время расшифровкой собранных автографов и дневника Жиркевича занимается его внучка – лауреат Горьковской литературной премии (2011) Наталья Григорьевна Жиркевич-Подлесских, исследователь и публикатор наследия своего деда. В сентябре 2013 года она приезжала в Ульяновск для участия в мероприятиях ассамблеи «Пластовская осень».

А.В. Жиркевич

Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927), выдающийся деятель культуры Серебряного века, военный юрист, коллекционер, собиратель русской культуры, собеседник, находился в длительной переписке, имеющей огромное научное значение, с такими знаменитыми, прославленными деятелями, как Л.Н. Толстой, И.Е. Репин, А.А. Фет, Я.П. Полонский, И.К. Айвазовский, юрист А.Ф. Кони, М.В. Нестеров и многие другие. Волею исторических событий он в 1915 году оказался в Симбирске. Здесь он провёл более 10 лет и проявил активное участие в культурной жизни края. Все наиболее значимые имена симбирской истории и культуры нашли своё место на страницах «Симбирского дневника» Жиркевича, выпущенного изданием «Этерна» в 2007 году.

Одна из таких ярких встреч произошла в 1916 году с Аркадием Александровичем Пластовым, тогда начинающим художником.

«Был у меня молодой художник А.А. Пластов, – записал 24 мая 1916 года в дневнике Жиркевич, – ещё учащийся в Московской школе живописи и ваяния. Его рисунки, несомненно, свидетельствующие о таланте, которые я видел у Архангельского, обратили на себя моё внимание. Архангельский попросил у меня разрешение показать Пластову мои коллекции рисунков. Вот он и пришёл. Молодой человек (чуть ли не сын псаломщика, дьячка) пробьёт себе ещё дорогу. В его словах чувствуется и любовь к искусству, и энергия, и настойчивость. Я долго ему показывал содержание моих портфелей – и оба мы изменились. Чувствуется в словах

молодого художника самомнение, уверенность в успехах, некоторое дерзновение. Что ж? Это и хорошо, для начинающего – особенно. И молодость без этого скучна и приторна...». В альбомах автографов Александра Владимировича, куда он помещал также

рисунки, акварели, письма, визитки, обнаружилось несколько зарисовок Пластова, которые впервые были представлены в Ульяновске на Второй Международной конференции «Творческое наследие А. Пластова и проблемы художественной школы» в 2013 году.

Рисунки и этюд А.А. Пластова, подаренные А.В. Жиркевичу художником Д.И. Архангельским в Симбирске

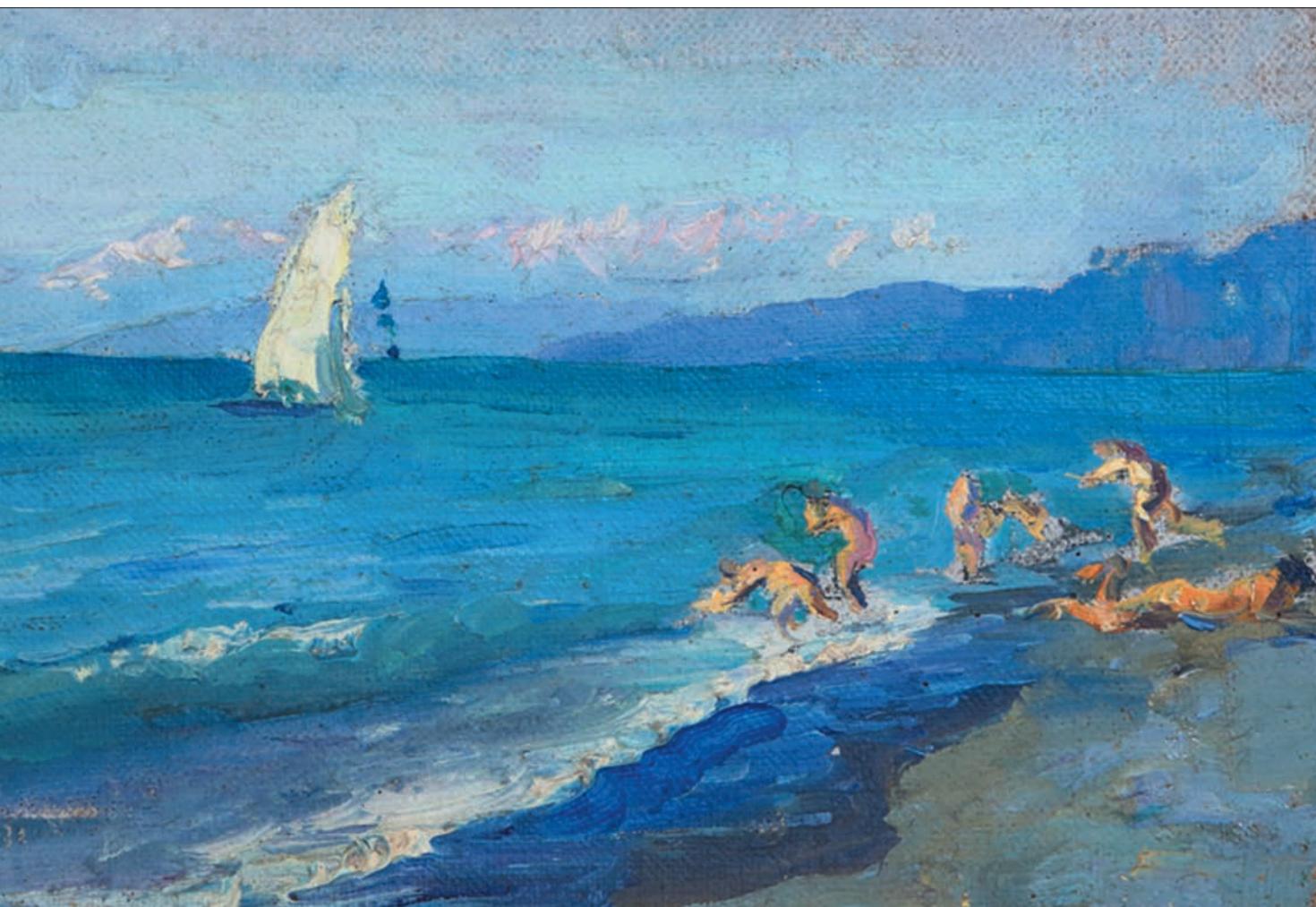

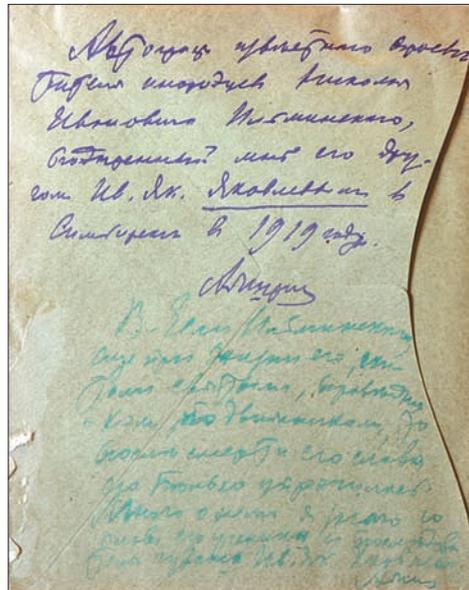
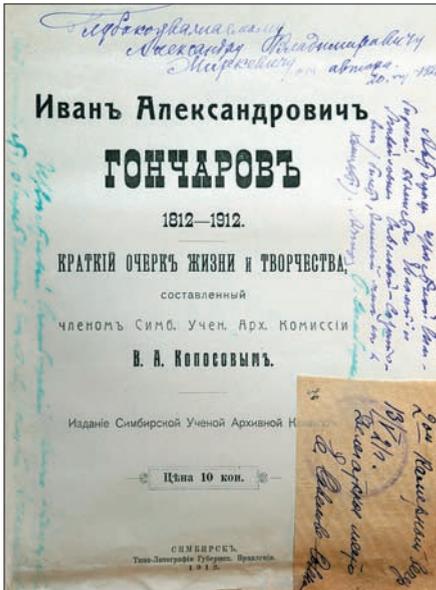

В дневнике А.В. Жиркевича сохранились подробности, касающиеся биографий многих выдающихся личностей Симбирска, таких, как тюрколог Е.И. Ашмарин, «Дон-Кихот» симбирской медицины врач-психиатр В.А. Копосов.

Симбирская история обязана Жиркевичу появлением воспоминаний чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Александру Владимировичу принадлежала инициатива записать воспоминания Ивана Яковлевича, которые затем оформились в книгу под назва-

нием «Моя жизнь». Это был жизненный подвиг Жиркевича. В рваных валенках почти ежедневно несколько лет (с 1917-го по 1920 год) он ходил в чувашскую школу, где жил Яковлев. Над головой летали снаряды, город брали то красные, то белые, но два старика

На каждом документе, хранящемся в коллекции А.В. Жиркевича, указаны даты и фамилии дарителей

На фото внизу:

Афиша выставки 1988 года

С таким мандатом А.В. Жиркевич вывозил в Симбирский архив книги помещика Баратаева

увлечённо работали над воспоминаниями Ивана Яковлевича. Один вспоминал, другой записывал. Ночью Жиркевич обрабатывал записи, готовил новые вопросы, а утром шёл к Яковлеву...

В 1922 году он передал в Ульяновский областной художественно-краеведческий музей около двух тысяч произведений живописи, рисунков, эскизов, акварелей, а также предметов историко-культурного значения и собрание старинных книг. Среди живописной части коллекции – полотна К.П. Брюллова, И.Е. Репина, И.К. Айвазовского, Н.Е. Сверчкова, шедевры зарубежных художников, рисунок нидерландской школы 1632 года, за который представитель организации АРА, занимавшейся спасением голодающих Поволжья, предлагал такое количество долларов, которые смогут поместиться на рисунке. Однако Жир-

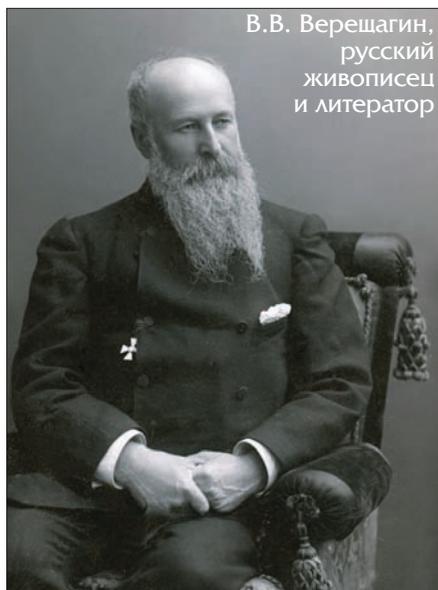
кевич отверг предложение: «Он куплен в России, в России и останется». Многие работы из его коллекции могли бы украсить стены музеев ведущих стран мира, в том числе коллекция рисунков русских художников А.Е. Егорова, Г.И. Угрюмова и К.П. Брюллова.

Трагическая судьба постигла почти все начинания Жиркевича. Не осталось следа от двух музеев в Вильне, созданных по его инициативе, рассеялись по многим книгохранилищам, музеям и библиотекам его пожертвования, многое стorerо в годы Первой мировой войны и революционных переворотов. Разрознена и забыта чуть ли не единственная такого рода и объёма в России (29 пудов) редкая коллекция старинного оружия и орудий пыток, переданная им в 1919-м и в 1921 году в Румянцевский музей в Москве.

Его личный архив, отданный им в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве (1925), претерпевший некоторые утраты в тяжёлые 1920-е годы, всё-таки остаётся одним из крупнейших собраний музея.

Несмотря на жизненные тяготы, голод и смерть жены, Жиркевич остался верен своим принципам. Идея его собирательства – это сохранение исторической и культурной памяти для потомков. Поэтому и его личный архив служит этой цели. Он состоит из многолетнего дневника, который Александр Владимирович вёл 45 лет своей жизни (1880–1925), а это восемь с половиной тысяч листов, 4 500 писем от 592 респондентов, 13 уникальных альбомов автографов, свыше 500 фотографий. Главную ценность для культуры России представляют записи о встречах с выдающимися представителями русской культуры: художниками, поэтами,

В.В. Верещагин,
русский
живописец
и литератор

М.Г. Эрденко,
основатель
цыганской
музыкальной
династии

И.Е. Репин,
художник-
живописец

Фотографии с автографами из коллекции А.В. Жиркевича

писателями. Всё это написано живым, искренним языком человека честного, смелого и независимого, влюблённого в искусство. Лучшее всего о Жиркевиче написал Игорь Грабарь во вступлении к опубликованным дневниковым записям Жиркевича о И.Е. Репине, с которым коллекционер был в близких, дружеских отношениях около 20 лет.

«Чтение дневника, – писал И.Э. Грабарь, – убеждает читателя в бесспорной правдивости, искренности и скромности автора, не выдвигающего себя самого и не подчёркивающего своей близости к великому человеку. Всё превращает Жиркевича в своеобразного гётевского Эккермана при Репине, но ещё более честного, корректного и умного. <...> Ни один биограф Репина не сможет отныне обойти молчанием этого дневника, носящего характер репинской биографии».

К сожалению, многие страницы дневника, касающиеся И.Е. Репина, и письма художника к Жиркевичу, изданные в 1940–1950-е годы, несут на себе множество искажений, сделанных в соответствии с политическими пристрастиями того времени. Религиозные размышления художника и его взгляд на роль искусства; мысли художника о русском характере и русской истории, упоминания Бога, царской семьи, великих князей – всё это исчезло со страниц публикаций, отчего исказился смысл текста. Например, напечатано: «Государь позировал плохо», а в подлиннике: «Государь был очень мил и любезен, хотя позировал плохо» (из письма, полученного 15 марта 1895 года), в ряде писем пропущены отдельные фразы, слова и даже целые страницы. Например, опущено описание смерти

Александра III, с любовью и восхищением мужеством последнего, сделанное художником.

Более 25 лет я работаю с наследием моего деда Александра Владимировича Жиркевича. Несмотря на многие публикации и издания ряда книг по архиву Александра Владимировича, могу сказать, что по-настоящему архив не изучен и не доступен для исследователей, так как нет полной картотеки упоминаемых лиц, из 13 уникальных альбомов обработаны лишь четыре. Назрела необходимость опубликования полной редакции дневниковых записей о жизни и творчестве И.Е. Репина, как и других материалов, которые обработаны, переведены в электронную версию и ждут своего часа. Это интереснейшие заметки о В.В. Верещагине и 42 его письма к Жиркевичу, письма А.Ф. Кони и поэта А.А. Коринфского, юриста и драматурга А.А. Навроцкого, еврейского учёного и публициста Ф.М.Б. Геца и ряда других деятелей культуры, лежащих пока «в столе».

Надеюсь, что Сергей Иванович Морозов, губернатор Ульяновской области, представители госструктур и общественности города помогут опубликовать эти материалы. В своё время Александр Владимирович Жиркевич сделал для сохранения симбирской истории и культуры столько, как никто другой. Хочется верить, что время справедливой оценки жизни и деятельности А.В. Жиркевича наступило, и труды его увидят свет.

«С каким восторгом, – записал в своём дневнике Жиркевич, – я смотрю на собранные мною документы, создавая, что мне не суждено воспользоваться ими, так как для этого нужно свободное время и спокойная душа, а у меня ни того, ни другого... Я верю, что к моим сокровищам ещё придет труженик-историк, и этот неизвестный мне друг удивится тому, откуда черпал я нравственные и физические силы для архивных раскопок, я, который мог бы устроить жизнь свою только в роскоши и ничегонеделанье. Быть может, хоть этот друг помянет меня тёплым словом... <...> И детки мои – я в этом уверен – простят меня за то, что я не накопил денег, а употребил их на покупку старинных рукописей – простят, как прощает мне моя Катяша (жена А. Жиркевича. – Ред.)» (дневник, 1900 г.).

В заключение хочу сказать, что учреждения культуры нескольких стран обязаны пожертвованиями Александру Владимировичу Жиркевичу. Вот лишь несколько примеров: его вкладами наполнены белорусские музеи Гродно, Минска; в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге в 1902 году им переданы 6 писем Н.А. Некрасова; уникальные материалы польской культуры переданы в Краковскую Ягеллонскую библиотеку, за что Жиркевич получил благодарность от директора библиотеки К. Эстрейхера. Но это уже отдельная тема.

Наталья Жиркевич-Подлесских

Неподражаемый Ромео

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения нашего земляка, великого русского актёра и режиссёра Константина Александровича Зубова. Народный артист СССР, лауреат нескольких Сталинских премий, награждённый орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, Зубов был не только неподражаемым актёром, но и талантливым режиссёром, долгое время возглавлял Малый театр и создал незабываемые спектакли. В Малом его до сих пор помнят как одного из самых любимых актёров и режиссёров. Его портрет в фойе висит на почётном месте, а фотографии из театрального архива часто разглядывают молодые актёры Малого театра.

Константин Зубов родился 8 (20) сентября 1888 года в селе Базарный Сызган, ныне Ульяновской области. Театром он увлекался с юных лет. Состоятельные родители не поддерживали увлечения сына и по окончании гимназии отправили его во Францию, в Нанси, для обучения в техническом институте. Профессия инженера совсем не привлекала артистичного юношу, и через год он поступил на историко-филологический факультет Парижского университета.

В 1906 году Константин Зубов вернулся в Россию и продолжил обучение в Санкт-Петербурге, занимаясь в Петербургском университете и одновременно в Императорском театральном училище, в актёрской мастерской Владимира Давыдова.

В 1908 году состоялся дебют Зубова на театральной сцене в роли Алёши в спектакле «Дети Ванюшина» С. Найдёнова. До революции актёр работал в театрах Самары, Харькова, Киева, в московском Театре Корша.

В 1917 году К.А. Зубов впервые выступил в качестве режиссёра в Иркутском драматическом театре. В начале 20-х годов он был режиссёром Первого Дальневосточного военно-революционного театра, потом работал в Московском театре Революции. В 1932–1938 годах Зубов – художественный руководитель Московского театра имени Ленсовета.

В 1936 году Константин Александрович был приглашён актёром и режиссёром Малого театра, а с 1947 года занял пост главного режиссёра театра. Творчество актёра отличала интеллектуальность, яркая театральность, психологическая глубина. Зубов был мастером диалога.

Интересные воспоминания о нём оставила актриса Малого театра Елена Шатрова, знавшая Константина Зубова

почти 50 лет. Впервые она увидела актёра в 1908 году в роли Ромео и была потрясена созданным образом. «Как сейчас стоит передо мной юный, белокурый Ромео, – писала актриса, – полный изящества и какого-то особого сценического обаяния, природу которого гораздо позже, много лет спустя, я определила для себя как сдержанность, экономность средств артиста. Тогда же в обаянии этом я видела привлекавшие меня приметы искусства мастеров французской школы, которые, очевидно, оставили большое впечатление в воображении влюблённого в театр юноши. Восхищаясь Сарой Бернар, Кокленом, Режан, Муне-Сюлли и другими артистами, гастролировавшими в ту пору в России, К.А. Зубов воспринял от них изящество и пластичность движений, жестов, стремительность и лёгкость диалога, непринуждённость манеры сценического поведения».

И далее Елена Шатрова даёт характеристику другим его образам: «Зубов оставался блистательным мастером диалога, всегда был одинаково лёгок и изящен на сцене, изящен и когда играл Фамусова или последнюю свою роль – Стесселя в «Порт-Артуре». Для нас, актёров Малого театра, работа Зубова на сцене являла пример высокого мастерства. Созданные им характеры, всегда художественно законченные, поражали филигранностью отделки деталей, глубиной и яркостью замысла. Зубову были одинаково доступны и комедийные, и драматические роли. Целую галерею самых разнообразных, ни в чём не схожих портретов создал он на сцене Малого театра, и каждый из них свидетельствовал о разносторонности дарования артиста. Те, кто видел его в роли Хиггинса из «Пигмалиона» Бернарда Шоу, никогда не забудут поистине неиссякаемой энергии,

жизнелюбия, брызжущей молодости его героя, как не забудут они и то неподражаемое мастерство, ту лёгкость, остроуту, изящество, которые буквально покоряли в каждое мгновение пребывания Зубова–Хиггинса на сцене. А Цыганов из горьковских «Варваров»! Какая глубина, какой истинный реализм, какая глубокая разведка самых скрытых тайников внутренней жизни этого сложного, циничного, опустошённого и вместе с тем необычайно умного человека! Какая, наконец, неожиданная боль, страсть и одиночество раскрывались Зубовым в сцене объяснения Цыганова с Надеждой... А Репетилов, а Фамусов, а Беркутов, а Макферсон из «Русского вопроса» Симонова... Сколько контрастов, оттенков, точнейших деталей, сообщающих характерам, создаваемым артистом, определённости, рельефности, историческую конкретность и уж, конечно, сценическую неподражаемость. Об этом можно говорить без конца. Для исследователя актёрское творчество К.А. Зубова даст огромный материал, обобщить который задача благодарная и неотложная».

Начав педагогическую деятельность в 1920-х годах, Зубов в течение двух десятилетий (1935–1955) преподавал в Театральном училище имени М.С. Щепкина при Малом театре. Его очень любили ученики, все они получили профессиональное признание. Те, кому посчастливилось играть с ним на одной сцене, до сих пор считают его главным учителем.

К сожалению, неизвестно, бывал ли позже Константин Александрович на своей родине, в Ульяновской области. Умер Зубов в Москве 22 ноября 1956 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

По материалам
Сергея Петрова

В горы – познать себя самого

Ульяновец Михаил Сафиуллин – путешественник, альпинист, фотограф. В свои 27 лет он вполне состоялся как личность и профессионал. Он способен на поступки, на которые далеко не каждый решится. Например, будучи уже пятикурсником, отличник по всем предметам, Миша Сафиуллин без сожалений оставил учёбу в Казанском финансово-экономическом институте и начал заниматься фотографией, увлёкся альпинизмом.

Как фотограф он представил в Ульяновске серии своих работ на социальные темы: «Общезжитие», «Будни и праздники», «Служу искусству». Как альпинист покорил немало вершин, в том числе – пик Ленина на Памире, где был в прошлом году в составе группы из Ульяновска в экспедиции, организованной Ульяновским отделением Русского географического общества.

Недавно Михаил вернулся из трёхмесячной поездки в горы Киргизии, откуда привёз фотографии, на которых горы подпирают небо и позволяют приблизиться к синей бесконечности только тем, кто дерзок и безоглядно смел; где безупречно белый снег и чистый воздух врачуют душу, уставшую от городской суеты... Впечатляют продуманность и естественность композиций его работ, умение чувствовать цветовые сочетания и передавать их. Дух романтики, восхищение красотой и первозданностью горных пейзажей, ощущения гармонии природы и скрытых в ней грозных опасностей – всё это молодой автор выплёскивает на зрителя, заражая его своими эмоциями...

Встретившись с Михаилом, мы разговорились о его путешествиях и фото работах.

– *Михаил, расскажи о своём последнем путешествии.*

– С друзьями из Зеленоградского альпинистского клуба – я с ними лет пять хожу в горы – ещё зимой договорился отправиться в Киргизию на пики Хан-Тенгри и Победа. 12 июля мы туда вылетели, а в Ульяновск я вернулся только 5 сентября. На Хан-Тенгри ходили по классическому, более простому маршруту. Потом сделали попытку подняться по технически более сложному маршруту, который проходил практически по стене. Не получилось, потому что нам сообщили по радиации, что ожидается плохая погода, и пришлось спуститься. После этого попытались взойти на пик Победы, но развернулись с высоты 6400 метров: дул сильный ветер. Мои товарищи уехали. Потом была неделя непогоды, шёл снег, вертолёт

не летали. Я познакомился с командой из Питера. Это пятеро альпинистов-друзей, почти все – солидного возраста, имеют звания «снежных барсов». Оно даётся покорителям пяти гор высотой в семь километров. С этой командой я сделал ещё одну попытку восхождения. Переночевали на высоте 6900 метров, и вновь из-за непогоды мы вынуждены были вернуться назад.

– *Какой вершиной, какой своей победой над ней гордишься?*

– Трудно сказать, вершины все разные. Вопрос Ваш похож на те, что мне часто задают: какие горы самые красивые? Кто ж его знает... Но на каждое новое восхождение ставлю себе планку: всё выше и выше. Хожу туда, где ещё не был, – по технической сложности или по высоте. И каждое новое

восхождение – всегда преодоление, шаг вверх и самая «крутая» вершина. Пока мой рекорд по высотному классу – Хан-Тенгри, а по техническому – пик Свободная Корея, который тоже находится в Киргизии. Но опять-таки! Были у меня горы с низкой категорией сложности, когда я только учился альпинизму, но из-за очень сложных погодных условий те вершины мне дались гораздо труднее.

– Что тебя тянет в горы? Как ты влюбился в них?

– Да, это любовь! Нам бывает трудно объяснить, почему мы любим того или иного человека. Для меня вершины начались с нашей Майской горы, где есть замечательное место – башня. Потом поехал в Крым, познакомился и подружился там с зеленоградскими альпинистами. С ними начал выезжать в горы и совершать восхождения. В 2007 году впервые поехал на Кавказ на учебные сборы на значок «Альпинист России». Это и была главная точка отсчёта.

– Альпинизм – опасный спорт, риск для жизни, для душевного здоровья. Ведь у тебя на глазах может погибнуть друг, которому ты не сможешь по каким-то причинам помочь. Это не останавливает?

– Меня Бог миловал. Но сейчас уровень моих восхождений такой, что достаточно часто приходится встречаться с моментами, когда люди погибают. Участвовал в спасательных операциях. С одной стороны, это тяжело, но, с другой стороны, – отрезвляет. В городе мы привыкли к мнимой безопасности и думаем, что вечны. Порой проживаем день так, что потом и вспомнить не можем, какими делами он был наполнен. Приезжая в горы, понимаешь

бренность бытия и, возвращаясь вниз, начинаешь думать, зачем тебе то, чем ты здесь занимаешься. После пребывания в горах я каждый день стараюсь прожить с осознанием, зачем я делаю то или это.

– Не было в горах чувства, что человек мал, слаб, зависим от природных стихий и одинок?

– Да, он слаб перед стихиями, слаб своими недостатками – физическими, душевными, духовными. Но он и силен. Это понимаешь, когда стоишь на вершине и видишь сверху свой базовый лагерь с палатками в виде точек, где людей разглядеть невозможно. А вечером, пройдя колоссальное расстояние, спускаешься в этот лагерь и понимаешь: тебе его по силам преодолеть. Это расширяет горизонт представлений о своих возможностях. В горах я никогда не почувствовал одиночества, наоборот, там есть чувство локтя, которое очень ценится в среде тех, кто занимается экстремальными видами спорта. Когда идёшь в одной команде, одной связке, ты знаешь, что тебе помогут чужие люди, они тебя накормят, поселят в палатку. В городе чувства локтя очень не хватает. И в горы я приезжаю, как домой: вижу, что ко мне не безразличны.

– Ты сказал: меня Бог миловал. Ощущение Бога там особенно явно?

– Мне приходилось попадать в разные ситуации в горах, когда от тебя самого немного зависит. И если везёт, если ты без ощутимых потерь вышел из опасной ситуации, волей-неволей самые прожжённые атеисты задумываются: а ведь есть Нечто... И все говорят: «Слава Богу!». Но на Бога надейся, а сам не плошай...

– Михаил, ты – альпинист не совсем обычный: берёшь с собой фотоаппарат. Для тебя важно запечатлеть то, что ты видишь? Расскажи об этом.

– Ситуации бывают разные. Я порой устаю от своей профессиональной деятельности. Фотография для меня – не развлечение, а труд. Иногда делаю несколько снимков для отчёта. Однако на пике Ленина мной всё же овладел «фотографический зуд». Я начал снимать на сотовый. Потом создал экспозицию, которую назвал по разрешению камеры моего телефона «Памир-0,3». Тем самым я хотел сказать: даже с сотовых телефонов можно делать классные снимки. Сами по себе горы не являются для меня мотивацией, чтобы снимать. Я лучше сяду на камушек, посижу и посмотрю вокруг. Но в последнюю поездку я поставил перед собой цель

принять участие в международных фотографических проектах. Поэтому я не расставался там со своей камерой. Она у меня сейчас «крутая» и весит полтора килограмма. Мои друзья-альпинисты очень критично относятся к весу. Считают каждый грамм. Это со стороны выглядит странно, но когда они покупают в магазине снаряжение, то обязательно смотрят, сколько оно весит. Если разница в пять граммов, то отдают предпочтение более лёгкой вещи. То же – с едой. 400 граммов сухой еды в день на человека и ни грамма больше. Чтобы я мог таскать свой тяжёлый фотоаппарат, друзья распределили по всей группе часть моего груза. Это было решение команды – позволить мне взять с собой фотоаппарат. И я смог работать. То, что получилось, уже высоко оценили специалисты – российские и зарубежные фотографы. Например, немецкий фотограф Heinrich Voelkel, член фотоагентства Ostkreuz. Российский журнал «Риск» для альпинистов и всех, кто занимается экстремальными видами спорта, предложил мне опубликовать на его страницах мои снимки и текст. Возможно, это произойдёт уже в октябре. Кроме того, по своим фотографиям я подготовил пакет открыток, которые будут продаваться в Киргизии. Большинство туристов, приезжающих в эту страну, не сможет попасть в те места, где я снимал, поэтому снимки в какой-то степени компенсируют им этот пробел. Выпуск открыток – это и моя гуманитарная миссия, и бизнес-проект. Есть договорённость с крупнейшей туристической частной компанией, которая базируется в том числе

и в Киргизии. Через них открытки будут распространяться. Для меня это шаг в сторону осуществления мечты.

– Увидим ли мы твою выставку с этими впечатлениями в Ульяновске?

– У меня материал для большой экспозиции, но нет смысла выставлять его у нас: дорогая печать, а отдачи не будет. Возможно, буду выставляться в Самаре, Казани или за рубежом. Однако в Ульяновске небольшую фотовыставку всё же сделать стоит. Дело в том, что я сейчас занимаюсь организованной мною фотошколой. И реализация проекта будет связана с её поддержкой. Но если найдётся меценат или культурный фонд, готовый меня поддержать, тогда можно было бы сделать в Ульяновске большую выставку для широкой публики.

– Пожалуй, главный герой твоих снимков – не горы, а человек, его противостояние и внутреннее единство с ними...

– Горы снимают все. Для меня они важны в контексте взаимодействия их с человеком и человека с ними. Серия фотографий должна подвести зрителя к пониманию какого-то процесса или события, положения вещей, причём не физического свойства, а духовного или морально-нравственного. Через них я должен помочь людям глубже заглянуть в себя и лучше узнать окружающий мир.

Беседовала

Ирина Морозова

Фото Михаила Сафиуллина

Р. С. Работая над интервью с Михаилом Сафиуллиным, я прочитала его письменные впечатления о поездке на Хан-Тенгри и пик Победы, которые он опубликовал ВКонтакте. Оказалось, что Михаил в разговоре со мной значительно смягчил опасные моменты своего путешествия, описав его очень приблизительно. На самом деле всё было гораздо острее и опаснее. Чтобы читатель полнее ощутил превратности пути к горным высотам, привожу с разрешения Михаила одну выдержку из его текста.

«Мы с Сашей пошли к Хану (пик Хан-Тенгри). Первый день работали на скалах, а вечером вышли на достаточно широкий снежный гребень. Вытоптали на нём площадку, куда поместилась почти вся наша маленькая палатка. Весь следующий день мы боролись за жизнь. Гребень сузилась, но снега на нём было очень много. Страховки практически никакой. Я то копал траншеей на крутых склонах, загребая инструментом выше головы, спуская снег порциями, чтобы весь склон сразу не уехал, то ходил по снежному краю гребня, рискуя съехать вниз. Апогеем нашего приключения стали снежные «грибы». Если что-то случится, по идее, страхующему надо было прыгать в пропасть по другую сторону гребня. Очень хотелось вызвать вертолёт. В Европе так бы и сделали. Когда я обходил очередной «гриб», он отвалился, и я полетел вниз. Мой напарник Саша сидел верхом на «грибе» раз в десять больше моего. Пока я летел, повернул голову, чтобы посмотреть на Сашу. Я подумал, что если увижу, как он падает с «гриба» (а я мог его запросто сдёрнуть), то вот он, нашонец. К счастью, Саша усидел, а я мягенько приземлился на почти вертикальный склон. Вскарabкался обратно, и было ещё полдня «удовольствия». Вторая ночёвка состоялась на площадке меньше одного коврика. Половина палатки бултыхалась в воздухе, но внутри было очень даже ничего. Утром во время сборов палатка улетела вниз, в руках осталась лишь дуга. Мы довольно долго смотрели ей вслед. Палатки неплохо летают, оказывается...».

Пробудить силу, ведущую вверх

Хотелось бы поделиться с читателем материалами, появившимися в последнее время в печати и в Интернете. Это работы профессора Московской консерватории, доктора искусствоведения В.В. Медушевского. Его работы были известны ещё в 1980-е годы и всегда обращали на себя внимание глубиной теоретических изысканий, меткостью наблюдений. В 1993 году появилась его книга «Интонационная форма музыки», в 2000-м – «Внемлите ангельскому пению». Обе названные работы отличаются живой манерой изложения, прекрасным литературным языком со множеством ярких сравнений, целым рядом обращений к этиологии в поисках истинного смысла слова. Но главное – книги написаны глубоко верующим человеком. Названные труды, а также вышедшие несколько позже «Концепция духовно-нравственного воспитания», «Духовно-нравственный анализ музыки» и ряд других статей содержат глубокие мысли о педагогике. Остановлюсь на наиболее интересных.

Фото Нафанялла

Учёный задает себе следующие вопросы: «Для чего мы отдаём детей в школу? Приспособить к будущей профессии? Для поддержания внешнего порядка в социальной жизни и производстве? Нельзя начинать мысль с середины! Нужно – с последней цели и смысла, дабы не затеряться в бесконечности тупиков. А для того – возвести ум к его истинному основанию, к правильной «точке отбытия мысли» (Жуковский). Где она?». Исходных «точек отбытия мысли», по мнению профессора, может быть три: Бог, человек, сатана. Автор выбирает первую, выдвигая следующие аргументы:

- христианин не может ставить свои скудоумные домыслы выше Божественной премудрости;

- житель России и цивилизованной Европы не может пренебрежительно относиться к христианству, ставшему основанием нашей цивилизации;

- высокое искусство России и Европы сформировано христианской традицией, именно в ней лежат истоки красоты.

Человек не может стать мерой всех вещей, поскольку для оценки себя ему самому нужна мера. Гуманизм в условиях современности выродился в поклонение человека самому себе. Став на точку зрения учёного-христианина, постараемся оценить современное состояние педагогики, психологии и смежных наук.

Педагогику В.В. Медушевский мыслит как составную часть антропологии. В правильном понимании

антропология – наука о человеке, включающая в себя психологию, педагогику, этику, эстетику, социологию и целый ряд других дисциплин. Все компоненты антропологии в настоящий момент находятся в глубоком кризисе. Так, психология – наука о душе – изучает ум, волю, темперамент, но полностью исключает из своего поля зрения такую категорию, как совесть. Но ведь совесть – то, что отличает человека от животного; совесть – искра Духа Божия в человеке, совесть – тот «орган», через который действует духовное начало. Современные психологи словом «духовное» называют то, что следовало бы именовать «душевым»; более того, они постоянно говорят о том, что человек не должен обращать внимания на голос совести, мол, это плохо, это «комплекс». Значит, психология изучает человека как животное, лишённое искры Божией?

Педагогика, будучи лишена духовного, от Бога идущего начала, также находится в кризисе. В буквальном переводе «педагогика» означает «детоводительство». Кого и куда должен вести педагог? Человек по-гречески именуется «антропос» – «устремлённый ввысь». В младенчестве практически каждый «антропос» восхищает нас своими познавательными силами, открытостью миру, верой в добро, жадной мудрости. Всё это происходит потому, что в маленьком ребёнке сияет устройство Божие. Когда же дети начинают учиться в школе, их прежние качества исчезают; тогда педагоги заводят речь о знаниях,

умениях, навыках, мотивации, технологиях... «Отвлёкшись от истины, потеряв духовный центр, школьные предметы перестали быть средством возвышения человеческой души, её одуховления. Разъединение познавательных задач и совершенствования, обучения и воспитания, меркантилизация мотивационной сферы, разжигание низменных страстей в детях лишает их счастья знать радость подвига серьёзного учения. Дети умерли для вдохновения, поражены апатией; тупость, мирочувственное уныние при бешеной жажде развлечений – неизбежная расплата за бездуховность. Как учить не желающих учиться? Давно есть ответ. Климент Александрийский (ок. 150–215) в сочинении «Педагог» советует: детей живых, с горящими глазками, слёту хватающих слово учителя, воспламенённых рвением – следует учить. А мёртвых, у кого (по Киплингу) – тусклый «взгляд, как у устрицы, вынудой месяц назад»? – В тех нужно прежде влить жизнь. Как это сделать?» – спрашивает В.В. Медушевский.

Всем известно, что плодотворность обучения зависит лишь от желания человека учиться. Так вот, задача педагога – пробудить в ребёнке силу, ведущую вверх. Сила эта исходит от Бога, и имя ей – Благодать. Духовная сила и способности – это как бы ствол и ветви; способности рассыпаются и вянут, если их оторвать от ствола духовных сил. Божественная Благодать – это огромная сила, но чтобы Она могла явить себя, нужен человек, способный

воспринять Её. Магнит не может притягивать к себе деревянные опилки, но притягивает железные. Точно так же Благодать действует не во всяком человеке. Чтобы воспринять Силу Божию, нужно дать Ей в себе место – тогда Она и начнёт действовать. Так что самовыражение, самореализация личности, о которых так много говорится в трудах по педагогике, отнюдь не улучшают способности детей.

Кого же сумела воспитать современная школа? Её питомцы не знают, что душа человека – главная ценность. Они перестали понимать интонацию человеческого слова, превратив её в набор кривляющихся «интонашек», а интонация гнева стала для них нормой. Вчерашних школьников погоняют желания и бесконечная жажда удовольствий, за что они расплачиваются болезнями, в том числе психическими. Начало безумия – в том, что мы верим в свой ум, а не в Истину над ним. Нераскаянное духовное невежество – корень всех бед сегодня. Знает ли нынешний гражданин России о Силе, сотворившей мир, создавшей наше Отечество, воздвигшей христианскую культуру? Если педагогика не отвечает на эти вопросы – то это антипедагогика. Воспитание должно соответствовать высокому призванию человека, ведь он – образ и подобие Божие, и предназначен он для Царствия Небесного! Какова должна быть цель воспитания, по мнению В.В. Медушевского?

«Цель воспитания есть та же, как и цель жизни человеческой. Сама жизнь здешняя не иное что, как воспитание для будущей; а вся будущая – не иное что, как бесконечное воспитание для Бога», – пишет В.А. Жуковский, умнейший человек России, которому было доверено воспитание царского наследника. Из правильного воспитания, по Жуковскому, истекает всё прочее: счастье, успех, нравственность, добродетели... Человек, воспитанный для небесной отчизны, как гражданин неба, вносит свет и в жизнь земного общества. Готовя же своих детей к геенне огненной, мы наносим урон и здешнему существованию; жизнь рушится, разлагается страна, вербовщики ада радуются: работа ада ведётся на земле», – пишет учёный в своей «Концепции духовно-нравственного воспитания».

Школа обязана вернуть учебным предметам их истинный смысл. Божественной благодати удобно действовать в любом учебном заведении,

лишь бы оно не оскверняло себя ложью. Русский язык должен восстановить связи со своей основой – церковнославянским языком, созданным святыми, литература – с духовной русской словесностью.

Многие исторические факты школьники могли бы увидеть и оценить иначе. Вот православный маршал Георгий Жуков, получивший в своё время благословение св. Нектария Оптинского на военное поприще вместе с пророчеством о великих свершениях. В день своего небесного покровителя, св. Георгия Победоносца, 6 мая, соединившийся в 1945 году с первым днём Пасхи, он возглавил победу над фашизмом. 8 Мая, во Вторник Пасхальной седмицы, когда празднуется Иверская икона Божией Матери, значение которой Сама Пречистая определила афонским монахам как силу охранения, он от имени Верховного Главнокомандования принимает капитуляцию Германии. А в великий двенадцатый праздник Святой Троицы, выехав на белом коне из ворот Спасской башни, он открывает на Красной площади Парад Победы (конь, предназначавшийся для Сталина, скинул «вождя народов», ибо Господу было угодно вручить честь открытия парада православному маршалу-победоносцу).

А что сказано в работах В.В. Медушевского о преподавании музыки? Учёный совершенно справедливо говорит, что музыкальная педагогика пропитана богоборчеством. Во-первых, продолжают издаваться сочинения И.С. Баха, Д.С. Бортнянского и других авторов с подложными текстами (вместо молитвенных стихословий – бессмысленные домодельные стишки). Во-вторых, от изучения утаивается церковная и духовная музыка (к примеру, много ли мы знаем о духовных кантатах И.С. Баха, о творчестве композиторов новой московской школы? – всё это не входит в учебные программы ни в начальном, ни в среднем, ни в высшем звене музыкального образования). Далее, неточно и с искажениями приводятся биографии великих музыкантов. Так, учебники музыкальной литературы говорят, что в конце жизни М.И. Глинка отправляется в Берлин для занятий с немецким теоретиком Зигфридом Деном. Но нигде не указана цель этой поездки. На самом же деле Глинка искал гармонию, отвечающую старинным русским духовным песнопениям, и отправился к Дену, чтобы увериться

в правильности своих поисков. И особенно показательно то, что ни один учебник, ни одна монография не пишет о дружбе композитора со святителем Игнатием (Брянчаниновым), об их многочисленных беседах, о том, что статья «Христианский пастырь и художник-христианин» написана по просьбе М.И. Глинки. Но самое главное – наша музыковедческая литература не показывает понимания того, что церковная музыка – это подлинное ядро музыкальной культуры, что светская музыка рождена церковной и источник её красоты – Бог. Нет ни одной работы по теории высокого искусства, показывающей, в чём же высота и серьёзность классической музыки. В поисках «того, не знаю чего»? Нет. Цель искусства – желание близости к Богу, к Истине. Русская да и западная классическая музыка рождены православием, поэтому православный взгляд является наиболее адекватным инструментом познания её. Нельзя ничего осознать в этой области культуры, если игнорировать её основания.

Музыкальное делание ребёнка – это, прежде всего, церковное пение. Хоровое дело в школе в настоящее время развалилось. Педагогика в целом и музыкальная педагогика в частности могли бы преобразиться, если бы обернулись лицом к Богу. История знает примеры такого преобразования. Естественные науки под давлением фактов приходят к тому, что Вселенная возникла из сгустка энергии, то есть, по сути дела, из ничего; биологи также переходят на позиции креационизма; только лишь педагогика упорствует, отстаивая ныне существующую свою точку зрения. Но ведь этим мы совершаем преступление против детей и ответим за это перед Богом.

В преобразении школы, учащихся и учащихся не последняя роль, по мнению В.В. Медушевского, могла бы принадлежать серьёзной классической музыке. Сквозная её тема – Божественная красота и преображённый христианством человек, и именно это превращает её в уникальное явление. Серьёзная музыка – это своеобразный экран, на котором возникают дивные образы, в том числе и молитвенные. «Традиция молитвы и молитвенности поддерживает высоту серьёзной светской музыки. Молитвенность серьёзной музыки есть центральное её жанровое начало: как без того выразились бы в ней её возвышенные смыслы,

составляющие её сущность? Серьёзная музыка, храня в себе память рая, не позволяет человеку оскотиниться. «Кто музыки не носит сам в себе, кто холоден к гармонии прелестной, – тот может быть изменником, лгуном, грабителем, его души движения темны, как ночь, и, как Эреб, черна его душа» (Шекспир). Инстинктивно прочитывая эту тайную философию души, это светящее и умягчающее действие светской музыки, родители и по сей день отдают детей учиться музыке, меценаты всех веков и государство поддерживали её», – пишет автор «Концепции духовно-нравственного воспитания». Музыка – не «язык эмоций», а проповедь красоты Божией, что сияет в звуках, возбуждая духовную жажду, но не имея сил её утолить. Задача педагога – раскрыть перед учащимися Божественный свет музыки, помочь формированию слуха как органа поиска небесной красоты.

Много говорится в последнее время о серьёзности джаза. Вот как оценивает Медушевский современные обработки классических произведений. «Удар – от глагола драть (от того же корня – «раздор», «вздор», «задирать», «драка», «дрянь», «дыра»). Ряд удручающий. Подкрашивание стуками ударных – какими бы они ни были: цинично-небрежными и холодными или ожесточённо-злыми – радикально меняет способ интонирования. Меняет через перенастройку сердца: с духовного стояния в благоговейном внимании к небесной Красоте – на ленивое расслабление. Сама эта поза восприятия возвышенного и святого глумлива и кощунственна. Рассогласование исходной высоты материала с душевной развинченностью создаёт пикантный эффект цинизма». Эстрада – музыка плоти и безудержных желаний, из неё никогда не поднимутся чистота, сила и святость.

В.В. Медушевский считает, что школа – самая важная точка приложения сил в настоящее время; по его словам, «от гниющей школы может начаться гангрена народа». «Образование составляет основную задачу государства». Верная формулировка – из конституции. Увы, не нашей, а греческой. Однако как близко нашей традиции! Сильное и правдивое правительство хранит не один материальный порядок, но и самую нравственность народа. Забвение главного рождает дряхлость и развал. Кому это выгодно? Если, по слову Библии, «каков делатель, таково и дело», то как же

Фото о. Димитрия (Пономарёва)

не позаботиться обществу о духовно-нравственном воспитании и его конституционно не узаконить в качестве главной цели государства, в особенности в наше время, когда каждый человек в отдельности и всё человечество в целом постоянно находятся перед необходимостью выбора между добром и злом, когда ложь сводит людей с ума, развращает сердца, разрушает жизнь во всех её проявлениях. И в преобразовании нашего просвещения нам, право же, есть на что опереться. Ещё живы традиции отечественной педагогики. А ведь слово «традиция» по-русски означает «предание». Традиция – семя, культура – почва сердца (добавим к тому, что слово «культура» означает «возделывание»). Возделывание души для Царства Небесного или для ада – альтернатива, вечно стоящая перед человеком. Культура – показатель того, как усвоил человек понятие о Божественной Красоте. Культуру озаряет Свет Христов; нечувствие света, вера в культуру как таковую ведёт во тьму.

Познание классической музыки – это познание законов духовной высоты и красоты. Мы высоки и прекрасны с Богом. Потому истинное познание высокой музыки оборачивается познанием духовной антропологии, духовной психологии, то есть

самих себя. Действительно, «невозможно воспитать половинкой культуры, именно светской половинкой. Но и суммы половинок мало! Подобно больному человеку с расщеплённым на два полушария мозгом, ущербна и расщеплённая культура. И в воспитании так. Игнорировать сущностно-глубинную цельность культуры в образовании человека, внедряя в него её внешнюю расщеплённость или односторонность, – означало бы заражать его шизофренией культуры».

По словам В.В. Медушевского, «не звуки мы любим, а Бога в них. Профессия и жизнь не должны пребывать в шизофренической отчуждённости, но должны быть в гармоническом единстве. Обучение музыке и её познание оборачиваются духовным воспитанием и самовоспитанием, что немислимо вне Церкви и без благодати Божией. Дай Бог, чтобы и школьное воспитание в России не стояло буквой в стороне, но активно способствовало бы возрождению народа, соборному нашему восстанию от свиноподобной бездуховной жизни к свету и смыслу».

Вера Епифанова,

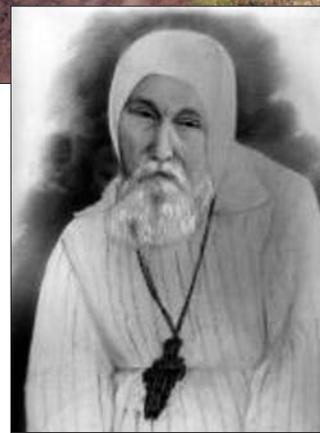
преподаватель музыкального училища им. Г.И. Шадриной, УлГУ

В годы советской власти, когда процветало безбожие, в каждом уголке нашей Родины был свой молитвенник и заступник за народ, пытавшийся строить своё «идеальное» общество без Бога. И была нужда в таких молитвенниках, когда церкви были закрыты и люди голодали без Божьего слова. Ведь праведники не только словом, но и примером святой жизни открывали ближнему евангельские истины. Теперь мы хорошо понимаем, что именно благодаря этим светильникам веры выжила Святая Русь.

Сейчас вера православная расцветает, храмы открыты, и каждый человек имеет свободный доступ к обилию христианской литературы. Благодаря современным технологиям мы можем в любой момент пообщаться со священником из любой точки планеты. Можем забежать в храм после работы, стараемся посещать Божественную литургию по воскресеньям и в праздники, регулярно причащаться. И, помимо всего этого, мы ещё имеем возможность ездить в паломнические поездки для того, чтобы поклониться мошам святых и попросить их молитвенной помощи и совета, потому что верим, что у Бога все живы.

Дорога в дом старца открыта

Старец Василий Струев

Фото Нафаняла

В посёлке Урено-Карлинское Карсунского района Ульяновской области, там, где дорога поворачивает на село Чуфарово, есть памятное место, с давних пор называемое местными жителями Копышовкой. Именно здесь жил приснопамятный Василий Дмитриевич Струев († 09.07.1950 г.).

14 августа исполнилось 145 лет со дня его рождения. 15 августа – день памяти его небесного покровителя св. Василия Блаженного. По воле Божьей случилось так, что Василий Дмитриевича в народе тоже с любовью и почтением называют блаженным старцем или отцом Василием.

Он вырос в семье благочестивых родителей Димитрия и Евдокии, имел двух братьев и сестру. Среди односельчан пользовался уважением, честно трудился, женился в положенном возрасте – жизнью своей вроде бы ничем не отличался от других. Но, как это часто бывает, беда настигла совсем неожиданно. По злой ли шутке или по случайности Василия Дмитриевича парализовало. Случилось это, когда его, разгорячённого после бани, окатили холодной водой.

Такой путь избрал Господь этому удивительному человеку. Путь терпения, глубокого смирения и непрестанной молитвы. Потому что в нём

обреталось то сыновнее послушание воле Отца, которое позволило осознать смысл произошедшего и не возроптать, не ожесточиться, не очерстветь, погрузившись в пучину уныния и саможаления.

Такой крест возложил Господь на сродников Василия Дмитриевича, указав им путь ко спасению. Но, по евангельской истине, нет пророка без чести, разве только в отечестве своём и у сродников, и в доме своём (Мк.6:4). И родные не поняли дара Божьего, благословения, которым Господь осенил весь род Струевых. Как рассказывает Рахиль Рябова, в течение 15 лет за болящим не было должного ухода. До тех пор, пока в дом не пришла сиротка Гликерия Захарова, которая посвятила свою жизнь этому святому человеку. Постепенно в жизни старца появились сёстры Рябовы. Своими христианскими сердцами девицы Гликерия, Капитолина, Рахиль и Антонина понимали, что служение Божьему человеку приближает их к Богу. Ибо кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника (Мф.10;41).

Многочисленные исцеления больных, бесноватых, беспрестанная помощь старца Василия всем, кто приходил к нему с верою во Христа, и другие чудеса, совершаемые и после смерти

блаженного старца, открыли людям, что молитвенник Божий несомненно прославлен у Господа и обрёл награду за свои страдания в небесной обители.

Поток людской к старцу не прекращается и поныне. Но не всякий может прийти в дом Василия Дмитриевича, где ежегодно проводится помин 9 июля, в праздник Тихвинской иконы Божией Матери. Не всякого допускает Господь, и некоторые из года в год собираются приехать, но по разным уважительным причинам каждый раз не могут этого сделать. А кого-то старец словно бы сам призывает к себе. Так случилось с женщиной, матерью четверых детей. Одна из её дочерей болеет душевно и страшно мучается. Несколько лет назад многострадальная мать побывала на могиле старца, где, помолившись, приняла решение

переехать из города в деревню. Выйдя за ограду, женщина увидела радугу вокруг кладбища, точно по контуру его осеняющую. Это чудо вспомнилось тогда, когда она по «случайному стечению обстоятельств» купила дом именно в Копышовке и почти напротив кладбища, где покоятся мощи старца Василия.

А вот история Галины Ивановны, которая тоже живёт неподалёку.

Галина Ивановна переехала в Копышовку 14 лет назад. Ей поставили диагноз: лейкоз – злокачественное заболевание кровеносной системы. Ни ходить, ни есть самостоятельно женщина уже не могла, а только лежала на больничной койке. Врачи пророчили ей скорую смерть. И тогда во сне болящая увидела Христа, который благословил её и успокоил, что она ещё поживёт и увидит внуков. После этого женщина покинула больницу и переехала из города в деревню. Здесь она узнала о старце, и с тех пор ухаживает за его могилкой, живёт и здравствует по сей день.

В селе нет ни церквушки, ни часовенки, но есть дом старца и его могилка, куда приходят люди, чтобы помолиться и получить скорую помощь и утешение.

Каждый, кто приезжает сюда, ощущает себя словно в другом мире. Парадоксально, но в доме, где 45 лет пролежал в болезни многострадальный праведник, проводя дни и ночи в терпении и молитве, забывается всякая усталость, а на душе царит такая неизъяснимая радость, что не хочется уходить, покидать это святое место, напитанное его горячей верой.

Наталья Романова уже несколько лет следит за домом старца и его могилкой. Она рассказывает, что какой бы обессиленной не пришла она в этот дом, здесь всё проходит – словно крылья появляются. И возвращается она из дома старца Василия отдохнувшей и обновлённой, даже если всё это время в доме трудилась без отдыха. Заболел ли кто из близких, потерялась нужная вещь, отправился ли кто в путешествие – Наталья постоянно обращается к старцу, просит его молитв и каждый раз дивится, как скоро и чудесно разрешаются любые проблемы.

У православных не принято плакать на поминках, потому что смерть для нас не конец, а только переход. Как говорит апостол Павел: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение... влечёт меня то и другое:

имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил. 1:21–23). Но только у истинно святых людей дни поминовения проходят как праздник и торжество православной веры.

Именно такое торжество уже в 63-й раз произошло в сердцах всех собравшихся почтить память Василия Дмитриевича в Копышовке 9 июля 2013 года.

Внешний облик и внутренняя обстановка обители старца остаются неизменными стараниями людей, которые его любят и помнят. Кроватька о. Василия стоит на том же самом месте, занавешенная пологом, бережно хранится подушечка, на которую склонял голову всяк приходящий к старцу под его благословение, а также крест о. Василия.

Каждый, кто оказался в доме старца, сможет рассказать свою совершенно удивительную историю встречи с ним, когда все дороги сошлись в этом маленьком доме, привели именно сюда, поэтому среди молящихся здесь нет случайных людей, и каждая встреча имеет значение.

Во время молитвы сам воздух наполняется ощущением чуда. Сердца собравшихся посещает радость от ощущения единства во Христе, живой искренней веры, объединяющей всех молящихся. Остро чувствуется незримое присутствие старца. И каждый испытывает гордость от присутствия здесь и сейчас.

Стало доброй традицией ходить крестным ходом от дома старца Василия на его могилку. В этом году крестный ход возглавил иеромонах Силуан (Старостин), приехавший из Свято-Воскресенского тольяттинского мужского монастыря. Во время панихиды шёл дождь. И мы вспоминали события двухлетней давности, когда в начале панихиды ярко светило солнце, но в самом конце погода резко изменилась. Небо вмиг сделалось чёрным, налетел ураганный ветер – все понимали, что будет ливень.

Ольга из Ульяновска рассказала, какое диво увидела она на небе, когда собирался дождь. Тучи обошли могилку старца с одной стороны, подобрались с другой, но ровно над могилкой оставалось светлое пятно, будто бы столб света тянется от могилы до самого неба.

Только были пропеты последние слова панихидных песнопений, как начался ливень, а через минуту – град.

Градины были величиной с перепелиное яйцо. Вот такая благодать снизошла на верующих людей. Все промокли до нитки, словно искупались в источнике. А те, кто побит был градом, приняли это испытание от Господа с благодарностью, и каждый внутри себя связал такое невиданное чудо с чем-то своим, сокровенным.

Верующие ежегодно приезжают к старцу из разных мест: п. Силикатный, с. Малый Урень, с. Белозерье, с. Языково, с. Астрадамовка, многие приезжают из Ульяновска. Антонина приезжает из Караганды, привозит поклон и подарки от настоятельницы Рождественского карагандинского женского монастыря монахини Севастианы, которой ещё в молодости довелось познакомиться со старцем.

Что это был за человек? Можем ли мы себе представить величину его подвига? В доме напротив жила Екатерина Бландова, отошла ко Господу совсем недавно. «Всю жизнь прожила напротив, – говорит она, а у самой слёзы стоят в глазах. – Без конца к нему бегала». С любой бедой и нуждой приходила к старцу Василию и неизменно получала помощь. «И на похоронах была. Народу было очень много. Наверное, тысяча человек! Когда понесли на кладбище, все стремились под гроб поднырнуть для исцеления, потому что из гроба текло миро».

Как и при жизни, так и теперь Божий страдалец помогает людям и дарит им добро и любовь без ограничения. И дело не только в чудесах и исцелениях. Главное – это тот Божий свет, который чувствует каждый, кто попадает в обитель отца Василия и душой соприкасается с ним. Этот свет преображает душу человека, утешает, ободряет, призывает к святости.

Иеромонах Силуан (Старостин) сказал: «Я думал, что когда Рахили не станет, это будет конец, – подразумеваемая конец памяти о многострадальном молитвеннике, конец почитания и поклонения. – Но оказалось, что это только начало». И действительно, снова и снова здесь собираются люди разных возрастов, как частички мозаики, не прерывается связь поколений.

Веря искренне, что Василий Струев прославлен у Господа, мы молимся о том, чтобы прославилось его светлое имя и на земле.

Екатерина Романова

Из редакционной почты

В редакцию журнала «Мономах» пришёл отзыв о статье о. Александра (Корабельникова) «Не судите, да не судимы будете» (№ 2-2013). Читательница обратилась к автору статьи с волнующим её вопросом, на который о. Александр также ответил. Надеемся, нашим читателям будет интересно познакомиться с этим письмом и ответом батюшки.

Статья «Не судите...» вызвала много чувств, откликов и вопросов.

Мои близкие родственники страдают пристрастием к пьянству. Я осознаю, что это болезнь – не менее серьёзная, чем наркомания... Но когда я читаю акафист за них, я иногда говорю: «Я пошла молиться за алкашей». Полушутка, полусерьёзно. Значит ли, что я осуждаю их, навешивая им такой ярлык? Но ведь называя человека «пьяницей», «алкашом», мы констатируем факт, что он болен. Так же, как мы скажем: раковый больной. Или это становится осуждением только при личном обращении к человеку: мол, ах ты, пьянь!

И вот ещё какой вопрос. К примеру, человек болен недугом пьянства, осознаёт это, хочет с этим покончить, но не властен над собой: держится неделю, максимум – месяц, снова запивает... Это страшная

трагедия, не описать словами мучений близких. Подлинно святые люди и то, наверное, не всякий раз выдерживали бы издевательства и не выходили из себя. Но вопрос вот в чём. Когда человек пьёт, запои всякий раз заканчиваются «скорой». Человек почти на смертном одре. Ему очень плохо, и он понимает в этот момент, что ему нельзя пить. Даже малой капли нельзя. Но, тем не менее, даже в трезвой памяти и твёрдом уме он заявляет: «Я пить не брошу никогда! Я такой и таким останусь». Мол, принимайте меня таким, это моё право.

В такие моменты не то что не страдаешь, – тут просто ненавишь начинать человека. Он знает, какое горе приносит близким, знает, что убивает себя, но в своём эгоизме зашёл так глубоко, что даже не борется со своим недугом. Даже не осознаёт, что болен, и продолжает погружаться в свою страсть.

Как реагировать человеку, который рядом с ним? В статье сказано, что христианка постарается вдвоём преодолеть эту беду. Но если больной не хочет даже слышать ни о каком преодолении? Она каждый день унижается перед ним, пытается наладить отношения, смягчить его гордый, злой нрав. А он упивается этим и продолжает её унижать. Человек костенеет в своём грехе, он твёрдо выбрал этот путь и не хочет с него сворачивать. Что делать в таком случае? Посвятить ему остаток дней? Пусть жизнь будет каторгой, но зато он хоть не умрёт под забором, будет накормлен и обстиран. Или оставит его и дать ему эту чашу испить до дна одному и посвятить себя тем близким, которые в этом действительно нуждаются?

Спаси, Господи! Буду рада, если найдёте время на ответ.

Уважаемая К.!

Я писал в статье «Не судите...» об идеальной христианке. Об идеале нам важно знать и к нему стремиться. Без стремления к идеалу наше собственное «христианство» не устоит. В какой-то трудный день нам может не хватить чего-то: веры, надежды, самоотверженности, любви и др. – чтобы остаться нам на доступной для нас высоте христианства. Это будет простительная немощь. А если мы скажем себе, что мы ничего и не должны такому человеку, если мы оправдаем свои злые чувства, слова или поступки, мы (м. б., невольно) отречёмся от христианства. Итак, немощь с покаянием – простительна; злое осуждение с чувством своей правоты – предосудительно. Гордому идеал не нужен, ибо он сам себе – идеал. Смирному идеал нужен, т. к. он его покаянию придаёт определённый смысл и содер-

жание (идеал указывает – от чего избавляться и к чему стремиться). Этой работой над собой нужно заниматься всю жизнь. Через неё мы совершаем свой вклад в спасение своей души.

Другое дело – наши отношения с ближними. Иногда при всём нашем желании мы не можем им помочь. Сегодня это нам кажется очевидным, завтра (мы предполагаем) будет так же или хуже. Что делать? Попробовать вступить в школу христианских добродетелей и постараться успешно окончить хотя бы несколько классов. Т. е. приобрести доступные нашему уровню смирение, терпение, кротость, любовь к досадителям, самоотверженность и т. д. Если это нам удастся (с помощью Божией), мы не напрасно прожили этот скорбный отрезок жизни. Укрепится в нас надежда, что Господь тем или иным образом обратит наши скорби на утешение. И мы

будем стойко его ожидать, продолжая работать над собой. Известно немало случаев, как Господь в неожиданный час посылал скорбящим в терпении и смирении нечаянную радость.

Бывают ситуации, которые воспринимаются человеком как совершенно безнадежные. Кажется тогда (и, м. б., на самом деле так), что если не выйдешь из неё – погибнешь физически или духовно. И человек бежит, спасая себя от житейской катастрофы. Кто осудит такого «беглеца»? Но хорошо бы, чтобы такой человек знал, что большая разница (в духовном отношении) бежать со злобным осуждением, проклятиями или бежать с сознанием своей немощи и греховности, желая в новых условиях дорешать свои духовные задачи.

Умудри Вас Господи.

Александр Корабельников,
иерей Симбирской митрополии